

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2021`2

Кермен Толга

Djangar
Barun

Source: Esri, DeLorme,
GeoEye, Earthstar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2021. № 2

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2021. № 2.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по определенной тематике: источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социальным институтам и процессам, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала.

Журнал публикует статьи на русском, английском, калмыцком и монгольском языках.
Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Подписной индекс в каталоге Агентства ОАО «Роспечать»
(газеты, журналы 39464).

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2021. No. 2.

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines and themes as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, social institutions and processes, and review articles by leading experts the journal specializes in.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Rospechat Agency) — 39464
(newspapers, journals).

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Бичеев Б. А., д-р филос. наук; *Бурькин А. А.*, д-р ист. наук, д-р фил. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Лушиников Д. А.*, д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., канд. фил. наук; *Музраева Д. Н.*, канд. фил. наук;
Намруева Л. В., канд. соц. наук; *Очиров У. Б.*, д-р ист. наук;
Очир-Горяева М. А., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ситдииков А. Г., д-р ист. наук; *Сыртыпова С.-Х. Д.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© КалмНЦ РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bicheev B. A.*, Dr. Sc. (Philosophy);
Burykin A. A., Dr. Sc. (History), Dr. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Dampilova L. S.*, Dr. Sc. (Philology);
Denisova G. C., Dr. Sc. (Sociology); *Dulina N. V.*, Dr. Sc. (Sociology);
Ivanova I. N., Dr. Sc. (Philology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Koltsov P. M.*, Dr. Sc. (History);
Komandzhaeva A. N., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.*, Dr. Sc. (History);
Klyaus V. L., Dr. Sc. (Philology); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Cand. Sc. (Philology); *Muzraeva D. N.*, Cand. Sc.
(Philology); *Namrueva L. V.*, Cand. Sc. (Sociology);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Syrtypova S.-Kh. D., Dr. Sc. (History); *Fokin A. A.*, Dr. Sc. (Philology);
Khabunova E. E., Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Cand. Sc. (Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

8, Ilishkin St., Elista 358000,

Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© KalmSC RAS, 2021

© Composite authors, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Источниковедение

- Азнабаев Б. А., Рахимов Р. Н.** Челобитная калмыка Бокшурги Назарова о причислении его к башкирам Терсяцкой волости 8
- Наранжаргал Н.** 1921 оны Хувьсгалын үед Монголд байсан халимагуудын нэр, тоог тодруулах нь 19
- Кекеев Э. А.** Об археологических коллекциях Саратовского областного музея краеведения из раскопок в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.) 42
- Убушиева Д. В.** О рукописи И. И. Попова № 13805 из Государственного архива Ростовской области 65

Археология

- Буратаев Е. Г.** Погребения периода Золотой Орды волго-маньчских степей 82

Фольклористика

- Сажина.** Үндсни сойлын чинртэ йиртмжин үзмж (Байн-Голын Ёурвн тулһ гидг һазрын домгуд) (= Природные объекты в этнокультурном ландшафте: предания о местности Гурван тулга в Баянголе) 107

Социология

- Натсак О. Д.** Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье 120
- Бадмаева Н. В.** Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию сельского населения Калмыкии 144
- Гриценко Г. Д.** Память о Великой Отечественной войне как фактор консолидации российского полиэтничного общества 156

CONTENT

SOURCE STUDY

- Aznabaev B. A., Rakhimov R. N.** Ethnic Kalmyk Bokshurga Nazarov and His Application for Joining the Bashkirs of Tersyatskaya Volost 8
- Naranjargal N.** Ethnic Kalmyks That Lived in Mongolia during the Revolution of 1921: Names and Numbers Specified 19
- Kekeev E. A.** Towards the Archaeological Collections of the Saratov Oblast Museum of Local History and Lore Excavated in Kalmyk Autonomous Oblast, 1929–1937 42
- Ubushieva D. V.** About I. I. Popov’s manuscript No. 13805 from the State Archive of the Rostov region. 65

ARCHEOLOGY

- Burataev E. G.** Golden Horde Burials of the Volga-Manych Steppe 82

FOLKLORE STUDIES

- Sarina.** Natural Objects in the Ethnocultural Landscape: Historical Legends of the Gurban Tulga Area in Bayangol 107

SOCIOLOGY

- Natsak O. D.** Gender Asymmetries of Modern Tuvan Family Revisited 120
- Badmaeva N. V.** COVID-19 Pandemic and Labor Migration of Kalmykia’s Rural Population 144
- Gritsenko G. D.** Memory of the Great Patriotic War as a Consolidating Factor for Russia’s Multi-Ethnic Society 156

Челобитная калмыка Бокшурги Назарова о причислении его к башкирам Терсяцкой волости

*Булат Ахмерович Азнабаев*¹, *Рамиль Насибуллович Рахимов*²

¹ Институт истории и государственного управления, Башкирский государственный университет (д. 3/4, ул. Карла Маркса, 450076 Уфа, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент
ORCID: 0000-0002-1551-9783. E-mail: azbulatt@mail.ru

² Институт истории и государственного управления Башкирского государственного университета (д. 3/4, ул. Карла Маркса, 450076 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
ORCID: 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Азнабаев Б. А., Рахимов Р. Н., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается феномен жизни башкирского общества XVII–XVIII вв., связанный с инкорпорацией в него представителей других этносов. *Цель* исследования состоит в том, чтобы рассмотреть процесс инкорпорации представителей других этносов в башкирскую родовую общину. В этом отношении особый интерес представляют калмыки, которые в языковом и религиозном отношении отличались не только от башкир, но и от всех народов Южного Урала. Тем не менее именно калмыки чаще других, более близких народов, включались в родовые структуры башкир. Основными *материалами* для исследования послужили делопроизводственные источники из фондов Сената по Уфимской провинции, отложившиеся в Российском государственном архиве древних актов. Для анализа источника были применены *методы* историко-критический и дипломатики, необходимые для работы с делопроизводственными материалами. На основании документов башкирско-

го посольства, побывавшего в Санкт-Петербурге в 1733 г., рассматривается случай с Бокшургой Назаровым, калмыком, подавшим челобитную с просьбой включить его в состав башкирского сословия. *Результаты* исследования позволяют рассмотреть причины и процесс инкорпорации иноэтнических представителей в башкирскую родовую общину. Анализ документа показывает, что к моменту его подачи автор уже фактически являлся вотчинником, т. е. сами башкиры уже признали его своим родственником. Сам Назаров хотел получить юридическое подтверждение свершившегося факта, т. е. «оберегательный указ». *Выводы.* Исследование документа показывает, что инкорпорация в башкирскую общину в XVII – начале XVIII в. обуславливалась не столько этнической близостью (вера в общее происхождение, язык, религия), сколько принадлежностью к всаднической культуре, т. е. способностью инкорпорируемого быстро адаптироваться к аллертному состоянию милитаризированного социума. Документы показывают, что прошение было удовлетворено, и бывший пленный калмык не только благополучно получил правовой статус башкира-вотчинника, но и стал старшиной обширной Терсяцкой волости. Впоследствии он принял участие в башкирском восстании, был пойман и казнен как активный участник.

Ключевые слова: калмыки, башкиры, межэтнические взаимодействия, башкирские восстания

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ «Петровская эпоха» (проект № 20-09-42053).

Для цитирования: Азнабаев Б. А., Рахимов Р. Н. Челобитная калмыка Бокшурги Назарова о причислении его к башкирам Терсяцкой волости // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 8–18. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-8-18

UDC 94 “04/17”-470.(57)

Ethnic Kalmyk Bokshurga Nazarov and His Application for Joining the Bashkirs of Tersyatskaya Volost

*Bulat A. Aznabaev*¹, *Ramil N. Rakhimov*²

¹ Bashkir State University, Institute of History and Public Administration (3/4, Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-1551-9783. E-mail: azbulatt@mail.ru

² Bashkir State University, Institute of History and Public Administration (3/4,
Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Aznabaev B. A., Rakhimov R. N., 2021

Abstract. *Introduction.* The article examines such phenomenon of 17th–18th century Bashkir society as incorporation of individuals representing other ethnic groups. *Goals.* The study aims at transcribing the process of incorporating foreigners into Bashkir clan structures. And in this regard Kalmyks are of special interest since they were distinct not only from Bashkirs proper but rather from all peoples of the Southern Urals both linguistically and confessionally. However, those were Kalmyks who would get integrated into Bashkir clans most frequently, even as compared to ethnically close and neighboring groups. *Materials and Methods.* The work focuses on documents of management and record keeping contained in collections dealing with Ufa Governorate Senate at the Russian State Archive of Ancient Acts. The source analysis was performed through the methods of historical criticism and diplomacy most instrumental in examining such documents. The explored papers of the 1733 Bashkir embassy to St. Petersburg describe a case of Bokshurga Nazarov, ethnic Kalmyk, who applied for joining a Bashkir community. *Results.* The study shows reasons and procedures of incorporating foreigners into Bashkir clans. The analysis attests to that the applicant was virtually a land holder already, and the Bashkirs had recognized him as their relative. Nazarov himself was just seeking for a legal confirmation of the accomplished fact, i.e. a ‘guardian law’. *Conclusions.* The work reveals that incorporation into Bashkir communities in the 17th– early 18th centuries was largely determined by the applicant’s nomadic life style (backgrounds) — and his ability to promptly adapt to alert living conditions within the militarized society — rather than by ethnic affinity (common faith, origins, or language). According to the documents, the request was satisfied, and the ex-captive was not only granted the status of a Bashkir land owner but even became a foreman of the vast Tersyatskaya Volost. Later he took an active part in the Bashkir Rebellion and was executed.

Keywords: Kalmyks, Bashkirs, interethnic interactions, Bashkir uprisings

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-09-42053 ‘The Era of Peter the Great’.

For citation: Aznabaev B. A., Rakhimov R. N. Ethnic Kalmyk Bokshurga Nazarov and His Application for Joining the Bashkirs of Tersyatskaya Volost. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 2. Pp. 8–18. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-8-18

Введение

Как установила Н. Ф. Демидова, добровольное принятие российского подданства башкирами в середине XVI в. допускало возможность непосредственного обращения представителей народа к верховной власти в случае возникновения спорных ситуаций. Это условие соглашения сформировало традицию отправки в российскую столицу башкирских посольств, полностью находившихся на содержании принимающей стороны [Демидова 2003].

Однако, в отличие от кабардинских, калмыцких и ногайских посольств, башкирские делегации состояли не из представителей правящей элиты, а из представителей народа, избираемых на общешкирских *йыйынах* (мирских сходах). Однако в башкирских народных собраниях имели право участвовать только полноправные члены родов, участвовавшие в пограничной и ямской службе, платившие ясак и владевшие вотчинной землей. Как в таком случае объяснить, что в составе челобитных, подаваемых башкирскими посольствами, часто попадали прошения, составленные от лица ногайцев, тептярей, калмыков и бобылей, которые не являлись вотчинниками-башкирами? Н. Ф. Демидова, анализируя прошения, поданные башкирским посольством 1644–1645 гг., заметила, что наряду с башкирскими челобитными в Приказ Казанского дворца поступило несколько прошений от татар и чувашей. Ясного ответа на вопрос, как могли инородцы участвовать в башкирских посольствах, она не дала [Демидова 2003: 185].

Вместе с тем материалы башкирского посольства, побывавшего в Санкт-Петербурге в 1733 г., позволяют пролить свет на эту проблему. Это посольство отличается большим количеством челобитных, написанных не башкирами. Из 27 прошений 9 были

поданы тептярями, ногаями, калмыками, казахами и даже русскими. Несмотря на то, что представители этих народов не входили в родовую структуру башкир, все они находись на разных этапах инкорпорации в башкирскую общину.

Наибольший интерес с точки зрения исследования процесса межэтнического взаимодействия башкир и калмыков и социальной структуры башкирского общества представляет челобитная Бокшурги Назарова [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 361–362]. В начальном протоколе его челобитной отсутствует указание на этническую и сословную принадлежность адресанта. В конечном протоколе, в отличие от других челобитчиков, автор также ограничился именем и отчеством: «Вашего императорского величества нижайший раб Бокшурга Назаров» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 361–362]. Тем не менее в указе Сената, утвержденном по этой челобитной, проситель назван «калмыком».

Далее, повествуя о своем происхождении, челобитчик ссылается на отсутствие точных сведений относительно обстоятельства своего пребывания в Уфимской провинции. Бокшурга ограничился упоминанием, что его отец — «исстари подданный ее императорского величества волжский калмык» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 361–362]. Но как он оказался в Башкирии: «собою пришел или кем послан», он не помнит.

Вместе с тем в челобитной отмечено, что отец челобитчика, как и он сам, и его братья и сестра, получили свободу от своих хозяев-башкир по «татарскому отпускному письму», заверенному в Уфимской канцелярии. Запись на тюрки, датированная 1719 г., была приложена к челобитной. Следовательно, эти калмыки оказались в плену у башкир в конце XVII – начале XVIII в., т. е. в период наиболее интенсивных военных столкновений калмыков Аюки с башкирами. Почему же челобитчик прямо не указал на обстоятельства своего пленения башкирами? По-видимому, это намеренное умолчание было вызвано суровыми указами начала 60-х гг. XVII в. запрещавших башкирам держать у себя в волостях пленных калмыков. В 1661 г. в Уфе была даже организована экспедиция по их изъятию у башкир.

Уфимский воевода Ф. И. Сомов, выполняя указание Приказа Казанского дворца, сформировал отряд из уфимских дворян и конных стрельцов. Его возглавил уфимский стрелецкий голова Андрей Иванович Приклонский.

Насильственное изъятие «калмыцкого полона» стало одной из причин башкирского восстания 1662–1664 гг. Судя по огромному количеству челобитных башкир, деятельность этой команды сопровождалась невиданным прежде насилием и произволом. Наибольшие злоупотребления происходили при возвращении калмыцких пленных. Дело в том, что среди башкир была распространена экзогамия, запрещавшая браки в пределах родоплеменной структуры. Иногда одно только это обстоятельство побуждало организовывать набеги на калмыцкие и казахские улусы для захвата невест. В ходе деятельности отряда Приклонского многие башкиры, женившиеся на калмычках, лишались не только жен, но и детей, прижитых от совместных браков. Только в одном 1661 г. башкиры подали 4 коллективных челобитных, в которых обвиняли Приклонского в отнимании у них жен и детей, которые они «прижили» от пленных калмычек [Азнабаев 2005: 96]. Очевидно, что именно эти запреты понуждали башкир освобождать пленных калмыков, инкорпорируя их в свои родовые подразделения.

Следует отметить, что калмыки и башкиры относились к разным языковым группам, исповедовали различные религии, причем мусульмане-башкиры нетерпимо относились к язычеству и последующему буддизму калмыков. Более того, башкиры и калмыки на протяжении более 100 лет находились в состоянии войны. Какой этнический критерий оказался в этом этническом взаимодействии настолько мощным, чтобы подавить религиозное, языковое и генеалогическое различие башкир и калмыков? По-нашему мнению, основой этнического сближения калмыков и башкир были общие представления о воинском этосе, в частности правила в отношении военнопленных. Данная тема традиционно являлась полем изысканий культурологов, фольклористов и философов, что в определенной мере приводило к отождествлению этики и этоса. Однако в отличие от этики, этос ограничен рамками практической

морали, воплощенной в нравах, суждениях, оценках и стили жизни. Таким образом, этос имеет дело с ценностями, не совпадающими с требованиями этики, официально санкционированными и публично поощряемыми.

К примеру, в государствах, возникших после распада Золотой орды, военнопленный (ясырь) никогда не считался полноценным членом общества. Захваченный в бою противник принадлежал всецело его хозяину, который вправе был решать вопрос о его жизни и смерти. У башкир и калмыков пленные обладали определенными правами и при определенных обстоятельствах интегрировались в структуру обществ в качестве полноценных членов. Понятие «враг» в башкирском обществе XVII в. не имело никакого отношения к архаическому представлению о родовой мести. С «врагом» велись переговоры и заключались перемирия. Более того, вчерашний враг мог стать союзником [[Азнабаев 2016: 219](#)].

Включение в башкирские родовые подразделения представителей других этносов не являлось исключительным событием в жизни башкирских общин. По нашим подсчетам, 173 родовых подразделения башкир (более 10 %) были образованы выходцами из калмыков, татар, ногайцев, чувашей, мари и выходцев из Средней Азии. Всего же в формировании новых подразделений родов участвовали представители не менее 9 этносов, среди которых особая роль принадлежит калмыкам. В конце XVIII в. в Зауралье существовало особое башкирское племя Колмак. Кроме того, 43 родовых подразделения «колмак» входили в состав 37 башкирских родов [[Азнабаев 2016: 137](#)].

Именно о включении в башкирское сословие просил Бокшурга Назаров в своем обращении в Сенат. В качестве правового основания своего прошения Бокшурга указал на то, что он «всякую вашу императорского величества службу с башкирцы вряд служит и ясак платит» [[РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 361](#)]. Платить ясак в Уфимской провинции имели право только башкиры-вотчинники. Следовательно, к моменту подачи челобитной в 1733 г. Бокшурга уже фактически являлся вотчинником, т. е. был принят в башкирское родовое подразделение.

Если отмечать сравнительно быструю инкорпорацию калмыков в башкирские родовые структуры, то следует указать на то, что из всех народов Южного Урала только башкиры и калмыки в этот период имели хорошо организованное ополчение, постоянно участвовавшее в боевых действиях. К тому же, башкиры в соответствии с условиями добровольного вхождения в состав Российского государства были обязаны самостоятельно охранять южную границу Уфимской провинции, которая в это время подвергалась нападениям со стороны казахов Младшего жуза. А в дальнейшем охрана границы становилась основным видом службы нерусских народов юго-востока России [Рахимов 2014: 43].

От государства же Бокшурга Назаров хотел получить юридическое подтверждение свершившегося факта, т. е. «оберегательный указ». Выдача подобных актов имела место на территории Уфимского уезда в XVI – начале XVIII в. Обычно в заключительной клаузуле формуляра оберегательной грамоты уфимским воеводам вменялось в обязанность «оберегать» просителя, чтоб ему «без суда и без иску обид и продаж не чинить» [Азнабаев 2016: 41]. Подобным образом государство стремилось утвердить в сознании местной администрации правовой императив, что «инородцы» находятся под юридической защитой русской администрации так же, как и русские люди.

Практика инкорпорации представителей разных этнических групп в башкирскую родовую структуру имела повсеместное распространение в Башкирии, но случай с Бокшургой Назаровым все же представляется уникальным. Дело в том, что уже в 1734 г. бывший пленный калмык не только благополучно получил правовой статус башкира-вотчинника, но и стал старшиной обширной Терсяцкой волости.

И. Г. Акманов считает, что в XVII – начале XVIII в. башкирские старшины, безусловно, относились к феодальной верхушке общества [Акманов 2011: 99]. Таким образом, Бокшурга Назаров становится старшиной в Терсяцкой волости, где башкиры его знали в качестве ясыря, фактически раба. Однако не только этим обстоятельством привлек к себе внимание властей Бокшурга На-

заров. В 1736 г. он официально был признан одним из 5 наиболее активных руководителей башкирского восстания в Зауральской Башкирии.

Вместе с тем в начале восстания Бокшурга Назаров показал себя вполне лояльным российской администрации башкирским старшиной. По поручению старшины Каратабынской волости Таймаса Шаимова он даже закупил в зауральских волостях большую партию хлеба (1 000 четвертей) для снабжения гарнизона будущей Верхояцкой пристани [РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1524. Л. 10]. Впоследствии на допросах башкиры показали, что именно закладка этой пристани явилась одной из причин восстания 1735–1740 гг.

Однако в отличие от Таймаса Шаимова, оставшегося верным российским властям, Бокшурга возглавил восстание в северном Зауралье. К началу восстания у него была своя деревня Бокшургина на Сибирской дороге. Летом 1736 г. он, предводительствуя жителями своей деревни, разгромил русские села по реке Миасс. В экстракте, составленном из допросов пленных башкир в июне 1736 г., отмечено, «что к воровству большаками Исенгул да Бокшурга» [Материалы 2002: 184].

20 октября 1736 г. Бокшурга Назаров был схвачен в своей деревне мешчеряками Муслюмом Ашировым и Усманом Исеналеевым и передан полковнику А. И. Тевкелеву. В своем рапорте о поимке Бокшурги А. И. Тевкелев указал, что эти мешчеряки являлись близкими свойственниками старшины Терсяцкой волости. После поимки основных руководителей восстания в Зауралье восстание по Сибирской дороге пошло на спад. 10 января 1737 г. Бокшурга Назаров был четвертован. Тем не менее авторитет казненного предводителя среди башкир был настолько велик, что его сын Ашир Бокшургин был избран старшиной Терсяцкой волости [Горная власть 2005: 32].

Российский архив древних актов. Ф. 248. Сенат и его учреждения, Оп. 15. Д. 821. Дело по прошению жителей Уфимской провинции. Л. 361–363.

Л. 361. Всепресветлейшая державнейшая великия государыня императрица Анна Иоанновна самодержица всероссийская

В прошлых годех, а сколько лет не упомнит, отец мой нижеи-менованаго исстари подданной вашего императорского величества волжских калмык, в Уфинский уезд собою пришед или кем послан не упомнит токмо жил по Уфинскому уезду по Сибирской дороге в Терсяцкой волости у башкирца Арсламбетя Жиямбетева в прошлых годех тому лет с 30 показанной Арсламбет отца моего и меня нижайшаго с братьями и сestroю моею отпустил, с которого числа, мы нижайшие, живем в Уфинском уезде в показанной Терсяцкой волости и всякую вашу императорского величества службу с башкирцы вряд служу и ясак плачу в прошлых годех тому ныне лет с 15 после смерти показного Арасламбетя¹ дети его башкирцы Мыкамай Карасаков Текей да Калмакай Арасламбетевы, отцу моему и мне нижайшему с братьями и сestroю моею, дали от себя запись тамгами своими отпускное татарское письмо, которое письмо по переводу в Уфимской² провинциальной канцелярии крепостных дел записано и пошлины по указу взяты с которой при сем прилагаю копию

Л. 363. Всемиловнейшая государыня императрица, прошу вашего императорского величества да повелит державство ваше по вышеписанному данному от хозяев моих башкирцов отпускному письму написать, нас нижайших с братом моим родным, в Уфинском уезде в показанной Терсяцкой волости с ясачными башкирцами и велеть нам нижайшим в ряд с башкирцами вашу императорского величества всякую службу служить и ясак платить и о том дать вашего императорского величества милостивый оберегательный указ, а тако же для ведома послать в Уфимскую провинциальную канцелярию.

¹ В документе это имя пишется по-разному.

² В документе дано разное написание: через «н» и «м».

Вашего императорского величества нижайший раб Бокшурга Назаров дня февраля 4 1734 году.

Л. 400. Копия

По указу ея императорского величества правительствующий сенат слушав выписок учиненный по челобитью башкирцов приказал:

22. Калмыка Башургу³ Назарова по его челобитью с братом его Асанатом написать в Уфинском уезде в Терсяцкой волости с ясачными башкирцами и службы служить и ясак платить вряд с башкирцами а сколько с них ясаку положено будет то приложить к прежнему окладу для того будет вновь прибыло.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts

Литература

Азнабаев 2005 — *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства вторая половина XVI – первая треть XVIII вв. Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. 198 с.

Азнабаев 2016 — *Азнабаев Б. А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.

Акманов 2011 — *Акманов И. Г.* Общественный строй башкир // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. Т. 3. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.

Демидова 2003 — *Демидова Н. Ф.* Башкирские посольства в Москву в XVII в. // От древней Руси к России Нового времени. М.: Наука, 2003. С. 176–189.

Горная власть 2005 — «Горная власть» и башкиры в XVIII в. Сборник / сост. Н. С. Корепанов. Уфа: Гилем, 2005. 243 с.

Материалы 2002 — Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Уфа: Китап, 2002. Т. VI. 685 с.

Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.

³ Так в документе.

УДК 355.48

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-19-41

1921 оны хувьсгалын үед монголд байсан халимагуудын нэр, тоог тодруулах нь (= Уточнение имен и численности калмыков, проживавших в Монголии во время революции 1921 года)

*Наранжаргал Норовсамбуу*¹

¹ Центр по изучению языка, истории и культуры ойратов «Тод номын гэрэл» (8, район Сухбаатар, ул. Бага тойруу, 210646 Улан-Батор, Монголия)

научный сотрудник

ORCID: 0000-0001-5788-4618. E-mail: mr.naranjargal@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Норовсамбуу Наранжаргал, 2021

Аннотация. *Введение.* Активные связи между Монголией и Калмыкией осуществлялись в 1920-х гг. В 1921 г. в Монголию прибыли калмыки, которые принимали участие в событиях монгольской революции. До сих пор не было никаких сомнений в том, сколько калмыков участвовало в событиях тех лет в Монголии. Известны сведения о 130 калмыках, большинство из которых находились в Монгольской народной армии и являлись также переводчиками. *Цель* статьи — дать уточненные сведения об участии калмыков в монгольской революции 1921 г. на основе анализа новых архивных данных. *Результаты.* Представлены новые данные о калмыках, прибывших в Монголию в 1921 г. Уточнены количественные данные, сделан вывод, что всего в монгольских событиях в начале 1920-х гг. принимали участие 136 представителей калмыцкого народа.

Ключевые слова: Монголия, Калмыкия, 1920-е гг., монгольская революция

Для цитирования: Наранжаргал Н. 1921 оны хувьсгалын үед монголд байсан халимагуудын нэр, тоог тодруулах нь (= Уточнение имен и численности калмыков, проживавших в Монголии во время революции

1921 года) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 19–41. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-19-41

UDC 355.48

Ethnic Kalmyks That Lived in Mongolia during the Revolution of 1921: Names and Numbers Specified

*Naranjargal Norovsambuu*¹

¹ Tod Nomyn Gerel Center for the Study of Oirat Language, History and Culture (8, Baga Toiruu St, Sükhbaatar District, 210646 Ulaanbaatar, Mongolia)
Research Associate
ORCID: 0000-0001-5788-4618. E-mail: mr.naranjargal@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Norovsambuu Naranjargal, 2021

Abstract. *Introduction.* The contacts between Mongolia and Kalmykia were intensive enough in the 1920s. In 1921, a group of Kalmyks arrived in Mongolia to further participate in the revolutionary events. So far there have been no essential doubts as for numbers of ethnic Kalmyks to have been involved into the revolutionary movement. There is available data on 130 Kalmyks the bulk of whom were serving in the Mongolian People's Army and also functioned as translators. *Goals.* The article aims at analyzing newly discovered archival materials to specify data on the participation of Kalmyks in the Mongolian Revolution of 1921. *Results.* The paper introduces new data on Kalmyks that arrived in Mongolia in 1921, clarifies their numbers, and concludes the Mongolian events of the early 1920s were attended by a total of 136 ethnic Kalmyks.

Keywords: Mongolia, Kalmykia, 1920s, Mongolian Revolution

For citation: Norovsambuu Naranjargal. Ethnic Kalmyks That Lived in Mongolia during the Revolution of 1921: Names and Numbers Specified. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 2. Pp. 19–41. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-19-41

Товчлол

1921 оны Монголын хувьсгалд багагүй халимагууд оролцсон юм. Энэхүү үйл явдалтай холбоотойгоор монголд албан ажлаар, цэргийн албан сургагчаар ажиллахаар, монгол улсаар дамжин бусад улсад тусгай үүрэг гүйцэтгэхээр, ар гэрээ дагах, амьдралын шаардлагаар суурьших зэрэг шалтгаанаар 136 халимаг хүн алба хааж, ажиллаж амьдарч байжээ. Тэдгээрээс 130 хүний нь нэр тодорхой байна.

Халимагууд Хаант Оросын бүрэлдэхүүнд орсноос хойш ах дүү монголчуудтайгаа харилцахыг чухалчилж байсан ч тэр бүр санаснаар нь болохгүй байлаа. Монгол болон Халимагуудын хоорондын харилцаа идэвхэжсэн үеүдийн нэг бол 1920-иод он байлаа.

Энэхүү судалгаандаа 1921 оны хувьсгалын үед Монголд ажиллаж байсан халимагуудын нэрсийг тодруулахыг зорьсон болно. Өнөөдрийг хүртэл тухайн үед Монголд хичнээн халимагууд байсан нь тодорхойгүй бөгөөд эдгээр халимагуудын ихэнх нь монголын ардын журамт цэрэгт алба хааж, монголд байсан зөвлөлтийн цэргийн ангиудад орчуулагч-аар ажиллаж, монголоор дамжин бусад улсуудад тусгай даалгавар гүйцэтгэж байсан зэрэг нь тэднийг тоог тодорхой гаргаж нэрсийг нь тодруулахад илүү төвөгтэй болгож байна. Иймээс Халимагийн үндэсний төв архив болон Монголын үндэсний төв архив дахь баримт материал, Монголд алба хааж байсан халимагуудын дурдатгал, дурсамж зэрэгт тулгуурлан тэдгээрийг тодруулахыг оролдсон болно. Энэ талаар судлаачид өнөө хүртэл дорвитой судалгаа хийгээгүй бөгөөд миний бие магистрын зэрэг горилсон судалгааны бүтээлдээ тэдний тоог 114 гэж гаргасан боловч сүүлийн үеийн судалгаагаар энэ тоо нэмэгдсээр байна. 1921 оны хувьсгалын үед Монголд ажиллаж байсан халимагуудын нэрийг тодруулснаар тухайн үеийн зарим үйл явдлыг ойлгоход дөхөм болох юм. Энэ үед Монголд ажиллаж байсан халимагуудыг дараах байдлаар ангилан үзэж болохоор байна. Үүнд:

— Цэргийн алба хааж байсан халимагууд

— Монголд албан ажлаар ирж байсан халимагууд

— Монголоор дамжин тусгай үүрэг гүйцэтгэж байсан халима-

гууд

— Монголд алба хааж байсан Халимагуудын ар гэр

— Бусад хэмээн ангилан үзэж болохоор байна.

Цэргийн алба хааж байсан халимагууд: Зөвлөлт Оросын зүгээс Ази тивд социалист хувьсгалыг экспортлох бодлогодоо Зөвлөлт Халимагуудыг ашиглах бодлого баримталж байсан нь Москвад очсон Ардын намын төлөөлөгчид цэргийн зөвлөх, сургагчаар туслах хүсэлт тавьсантай давхацсанаар улаан армид алба хааж байсан Халимагуудыг Монголд үүрэг гүйцэтгүүлэхээр шийдвэрлэжээ. Ингэснээр Монголд алба хаах халимаг дайчдыг сонгон бэлтгэх ажлыг Халимагт 3 удаа зохион байгуулж, бэлэн болсон дайчдыг хоёр хэсэг болгон илгээсэн байна.

Халимаг цэргийн сургагч нарын эхний хэсэг: Москвад Улаан армийн Халимаг морин цэргийн ангийн зохион байгуулагч, улс төрийн удирдагчаар ажиллаж байсан Х. Б. Кануков 1921 оны нэгдүгээр сарын сүүлээр Халимагийн 108-р хорооны дарга В. А. Хомутниковт өөрийн дарга нарын дотроос 16–20 халимаг дарга нарыг шилж сонгон авч Москвад ирэхийг даалгасан цахилгаан илгээжээ. В. А. Хомутников уг цахилгааныг хүлээн аваад «өөрийн хорооны сумангийн дарга Андрей Дрючков, Цаган Манж Очиров, сумангийн орлогч Алексей Ханхалжинов, хорооны адьюдант Тимофей Шивидов, түүний туслах Борис Юнзуков, салааны дарга Коклда Лиджиев, Наран Манжиков, Дорж Мартышкин, Дорж Дарминов, Боля Шургучинов, Бадма Манжиков, Доржа Эрднеевич Шапшуков, хорооны зэвсгийн дарга Петр Иванов, ханган бэлтгэхийн орлогч, хорооны тугчин Керядык Сафонов, төмөр замын Сальск өртөөнөөс Николай Кануков, Илья Теврюков, Иван Манджиков, Зул Корняев» нарын 18 бага даргыг авч Москвад очжээ [Оглаев 1977: 33–34].

Эдгээр сургагч нарын ихэнх нь намын гишүүн бөгөөд Кануков Харти Бадиевич 1918 онд, Хомутников Василий Алексеевич 1917 онд, Шивидов Тимофей Бадиевич, Иванов Петр Борисович, Дрючков Андрей Дмитриевич нар 1919 онд ОК(б)Намын гишүүнээр элссэн туршлагатай хувьсгалчид байсан бол Манжиков Дорж Иванович, Шапшуков Георгий Андреевич, Лиджиев Коклда Иванович, Манжиков Неждя Ониневич, Сафонов Керядык

Апинович, Шургучинов Боля Шургучинович, Ханхалжинов Алексей Алексейвич нар намын орлогч гишүүд байв. Мөн Манджиев Наран Тонхеевич, Очиров Цагаан Манджи, Юнзуков Борис нар 1921 онд тус тус ОК(б)Н-ын гишүүнээр элссэн бол Теврюков Илья Абрамович, Мартышкин Доржа Манжикович нар хожим 1923 онд намын гишүүнээр элссэн улс төрийн хувьд итгэл хүлээлгэж болох намын боловсон хүчин байлаа. Намын гишүүн биш ганц хүн байсан нь Кануков Николай Бадиевич боловч тэрээр тус бүлгийн ахлагч Х. Б. Кануковын дүү байсан юм. Багийн бүрэлдэхүүнийг насны хувьд авч үзвэл хамгийн залуу нь Манджиев Наран Тонхеевич 21 настай, хамгийн ахмад настай нь Мартышкин Доржа Манжикович бөгөөд 40 настай байв. Эдгээр 18 хүнээс 11 нь 21–29 насныхан байсан бол үлдсэн 7 нь 30–40 насныхан байжээ. Эндээс үзэхэд, эдгээр дайчид насны хувьд идэр залуу ч иргэний дайнд оролцож, хороо, суман удирдаж байсан дайн тулаан болон цэрэг зохион байгуулах дадлага, туршлагатай, намын гишүүн болж улс төрийн үзэл бодол нь төлөвшсөн цэрэг, улс төрийн чадварлаг мэргэжилтнүүд байлаа.

Халимаг сургагчдыг ийнхүү Монголд илгээсэн явдал нь Автономит Халимагийн засгийн газрын шийдвэр бус Улаан армийн дээд удирдлагын шийдвэр байлаа. Харин эдгээр сургагч нарыг сайн дурын үндсэн дээр сонгож авсан бөгөөд хэдийгээр даалгавар нууц байсан хэдий ч дээрх сургагчид өөрсдийг нь Монгол руу явуулна гэдгийг битүүхэндээ мэдэж байсан гэдгээ дурсамждаа өгүүлснээс үзвэл тэд Зөвлөлт Оросын зүгээс Монголд явуулсан даалгаврыг гүйцэтгэхээр сайн дураар Монголд иржээ.

Эдгээр сургагч нарыг Тонхой өртөөнд байхад нь Монголд ажиллах даалгавартай нь холбоотойгоор бүгдэд нь нууц нэр өгсөн тухай мэдээлэл Халимагийн үндэсний архивын сан хөмрөгт байдаг. Энэ нь:

- 1) Кануков Харти Бадиевич — Вокунаев Итрах;
- 2) Хомутников Василий Алексеевич — Кекеев Сангаджи;
- 3) Шивидов Тимофей Бадиевич — Гюмбеев Коко;
- 4) Иванов Петр Борисович — Лундуков Шагдыр;
- 5) Дрючков Андрей Дмитриевич — Бен-Али;

- 6) Левин Михаил Абрамович — Норво;
- 7) Ханхалжинов Алексей Алексеевич — Турхунаев Ханду;
- 8) Теврюков Илья Абрамович — Кюлценгеев Цецен;
- 9) Мартышкин Доржа Манжикович — Нутугаев Монгол;
- 10) Кануков Николай Бадиевич — Налхаев Артур;
- 11) Манжиков Алексей Иванович — Толоктаев Болзок;
- 12) Шапшуков Доржа Эрдниевич — Дорджиев Цебек;
- 13) Сафонов Керядык Апинович — Боглаев Джама;
- 14) Шургучинов Боля Шургучинович — Нуртаев Кюмен;
- 15) Лиджиев Коклда Иванович — Мустабеков Бембя;
- 16) Манжиков Бадьма Онинович — Толвуртаев Кюмен;
- 17) Манджиев Наран Тонхеевич — Бимбаев Мацак Тонхеевич;
- 18) Очиров Цаган-Манджи — Хамбаев Самбу;
- 19) Юнзуков Борис — Номинханов Церен-Дорджи [НА РК. Р-137.Оп. 1.Д. 8. Л. 30] гэсэн нэрсийг өгчээ.

Эдгээр сургагч нар Монголд байх хугацаандаа бүгд дээрх нэрийг хэрэглэж байсан бөгөөд зарим нь бүр дахин нэмж өөр нэр хэрэглэх тохиолдол байв. Тухайлбал, Х. Б. Кануков л гэхэд Ухонаев [Д. Сүхбаатарын тухай баримт 1960: 176], Итрах Вакунаев, торгууд Балданцэрэн [МУУТА. ТБА. Х. 1. Д. 1. Хн. 81] зэрэг нэрийг хэрэглэж байжээ. Харин Манджиев Наран Тонхеевич, Юнзуков Борис нар Бимбаев Мацак Тонхеевич, Номинханов Церен-Дорджи гэх энэ нууц нэрээрээ насан эцэслэтлээ амьдарсан юм.

Эдгээр сургагчдын яг хэдний өдөр монголд ирсэн нь тодорхойгүй бөгөөд 1921 оны 5 дугаар сарын сүүл, 6 дугаар сарын эхээр ирсэн гэсэн тоймлосон хугацаа байдаг. Энэ тухай архивын баримтад байхгүй, харин бусад эх сурвалжийг ашиглан тодруулбал, тус бүлэгт багтан ирсэн сургагчдын ихэнх нь тавдугаар сарын сүүл, зургаадугаар сарын эхээр ирсэн хэмээн дурдатгалдаа өгүүлсэн байдаг бол Г. А. Шапшуков «... Монгол улсын умард хилийн Маймаа (одоогийн Алтанбулаг) хэмээх жижиг хотод 1921 оны 6 дугаар сарын 3-ний өдрийн үдээс хойш хүрэлцэн ирлээ» [Шапшуков 1975: 105] гэсэн бол Ц.-Д. Номинханов «... Бид Хиагтын усан буудлаас хос морьтой улаа хөсөг хөлслөн авч 1921 оны 6 дугаар сарын 4-ний орой Монголын хилийн эхний хот Маймаа

хотод хүрсэн...» [Номинханов 1977: 68] зэргээр ирсэн өдрөө тодорхой заасан байдаг. Хожмын Тамбовын морин цэргийн сургуульд ажиллаж байсан Г. А. Шапшуков, Халимагийн анхны шинжлэх ухааны доктор, хэл шинжлэлийн нэрт эрдэмтэн болсон Ц-Д. Номинханов нарын сэхээтнүүдийн дурдатгалдаа өгүүлсэн цаг хугацааг бодитой хэмээн тус бүлгийг Алтанбулагт 1921 оны 6 дугаар сарын 3-аас 4-ний хооронд ирсэн гэж үзэж байна.

Х. Б. Кануковын ахалж ирсэн энэ бүлгийн бага дарга нарын нэр болон тоог нарийвчлан авч үзвэл зөрөөтэй байна. Х. Б. Кануковын тушаалаар В. А. Хомутников өөрийн хорооны 14 бага дарга дээр төмөр замын Сальск өртөөнөөс нэмж 4 бага даргыг авч нийт 18 бага даргатай хамт 19 хүн Москвад очсон бөгөөд тэдэн дээр Х. Б. Кануков нэмэгдээд 20 хүн болж байна. Харин Тонхой өртөөн дээр Монгол руу явж байсан 19 сургагчид нууц нэр өгөхөд анх Халимагаас В. А. Хомутниковын авч гарсан Зул Корнаев, Дорж Дарминов нарын нэр байхгүй бөгөөд харин Левин Михаил Абрамович нэмэгдэн Норво гэх нууц нэр авсан боловч Монголд очсон эхний сурагч нарын дотор түүний нэр алга байна.

Тухайн үед халимаг сургагчид ганц нэгээрээ ирэх тохиолдол байсан бөгөөд анх В. А. Хомутниковын бүлэгт багтан Халимагаас гарсан Дорж Дарминовын нэр Монголд ирсэн хоёр удаагийн сургагчдын бүртгэлд байхгүй ч 1922 онд Жаа ламыг устгах тусгай даалгавар гүйцэтгэж яваад баригдан буудуулсан байдаг. Эндээс үзвэл 1921 оны хавар Монголд тусгай даалгавар гүйцэтгэхээр ирсэн халимаг сургагч нарын бүлэг Х. Б. Кануков, В. А. Хомутников, А. Д. Дрючков, Ц. М. Очиров, А. А. Ханхалжинов, Т. Б. Шивидов, Б. Юнзуков, К. И. Лиджиев, Н. Т. Манжиков, Д. А. Мартышкин, Б. Ш. Шургучинов, Н.(Б). О. Манжиков, Г. А. (Д. Э.) Шапшуков, П. Б. Иванов, К. А. Сафонов, Н. Б. Кануков, И. А. Теврюков, Д. И. Манджиков нарын 18 хүн багтаж байжээ.

Эдгээр халимаг сургагчид Ардын журамт цэрэг болон Зөвлөлтийн аялан байлдах корпусын бүрэлдэхүүнд орж 1921 оны 7 дугаар сарын 8-нд Нийслэл хүрээнд ирж, 1921 оны 7 дугаар сарын 10-нд Ардын Засгийн Газрыг тунхаглах, монгол орныг гамин, бароны үлдэгдлээс чөлөөлөх үйл хэрэгт багагүй үүрэгтэй оролцсон юм.

Халимаг цэргийн сургагч нарын хоёр дахь хэсэг:

Ардын засгийн газрыг байгуулсны дараа Монгол орны нутаг дэвсгэрээр бутран сарниад байсан гамин болон цагаан цэргийн үлдэгдлийг Монголын нутаг дэвсгэрээс хөөн гаргаснаар хувьсгалын үйл хэргийг бүрэн ялалтад хүргэх байлаа. Ардын засгийн газар нөхцөл байдлыг харгалзан үзээд аялан байлдах корпусын цэргүүдийг цагаантны үлдэгдлийг дуусгах хүртэл Монгол нутагт байлгаж, АЖЦ-г туслуулах хүсэлтийг Зөвлөлтийн талд 1921 оны 7-р сарын 12-нд тависан байна [Внешняя политика СССР 1944: 149]. Уг хүсэлтийн дагуу 1921 оны 8 дугаар сарын 10-нд Г. В. Черин «Одоогийн ноцтой байдал нийтийн дайсныг хамжин устгах тус хоёр улсын ашиг сонирхолыг хамжин үзэх нь зүйтэй ... Монгол улсын ардын хувьсгалт засгийн газрын хүсэлтийг бүрэн дүүрэн хүлээн авч байна» гэсэн хариу ирүүлсэн байдаг [Советско-монгольские отношения 1966: 8–9].

Монголд орж ирээд байсан Зөвлөлтийн цэргүүдийг хэсэг хугацаанд Монголд үлдээх шийдвэр хоёр улсын засгийн газрын хороонд ийнхүү шийдэгдэж байх үед Халимагт Монгол руу илгээх хоёр дахь ээлжийн бага дарга нарыг бүрдүүлэн бэлэн болгожээ. Энэхүү Халимаг бага дарга нарын хоёр дахь бүлгийг Зөвлөлтийн засгийн газарт улаан армийн аялан байлдах корпусын цэргийг Монголд түр хугацаанд үлдээх Монголын засгийн газрын «... хүсэлт ирэхээс өмнө хувьсгалт цэргийн зөвлөлд (Халимагийн хувьсгалт цэргийн зөвлөл болов уу. — Н. Н.) Монголын ардын хувьсгалт армийн хүсэлтээр <...> явуулахаар шийдсэн» гэж судлаач О. Ю. Оглаев үзсэн байдаг. Хэрэв энэ үнэн бол уг хүсэлтийг Д. Сүхбаатарын нарын АЖЦ-ийн удирдагчдын зүгээс урьд ирээд байсан Х. Б. Кануков нараар уламжлуулан тавьсан байж болох юм. Д. Сүхбаатар АЖЦ-т алба хааж байсан халимаг сургагчдыг орос болон монгол хэл мэддэг хүмүүс маш хэрэгтэй хэмээн өндрөөр үнэлдэг байсан билээ. Халимагийн цэргийн комиссариатас Калмыцкий Базар (Халимагийн зээл) сууринд байрлаж байсан халимаг морин цэргийн бэлтгэл дивизионы цэрэг, дарга нараас 52 залуу дайчдыг сонгон авч, Ижилийн тэртээх цэргийн тойргийн штабын мэдэлд шилжүүлээд улмаар 1921 оны 8 дугаар сарын 18-нд Монташ Лиджиевээр удирдуулан Самар хот руу явуулжээ.

Эдгээр дайчдын ахлагч нь Лиджиев Монташ, салааны дарга нь Уланов Иван нар байсан бөгөөд тэдний бүрэлдэхүүнд *Ижилийн эрэг орчмын цэргийн комиссариатаас армид татагдсан Лиджиев Монташ, Уланов Иван, Бадукаев Бадма Халга, Босхомджиев Улюмджи, Ильянов Мучка, Морхадыков Бурдан, Мясненко Петр, Каменский Михаил нар; Яндыко Мочажын цэргийн комиссариатаас татагдсан Очиров Могу, Лиджи Гаряев Оджа, Болдырев Манджи, Бадмаев Лиджякя, Ванькаев Бембе, Дораев Мухта, Натыров Очир, Отхаев Тюрбе, Малзрыков Лиджи Гаря, Надбитов Тюлюмджи нар; Манычийн цэргийн комиссариатаас татагдсан Арашкиев Саран, Цебеков Тануш, Баранов Эрэнцен, Савкинов Дорджи, Тутаев Будя, Мукебенов Александр, Миндеев Авлян, Каруев Окон, Лиджиев Муджа, Балтыков Сангаджи Гаря, Мукаев Ядош, Чавяев Анджа, Савгуров Манджи, Душаев Адык, Микалаев Очир Гаря, Гучинов Ноха, Шопкаев Сангаджи, Мугульджииков Василий, Шалбуров Артюш, Очиров Ханцан, Каблунов Эренджен, Мамонтов Дмитрий, Трешев Николай, Шопкаев Сангаджи, Захаров Петр, Босаев Сулейман, Аристаев Ильяс, Перепелицын Дмитрий, Шпаков Петр, Таранин Павел, Самойленко Павел, Хворошин Иван, Резвушкин Яков, Бориснев Григорий* [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 375. Л. 4] нар 52 хүнээс бүрдэж байлаа. Бие бүрэлдэхүүнийг насных нь хувьд авч үзвэл, 1895 онд төрсөн 26 настай байлдагч 1, 1896 онд төрсөн 25 настай байлдагч 1, 1897 онд төрсөн 24 настай байлдагч 3, 1898 онд төрсөн 23 настай байлдагч 24, 1899 онд төрсөн 22 настай байлдагч 3, 1900 онд төрсөн 21 настай байлдагч 8, 1901 онд төрсөн 20 настай байлдагч 9, 1902 онд төрсөн 19 настай байлдагч 1 байв. Хамгийн залуу нь Ижилийн эрэг орчмын суурины цэргийн комиссариатаас ирсэн 19 настай байлдагч Мясненко Петр байсан бол ахмад нь мөн тэндээс ирсэн салааны дарга 29 настай Уланов Иван байжээ. Энэ бол Монгол улс руу илгээхээр Халимаг цэрэг дарга нараас сонгон авсан 2 дахь бүлэг байлаа.

Эдгээр дайчид дээр нэмэн Халимаг мужийн цэргийн комиссариатын 1921 оны 9 дүгээр сарын 27-ний өдрийн шийдвэрээр Халимагийн морин цэргийн бэлтгэл дивизионы дарга, цэргүүдээс Монгол улсад онцгой даалгавар гүйцэтгэх 3 дахь бүлгийн 44 цэр-

гийг сонгон авч Ижилийн тэртээх цэргийн тойргийн мэдэлд шилжүүлсэн бөгөөд тэднийг Максим Шапшуковоор удирдуулан Самар хотод 1921.8.18 илгээсэн хоёр дахь бүлгийн хойноос явуулжээ.

Уг бүлгийг Шапшуков Максим ахлаж байсан ба Джамбаев Павел, Саматов Ишимгази нар уг бүлгийн орлогчид байв. *Шапшуков Максим, Джамбаев Павел, Скрынников Тимофей, Кочумаров Кирилл, Панасенко Иван, Шахов Егор, Панченко Иван, Брагин Кузьма, Хулхачиев Дола, Хайсоков Гавриил, Дангринов Василий, Давыдов Яков, Андратов Петр, Землянский Василий нар Бага Дөрвөдийн цэргийн комиссариатаас; Саматов Ишимгази, Курсинов Эрэнджен, Букаев Эвя, Мучкаев Кота, Ангаев Баасан, Эринев Эльтош нар Эркетений цэргийн комиссариатаас; Эрдэнэ Гаряев Шургун, Сарангов Кензя, Бултаджиев Манджи, Шургучиев Очир-Ара, Шаршиев Ура-Гали, Нарапаев Эльдя нар Ижилийн эрэг орчмын суурингийн цэргийн комиссариатаас; Эрдниев Долан, Бадмаев Сангаджи, Доляев Му, Багляев Чимид, Базыров Москва, Манджиев Кукет, Очиров Басанг, Батанасунов Халга, Гаряев Доля, Уланов Санька, Бульков Саранг, Мухараев Церен нар Икицохуро-Хара-хусовын цэргийн комиссариатаас; Харагуюров Эльдя-Гаря, Кекеев Боролда нар Яндыко-Мочажьсын цэргийн комиссариатаас; Трашев Алексей Манычийн цэргийн комиссариатаас Зикманов Сангадуш, Сангадушев Сергя, Джиринтеев Кюста нар Приволжскийн цэргийн комиссариатаас тус тус армид татагдсан хүмүүс байв [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 375. Л. 3]*. Эдгээр дайчдыг насных нь хувьд авч үзэхэд, 1893 онд төрсөн 28 настай байлдагч 3, 1894 онд төрсөн 27 настай байлдагч 1, 1895 онд 26 настай байлдагч 1, 1896 онд төрсөн 25 настай байлдагч 17, 1897 онд төрсөн 24 настай байлдагч 6, 1898 онд төрсөн 23 настай байлдагч 2, 1899 онд төрсөн 22 настай байлдагч 5, 1900 онд төрсөн 21 настай байлдагч 1, 1901 онд төрсөн 20 настай байлдагч 6 байжээ. Эндээс харахад хамгийн ахмад нь 28 настай байхад хамгийн залуу нь 20 настай байжээ. Хоёр бүлэг нь Самар хотод нэгдэн Халимагийн суман болж бүрдээд, холбогдох бэлтгэл сургууль хийсний дараа Дорнод Сибирт байрлаж байсан V армийн командлалаас бүрэн зэвсэглэ-

лээд Улаан-Үдээр дамжин 1921 оны 12 сарын сүүлээр Нийслэл Хүрээнд чаргаар иржээ [Балтыков 1977: 121].

Нийслэл Хүрээнд Ардын засгийн газар байгуулагдсаны дараа АЖЦ-т алба хааж байсан халимаг сургагчид АЖЦ-ийн хороо сумангуудад үргэжлүүлэн сургагчаар ажиллаж байсан бөгөөд тэдний тоо цөөн байсан учраас бүхий л үйл хэрэгт оролцож байгаагүй тэднийг аль чухал, хүн хүч хэрэгтэй газруудад томилон ажилуулж байлаа.

Монголд цэргийн алба хааж байсан бусад халимагууд: Энэхүү Халимагаас ирсэн хоёр бүлгийн сургагч нарын албан ёсны нэрсийн бүртгэлд ороогүй Дорж Дарминов, Михаил Абрамович Левин нар Монголд ирж хувьсгалын үйл хэрэгт оролцож байсан бол Халимагаас Монгол явах сургагч нарын бүртгэлд нэр нь орсон ч Монголд ирсэн эсэх нь тодорхойгүй Зул Корнаев зэрэг хүмүүсийн тухай дээр өгүүлсэн билээ.

Эдгээр сургагчдаас гадна Монгол ардын журамт цэргийн бүрэлдэхүүнд алба хааж байсан Халимаг байж болох дараах хүмүүс байна. Үүнд:

1. *Никитин:* Баруун хязгаарыг цагаантны цэргээс чөлөөлөх цэргийн ажиллагаанд ЗОУ-ын Улаан цэргийн гүйцэтгэсэн үүрэг багагүй бөгөөд эдгээр цэргүүдийн дотор халимаг цэргүүд байсан тухай архивын баримт байхгүй ч Никитин, Широких-Полянский зэрэг халимаг байж болох хүмүүс байна. Монгол газар удтал суусан Центросоюзын албан хаагч Никитинийг Байкалов Хөшөө модноос орчуулагчаар авч гарсан бөгөөд авхаалж зоригийг нь нь үнэлэн удалгүй тавин монгол цэргийн даргаар томилсон байна [Даш 1967: 161]. Никитинийг цэргүүд нь шар Намсрай, Халимаг Намсрай, торгууд Намсрай зэргээр нэрлэж байсан ба судлаач Н. Батбаяр [Батбаяр 1972: 46] болон түүхч На. Сүхбаатар [Сүхбаатар 2000: 28], Л. Бат-Очир, С. Отгонжаргал [Бат-Очир, Отгонжаргал 1996: 46] нар бүтээлдээ: АТЗГ-ын төлөөлөгч Ч. Хасбаатар нар Дөрвөд далай хааны нутагт ирж Цэвээн гүн, Молом лам нартай хэлэлцээр хийх үед «... Сибирийн алдарт партизан Широких-Полянский, Зөвлөлтийн улаан цэргийн офицер шар Намсрай буюу халимаг Никитин, КИМ-ийн Нацов нар цуг байсан» гэж тэмдэглэсэн зэргээс түүнийг халимаг хүн байсан болов уу гэж үзэж байна.

2. *Церенов*: К. К. Байкаловын отрядын улс төрийн орлогч Широких-Полянский Сергей Юльевичыг мөн цэргүүд нь торгууд Церенов [Монгол ардын журамт 1982а: 72] хэмээн нэрлэдэг байсан юм. Түүний тухай Д. Лосол: «...баруун хойд хязгаарыг төвшитгөн товхинуулах хэрэгт хэнийг томилохыг хэлэлцэж төлөөлөгчид Дамбадорж, Баляский (Полянский (Цереновын өөр нэгэн нэр. Цереновын Орос нэр нь Широких-Полянский Сергей Юльевич), Хасбаатар, Өлзийханд нарыг томилж үнэмлэх заавар олгож явуулахаар тогтсон» [Монгол ардын журамт 1982б: 418], Ц. Аюушжав: «... Хасбаатар, тэгвэл чамайг цэрэгтээ элсүүлж авъя, чамайг торгууд Цереновын тавьтын Цагаан гэдэг даргын арванд өгье гэв» [Монгол ардын журамт 1982а: 72], З. Бямбиш: «... Халиунбулагт 100 гаруй цагаан цэрэг байна гэж мэдээ ирлээ. Хасбаатар Намсрайн захиргаан доор Цереновын салаанд надтай хамт Дамиран, Жалуан, Хөх, Цонгоо, Цэнгэг нарыг оруулж явуулав» [Монгол ардын журамт 1982а: 296] хэмээн дурдатгалдаа өгүүлсэн байдаг. Эндээс харахад Широких-Полянский Сергей Юльевичийг баруун хязгаарт ихэвчлэн Церенов, торгууд Церенов хэмээн нэрлэж дууддаг байжээ. Монголчууд Ижил мөрний халимагуудыг дийлэнх ястных нь нэрээр «торгуудууд» хэмээн нэрлэдэг байсан бөгөөд мөн Церенов гэх нэр нь Монгол угсаатан болох буриадуудаас илүү халимагуудын дунд ихээхэн өргөн дэлгэрсэн байдаг. Энэ бүхнээс үзэхэд Широких-Полянский Сергей нь баруун хязгаарт торгууд Церенов гэж нэрлэгдэж байсан Халимаг гаралтай хүн бололтой.

Эдгээр халимаг байж болох хүмүүсийн уг гарлын тухай мэдээ баримт Халимагаас олдохгүй байгаа нь эдгээр хүмүүс нь Халимагаас хувьсгалын өмнө гарч явснаас болсон болов уу. Нөгөө талаар тэд ЗОУ-ын Засгийн газрын шууд удирдлага дор өөр шугамаар ирж, тусгай үүрэг гүйцэтгэж явсан ч байж болох талтай. Иймээс энэхүү асуудлыг цаашид нарийвчлан судлан тодруулах шаардлагатай.

3. *Бобров*: Ховд сайдын газар ажиллаж байсан Х. Б. Кануковын Д. Сүхбаатарт бичиж байсан захидлуудын агуулгаас харахад түүнтэй хамт бусад халимаг хүмүүс цөөхөн байсан бололтой. 1922 оны 7 сарын 25-ны өдрийн захидалдаа «... Бобровыг хүрээнээ

татан авсан учраас би бүх хэргээ ганцаар хөтлөх учиртай болж бас өдий төдий тус сайтай хүмүүсийг та минь хүрэнээ суулга-саар надад туслалцаж чадах ганцхан Кюлценгеевоос өөр хүнгүй буй за» [МУУТА. ТБА.Х. 2. Д. 1.Хн. 171] гэснээс үзэхэд тэрхүү «өдий төдий тус сайтай хүмүүс» гэдэгт нь хамт алба хааж байсан Халимаг сургагчдаа хэлсэн болов уу. Тийм бол түүнтэй хамт бусад халимаг сургагчидаас нь Кюлценгеев буюу И. А. Теврюковоос бусадгыг нь явуулаагүй болох нь харагдаж байна. Харин өөрийнх нь ажилд тусалдаг гэх Бобровыг хүрээнд татан аваачсан тухай өгүүлсэнээс тэр ямар хүн байсан тухай баримт алга байна. Х. Б. Кануковтой ойрхон ажиллаж байсан тул халимаг хүн байсан болов уу гэж үзвэл Халимагаас ирсэн дайчдын бүртгэлд түүний нэр байхгүй байдаг.

4. *Сиволобов*: Албан ёсны бүртгэлд орохгүйгээр ирсэн халимагууд цөөнгүй байсан. Тухайлбал, мөнөөх захидлуудад нэр нь дурдагдаж байгаа Сиволобовын асуудал юм. Түүний тухай Х. Б. Кануковаас Д. Сүхбаатарт 5 сард бичсэн захидалдаа *«эсгүүр сайн хийдэг, засварын газар ажиллах боломжтой <...> түүнийг энд хийгээд байх юмгүй болохоор би эндээс явуулчихлаа»* [МУУТА. ТБА. Х. 2. Д. 1. Хн. 171] гэж бичсэн бол 1922 оны 7 сарын 25-нд Д. Сүхбаатарт бичсэн захидалдаа *«...Сивалобовын тухай мэдүүлэх нь энэ хүн бол бид нар торгууд нарын тоонд оролцох бөгөөд хэрэв үнэхээр хулгай дээрэм хийвэл түүнийг бяцхан ч үл асрах бөгөөд би өөрөө мэдэх бол буугаар буудаж алах агсан гэх боловч бас өртөөний хүмүүстэй хэрэлдсэн учраас хардагдсан байж болох хэмээн санагданам. Юу ч бол тэндээ үнэхээр байцаагдаж шийтгэгдэх учиртай ажээ»* [МУУТА. ТБА. Х. 2. Д. 1. Хн. 171] гэсэн байна. *«... Энэ хүн бол бид нар торгууд нарын тоонд оролцох бөгөөд...»* гэснээс үзэхэд Сивалобов нь торгууд буюу халимаг хүн байжээ. Гэвч Халимагаас ирэгсэдийн дотор нэр нь алга байна. Түүнийг Х. Б. Кануков Ховдод ирсэнийхээ дараа тэнд онцын шаардлагагүй гэж үзсэн тул Хүрээ рүү буцаасан байна. Тэрээр магадгүй буцаж явах замдаа өртөөний хүмүүстэй хэрэлдэж маргалдсан ба дараа нь тэдгээр өртөөний хүмүүс Сивалобовыг хулгай дээрмийн хэрэгт холбогдуулан гомдол гаргасанд Д. Сүхбаатар Халимаг сургагчдыг

хамаардагынх нь хувьд Х. Б. Кануковаас захидлаар энэ тухай нь асуусан бололтой. Уг асуудал хэрхэн шийтгэгдсэн тухай баримт материал одоогоор олдохгүй байна.

5. *Левин Михаил Абрамович*: Анх Х. Б. Кануковын даалгаснаар В. А. Хомутниковын бүрэлдэхүүнд орсон бөгөөд Танхо өртөөнөөс Норво гэх нууц нэр авсан боловч Монголд очсон эхний сурагч нарын дотор түүний нэр алга байна. 1923 оны 8 сард Монголд ажиллаж байсан Халимаг сургагчдын бүртгэлд түүнийг Тамсаг булагт алба хааж байсан гэж тэмдэглэсэн байдаг [НАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 2. Л. 84–45]. Ц-Д. Номинханов түүнийг 1921 оны 12 сард ирсэн халимаг сургагчдын хоёрдугаар хэсэгт багтсан ирсэн гэдэг ч нэр нь тэдгээр сургагчдын бүртгэлд байдаггүй. 1921 оны хавар Танхой өртөөнөөс авсан Норво гэх нэр ч түүхэн баримтад таарахгүй байгаагаас үзвэл тэрээр 1921 оны 6 болон 12 сард Халимагаас ирсэн хоёр бүлгийн сургагчдаас тусдаа ирсэн бололтой.

6. *Лиджиняев Эрдэни*: Монгол улсад хэзээ ирсэн нь тодорхойгүй бөгөөд 1923 онд Тамсагбулагт байсан [НАРК. Ф.Р-137. Оп. 1. Д.2. Л. 84-45] бөгөөд харин 1924 онд Х. Б. Кануковын гаргасан «Монгол улсын Ховдын хязгаарт нүүн ирж тохинохыг хүсэх халимаг торгууд нарын нэрсийг тодорхойлон бичсэн хуудас» хэмээх баримтын 39 дугаарт «Лиджиев Эрдни Шагвуров, 25 настай, эхнэргүй, Иновийская станцад амьдардаг, газар хэмжигч мэргэжилтэй, пулёмотчин, намын гишүүн» [МУУТА. ТБА. Х. 1. Хн. 29] гэж тэмдэглэгдсэн байна. Эдгээрээс үзвэл тэрээр 1922 оны сүүл 1923 оны эхээр Монголд ирж, 1925 онд бусад халимагуудын хамт нутаг буцсан бололтой.

7. *Шангунцинов Василий*: Монголд хэзээ ирсэн нь тодорхойгүй бөгөөд Х. Б. Кануковын 1923 онд гаргасан тодорхойлолтоор Ховдод алба хааж байсан [НАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 2. Л. 84–45] бол 1924 онд гаргасан тодорхойлолтын 55 дугаарт «Шангунцинов Василий 24 настай, эхнэртэй, Зундуков тосгоных, газар хэмжигч мэргэжилтэй, малчин, намын гишүүн биш» гэж тэмдэглэгдсэн [МУУТА. ТБА. Х. 1. Хн. 29] байдаг. Эндээс үзэхэд 1925 оны үед нутаг буцсан бололтой.

8. *Калачинов Лиджа Чавочинов*: Монгол улсад хэзээ ирж, хэзээ буцсан нь тодорхойгүй бөгөөд 1924 онд Монгол улсад нүүн ирэх хүсэлт гаргасан халимагуудын бүртгэлийн 67 дугаарт: «... *Калачинов Лиджа Чавочинов эхнэртэй, Платовская өртөөнд амьдардаг, мал сургагч мэргэжилтэй, намын гишүүн бус, монгол ардын цэрэгт хоёр жил алба хаасан*» [МУУТА. ТБА. Х. 1. Хн. 29] гэсэн байдаг. Баримтаас тэрээр Монголд хоёр жил цэргийн алба хаасан нь тодорхой бөгөөд харин хэзээ ирж хэзээ буцсан нь тодорхойгүй бөгөөд 1921 онд Монголд ирсэн хоёр хэсэг халимагууд болон 1923 онд монголд байсан халимагуудын бүртгэлд түүний нэр алга байна.

9. *Хахлынов (Хахлынов Данил Бальджирович) нь* 1922 онд Ховдод ажиллаж байсан байсан бөгөөд түүний тухай «...*газар зохион байгуулалтын мэргэжилтэн халимаг Хахлынов Сангийн яаманд хандан газар зохион байгуулах тасаг байгуулах асуудлыг сөхөн тавьж*» байсан тухай мэдээ байдаг. Түүнийг хэзээ Монголд ирж, хэзээ буцсан нь тодорхой биш бөгөөд 1921 оны 6 болон 12 сард Монголд ирсэн дайчдын бүртгэлд түүний нэр байдаггүй. Харин 1924 онд Нийслэл хүрээнд байсан халимаг сурагчдын хамт авахуулсан гэрэл зурагт тэрээр эхнэрийнхээ хамт байдаг. Мөн 1924 оны 12 сарын 10-ны өдөр Х. Б. Кануковын бичсэн «Монгол улсын Ховдын хязгаарт нүүн ирж тохиохыг хүсэх халимаг торгууд нарын нэрсийг тодорхойлон бичсэн хуудас» гэх бүртгэлийн 15 дугаарт «*Хахлынов Данил Бальджирович, 40 настай, Эхнэрийн хамт Монгол улсын Нийслэл хүрээнд суудаг, Газар хэмжиж, зураг үйлдэгч мэргэжилтэй, Бүх Монголын залуучуудын эвлэлийн гишүүн, 1921 оноос эхлэн Монгол газар сууж, Монгол улсын албанд баймой*» [МУУТА. ТБА. Х. 1. Хн. 29. Т. 27–32] хэмээн бүтгэсэн байдаг. Эндээс үзэхэд тэрээр 1921 онд ирсэн хоёр бүлэгээс тусдаа мөн онд Монголд ирж, 1925 онд нутаг буцсан бололтой. Тэрээр Монголд байх хугацаандаа зөвхөн цэргийн алба хаагаад зогсохгүй Монголын нам эвлэл, нийгэм аж ахуйн салбарыг хөгжүүлэх талаар санал санаачлага гарган идэвхтэй ажиллаж байжээ.

— *Монголд албан ажлаар ирж байсан халимагууд*

1921 оны хувьсгалын үед цэргийн сургагч нараас гадна албан хэргээр ирж байсан тохиолдол байна. Тухайлбал: Халимагт болсон их өлсгөлөнгийн үед Халимагийн өлсгөлөнд тусламж үзүүлэх төв

комиссоос Оле Лиджиев-Рокчинский, Дандыр Балдушев-Баслиев, Эрдэни Эрендженев нарыг явуулахаар шийдвэрлэсэн [Бадмаева 2010: 175] бөгөөд, тэд 1922 оны 9 дүгээр сарын 28-нд Москвад суугаа Монголын элчин сайдаас 41 тоот бичгээр Монголд очих албан зөвшөөрөл хүссэн ба тус комиссын ахлагч Д. Батушов, 1922 оны 10 дугаар сарын 4-ний өдөр элчин сайд Даваад дахин өргөдөл гаргаж, «Манай Халимагийн автономит мужаас 3 хүн томилогдож, ядарсан Халимагийн ардуудад тусламж эрэхээр Монгол газар одох болсон тул бид нарт Алтан-булагаас Нийслэл Хүрээ хүртэл өртөө улаа...» шийтгүүлэн гаргуулж, 1922 оны 12 сард Монголд иржээ [МУГХТА. X. 2. Д. 1. Хн. 194. Н. 17]. Тэд тусламжийн ажлаа бүтээгээд 1923 оны эхээр нутаг буцсан бололтой. Энэ үед буцах зардал дутагдалтай болсон тул Монголын засгийн газарт хандан замын зардлын тусламж хүсэж байсан баримт байна [МУЗГА. Т. 39].

— *Монголоор дамжин тусгай үүрэг гүйцэтгэж байсан халимагууд*

Халимагууд Монголын ардын армид алба хаахаас гадна ЗОУ-ын тусгай даалгавраар Монгол улсаар дамжин Төвдөд үүрэг гүйцэтгэж байлаа. Одоогоор олдоод байгаа баримт материалаас үзэхэд Зөвлөлт Оросын Улаан армид алба хааж байсан халимагууд Монгол улсаар дамжин Төвдөд хоёр удаа тусгай үүрэг гүйцэтгэсэн байна. Эхний үүргийг 1921 оны 6 сард Монголд ирсэн Халимаг сургагч В. А. Хомутников, Лундуков Шагдар, Дорж Дарминов, Л. Бадминов нар? нарийн халимагууд Буриад лам Яринпилын хамт гүйцэтгэсэн. В. А. Хомутников, Лундуков шагдар, Дорж Дарминов нарын тухай дээр өгүүлсэн.

1. Л. Бадминовын тухайд Д. Яримпил, В. А. Хомутников нарын бүлэгт багтсан халимаг хүн хэмээн судлаач А. Басхаев, А. И. Андреев нар тэмдэглэсэн байдаг. Энэхүү бүлэг Нийслэл хүрээнд бүх бэлтгэлээ хангасны дараа дараа хүрээнээс 1921 оны 9 сард гарсан гэдэг. Эндээс үзэхэд тухайн үед Л. Бадминов нь Монгол байсан нь тодорхой.

Монголоор дамжин Төвдөд тусгай үүрэг гүйцэтгэх хоёр дахь хэсэг нь 1926–1928 онд БНМАУ-аас Төвдөд улсад суух элчин сайдын яамны төлөөлөгчид гэх нэрээр явагдсан юм. Энэхүү төлөөлөгчдийн бүрэлдэхүүнд А. Ч. Чапчаев, М. Т. Бимбаев, Лун-

дуков Шагдар нарын халимагууд оролцсон. М. Т. Бимбаев, Лундуков Шагдар нар бол 1921 оны 6 сард халимаг сургагчдын эхний бүлэгт ирсэн тухай дээр өгүүлсэн.

2. *Араш Чанчаевич Чанчаевын* тухайд Халимагт зөвлөлт засгийг тогтоох үйл хэрэгт идэвхтэй оролцож Зөвлөлт халимагийн удирдагчдын нэг болсон тэрээр энэ ажиллагаанд БНМАУ-аас Төвөдөд улсад суух элчин сайдын зөвлөхөөр Цэвэгдорж гэх нэрээр оролцсон байдаг [Сэсээр 2005: 66] Тэрээр даалгавар гүйцэтгэхийн өмнө Нийслэл хүрээнд ирж бүлгийн үйл ажиллагааг бэлтгэхэд оролцсон бөгөөд даалгавраа гүйцэтгэсний дараа Монголоор дамжин буцсан байдаг.

— **Монголд алба хааж байсан Халимагуудын ар гэр**

Монголд байсан халимагуудын зарим нь гэр бүлийн хамт байсан баримтууд цөөнгүй байна. Эдгээрийг авч үзвэл:

1. *Х. Б. Кануковын гэр бүл*. Ховд сайдын газар ажиллаж байсан Х. Б. Кануков Д. Сүхбаатарт 1922 оны 5 дугаар сарын 9-нд бичсэн захидалдаа Ховдын ерөнхий байдлыг дурдаад дараа нь «... манай эхнэр мөн та хоёрын амрыг эрж байна, хүүхдүүд ч мэнд хүргээрэй гэж гуйцгааж байна» гэх зэргээр бичсэн байдаг [МУУТА. ТБА.Х. 12. Д. 1. Хн. 188]. Эндээс харахад тэрээр Ховдод эхнэр хүүхдийнхээ хамтаар оршин сууж байсан, хүүхдүүдтэй байсан нь мэдэгдэх ба гэр бүлийнхнийхэн нь Д. Сүхбаатарыг сайн мэддэг, харилцан мэнд мэдэлцэх хэмжээний ойр дотно харилцаатай байсан нь харагдана. Х. Б. Кануковын эхнэрийн тухайд Халимагийн үндэсний музейн фондод хадгалагдаж байгаа 1924 онд Нийслэл хүрээнд байсан халимагуудын авахуулсан зураг дээр (зураг № 3) Х. Б. Кануковыг буриад эхнэрийн хамт байгаа гэсэн байдаг.

Харин Халимагийн үндэсний архивд Х. Б. Кануковын 1930-аад оны үед Халимагт эхнэр охины хамт авахуулсан зураг (зураг №1) байдаг. Тус архивд мөн «*нөхөр Х. Б. Кануков Монголын тэргүүн цэргийн гүнгийн хувцастай. Эхнэрийн хамт. Монгол улс. 1922 оны 3-р сарын 8*» гэсэн тайлбартай ёслолын хувцастай авахуулсан зураг [НА РК. Фонд фото] (зураг № 2) байдаг. 1930-аад оны үеийн зураг (зураг № 1) дээрх Х. Б. Кануковын эхнэр гэх хүн 1921 оны зураг дээр мөн байдаг. Эндээс үзэхэд Х. Б. Кануковын орос эхнэр нь 1922 онд мөн Нийслэл хүрээнд байсан болж таарч байна.

Зураг № 1. Х. Б. Кануков гэр бүлийн хамт [НА РК. Фонд фото]

Зураг № 2.«Нөхөр Х. Б. Кануков Монголын тэргүүн цэргийн гүнгийн хувцастай. Эхнэрийн хамт. Монгол улс. 1922 оны 3-р сарын 8» [НА РК. Фонд фото].

2. Хахлыновын гэр бүл

1924 онд Нийслэл хүрээнд ажиллаж амьдарч байсан Халимагууд хамтдаа авхуулсан энэ зураг Халимагийн үндэсний музейн зургийн фондод хадгалагдаж байна.

Зураг № 3. Өргөөд амьдарч байсан Халимагууд.

1924 оны 9 сар [Халимагийн үндэсний музейн фонд].

Арын эгнээнд зогсож байгаа зүүн гар талаас 1. Морхадъяев,
дунд эгнээнд сууж байгаа зүүн гар талаас 2. Хахлынов, 3. Эхнэр нь,
4. Кануковын буриад эхнэр, 5. Х. Б. Кануков.

Урд эгнээнд хэвтэж байгаа зүүн гар талаас 1. Н. Б. Кануков, 2. Лиджиев.

Зургийн тайлбараас харахад Хахлынов эхнэрийн хамт Нийслэл хүрээнд байсан нь тодорхой байна.

— Бусад

1922 онд Нийслэлээс хүрээнээс монголын армид алба хааж байсан 20 гаруй сургагчид Ховдод очиход тэнд баян халимаг Доржийнх гэдэг халимаг айл байсан тухай мэдээ бий. «Тэднийх Халимаг нутагтаа хүүхэдгүй байсан бөгөөд нутгийн нэгэн ламаас явал хүүхэдтэй болох тухай асуухад Монгол нутагт очвол хүүхэдтэй

болно гэснээр Ховдын хязгаарт нүүн ирсэн» [Очиров 1970: 31–41] гэдэг. Доржийнх хэзээ хаагуур яаж Монголд хүүж ирсэн, хожим нутаг буцсан, Ховдод суурьшин үлдсэн, үр хүүхэдтэй болсон эсэх нь тодорхойгүй байна. Юутай ч Дорж эхнэрийн хамт хоёулаа амьдарч байсан нь тодорхой байна.

ДҮГНЭЛТ

1921 оны Монголын хувьсгал нь Халимагуудыг угсаа гарал нэгтэй Монголчуудтай ойртон харилцах нэгэн боломжийг олгосон байна. Монгол болон Дорно дахинд явуулах бодлогодоо ЗОУ-ын халимагуудыг тодорхой хэмжээгээр ашиглаж байсан нь энэ харилцаанд бас нөлөөлжээ. Ингэснээр 1920-иод онд Халимагууд Монголд багагүй ирж байжээ. Тэдгээрийг нэр болон тоогоор нь тодруулан авч үзвэл:

- Цэргийн алба хааж байсан халимагууд — 124 хүн,
- Монголд албан ажлаар ирж байсан халимагууд — 3 хүн,
- Монголоор дамжин тусгай үүрэг гүйцэтгэж байсан халимагууд — 2 хүн,
- Монголд алба хааж байсан Халимагуудын ар гэр — 5 хүн
- Бусад — 2 хүн.

Нийтдээ 136 хүн байсныг тодруулж байна. Эдгээр 136 хүний 130 хүнийх нь нэр тодорхой бөгөөд гэр бүлийн эхнэр хүүхэд гэх мэт 6 хүн халимаг байж болох ч нэрийг нь тодруулах баримт алга байна. **Монголд ажиллаж, амьдарч байсан халимагууд** сургуульд суралцах, цэргийн алба халагдах насанд хүрсэн зэрэг шалтгаанаар цэргээс халагдан нутаг буцах, тусгай даалгавар гүйцэтгэхтэй холбоотойгоор Монголд шинэ томилогдон ирэх, Монгол улсаас явах зэргээр тоо бүртгэл нь байгаа өөрчлөгдөж байжээ.

Иймд эдгээр халимагуудын нэр болон тоог тодруулах судалгааг илүү нарийвчлан тодруулах шаардлагатай.

Источники

МУУТА. ТБА — Монгол улсын үндэсний төв архив. Түүхийн баримтын архив.

МУГХТА — Монгол улсын гадаад хэргийн төв архив. Х. 2. Д. 1. Хн. 194.
МУЗГА — Монгол улсын засгийн газрын архив. БНМАУ-ын Засгийн
газрын 1922 оны хурлын тогтоол.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия

Литература

- Бадмаева 2010 — *Бадмаева Е. Н.* Нижнее Поволжье: Опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2010. 544 с.
- Балтыков 1977 — *Балтыков С. Б.* Монголын ардын цэргийн эгнээнд // Ю. О. Оглаев. Интернационалч даалгавартан. Орчуулсан Д. Пунцаг. Улаанбаатар: УХГ, 1977. 136 х.
- Батбаяр 1972 — *Батбаяр Н.* Өндөрт хатгасан туг. Түүхэн найруулал. Улаанбаатар: УХГ, 1972. 195 х.
- Бат-Очир, Отгонжаргал 1996 — *Бат-Очир Л., Отгонжаргал С.* XX зууны монгол дахь улс төрийн түүхэн үйл явц. Улаанбаатар: МУИС-ийн хэвлэх үйлдвэр, 1996. 127 х.
- Внешняя политика 1944 — Внешняя политика СССР 1917–1944 гг. Сборник документов. Т. II (1921–1924 гг.) / сост. А. С. Тисминец, отв. ред. С. А. Лозовский, ред. и прим. Б. Е. Штейн. М.: [б. и.], 1944. 979 с.
- Даш 1967 — *Даш Д.* Монгол түмний төлөө зүтгэсэн анд нөхөд. Ред. Л. Санжаа. Улаанбаатар: УХГ, 1967. 142 х.
- Д. Сүхбаатарын тухай баримт 1960 — Д. Сүхбаатарын тухай баримт материалын эмхэтгэл. Улаанбаатар: УХГ, 1960. 157 х.
- Монгол ардын журамт 1982а — Монгол ардын журамт цэргийн дургалууд. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар: УХГ, 1982. 712 х.
- Монгол ардын журамт 1982б — Монгол ардын журамт цэргийн дургалууд. Дэд дэвтэр. Улаанбаатар: УХГ, 1982. 895 х.
- Номинханов 1977 — *Номинханов Ц.-Д.* Нэгэн жагсаалд // Ю. О. Оглаев. Интернационалч даалгавартан. Орчуулсан Д. Пунцаг. Улаанбаатар: УХГ, 1977. 136 х.
- Оглаев 1977 — *Оглаев Ю. О.* Интернационалч даалгавартан / ред. И. Златкин. Орчуулсан Д. Пунцаг, Ж. Гомбосүрэн. Улаанбаатар: УХГ, 1977. 136 х.
- Очиров 1970 — *Очиров Ц.-М.* Два года в Монголии // Ю. О. Оглаев. С Интернациональной миссией. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 143 с.
- Советско-монгольские отношения 1966 — Советско-монгольские отношения. 1921–1966: сб. док. / сост.: М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Наука, 1966. 360 с.

- Сүхбаатар 2000 — *Сүхбаатар На.* Баруун хязгаарын нийгэм-улс төрийн хөгжлийн түүхэн тойм (XX зууны эхэн үеэс 1930-аад он). Ред. Ж. Болдбаатар. Улаанбаатар: Соёмбо ХХК, 2000. 113 х.
- Сэсээр 2005 — *Сэсээр 3.* Хичээнгүй баатар Гомбо-Идшин гүн. Улаанбаатар: Алтан үсэг үйлдвэр, 2005. 248 х.
- Шапшуков 1977 — *Шапшуков Г. А.* Монгол ард улсад байсан таван жилээ дурсан санахад // Ю. О. Оглаев. Интернационалч даалгавартан. Орчуулсан Д. Пунцаг. Улаанбаатар: УХГ, 1977. 136 х.

УДК 903.5

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-42-64

Об археологических коллекциях Саратовского областного музея краеведения из раскопок в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.)

*Эрдни Анатольевич Кекеев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Кекеев Э. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Республики Калмыкия, хранятся в настоящее время в музеях России: Саратовском областном музее краеведения (Саратов), Государственном историческом музее (Москва), Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (Элиста), а также в нескольких общественных музеях Калмыкии. В Саратовский музей находки поступали в довоенный период археологических работ на территории Калмыкии (1929–1937 гг.). Саратовский областной музей краеведения являлся центральным музеем Нижне-Волжского края, в состав которого входила Калмыцкая автономная область. Хранящиеся в фондах Саратовского музея коллекции представлены находками из раскопок 153 погребений и разведок на 12 местонахождениях. *Цель статьи* — описание результатов анализа археологических коллекций Саратовского областного музея краеведения, сформированных по результатам раскопок 1929–1937 гг. в Калмыцкой автономной области. *Ход работы.* По опубликованным полевым отчетам был составлен список всех находок (Список 1). По Книге поступлений создан Список находок, принятых в Саратовский музей (Список 2). В результате сравнительно-сопостави-

тельного анализа этих списков был составлен Список 3, в котором представлены выявленные комплексы, не поступавшие в Саратовский музей. *Результаты.* В Список 1 вошли данные о находках из 180 погребений, а в Списке 2 учтены предметы из 153 погребений. Таким образом, находки из 27 погребений не поступали в Саратовский музей. В 23 из них найдено от одного до трех предметов. Четыре погребения выделяются довольно многочисленным инвентарем: погребение 3 кургана 28 группы *Три Брата – 1* (восточноманычская катакомбная культура) — 5 наименований; погребение 6 кургана 28 группы *Три Брата – 1* (ранний железный век) — 5 наименований; погребение 1 кургана 11 группы *Элиста – 2* (ранний железный век) — 10 наименований; и погребение 1 кургана 12 группы *Три Брата – 1* (эпоха средневековья) (18 наименований). Сохранность археологических коллекций Саратовского музея из раскопок на территории Республики Калмыкия — более 80 % от количества предметов, поставленных на учет.

Ключевые слова: Нижне-Волжский край, Калмыцкая автономная область, Саратовский областной музей краеведения, Национальный музей Республики Калмыкия, археологические раскопки, археологические разведки, археологические коллекции

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Автор выражает признательность заведующему сектором археологии Саратовского областного музея краеведения К. Ю. Моржерину — за предоставление копий учетных карточек указанных археологических коллекций музея.

Для цитирования: Кекеев Э. А. Об археологических коллекциях Саратовского областного музея краеведения из раскопок в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 42–64. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-42-64

Towards the Archaeological Collections of the Saratov Oblast Museum of Local History and Lore Excavated in Kalmyk Autonomous Oblast, 1929–1937

*Erdni A. Kekeev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

ORCID: 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Kekeev E. A., 2021

Abstract. *Introduction.* The archaeological collections obtained during excavations in Kalmykia are currently stored at several museums of Russia, namely: Saratov Oblast Museum of Local History and Lore (Saratov), State Historical Museum (Moscow), Palmov National Museum of Kalmykia (Elista), etc. Having been a central museum of the Lower Volga Krai that comprised Kalmyk Autonomous Oblast as well, the Saratov museum still houses findings excavated in Kalmykia during the pre-war period (1929–1937). The scope of work performed included excavations of 153 burials and explorations of 12 localities. *Goals.* The paper attempts an analysis of archaeological collections excavated in Kalmyk Autonomous Oblast from 1929 to 1937 and stored at Saratov Oblast Museum of Local History and Lore. *Results.* The work compiles a list of all findings from published field reports (List 1). A review of the Incoming Delivery Register has resulted in a List of Findings accepted by the Saratov museum (List 2). The subsequent comparative analysis of these two lists develops List 3 mentioning some identified findings never delivered to the Saratov museum. *Conclusions.* List 1 contains data on findings from 180 burials, while List 2 considers excavated items from 153 burials. So, findings from 27 burials never arrived in the Saratov museum, 23 of the former having contained one to three items only. The four remaining findspots are distinguished by quite a variety of tools extracted: burial 3, kurgan 28, Three Brothers-1 (Russ. *Tri Brata*) mound group (East Manych Catacomb

Culture) — 5 items; burial 6, kurgan 28, Three Brothers-1 mound group (Early Iron Age) — 5 items; burial 1, kurgan 11, Three Brothers-1 mound group (Early Iron Age) — 10 items; burial 1, kurgan 12, Three Brothers-1 mound group (Middle Ages) — 18 items. The integrity level of the examined archaeological collections at the Saratov museum is 80 % (as compared to the number of items that had been registered).

Keywords: Lower Volga Krai, Kalmyk Autonomous Oblast, Saratov Oblast Museum of Local History and Lore, National Museum of Kalmykia, archaeological excavations, archaeological explorations, archaeological collections

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist – project № 075-15-2019-1879name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’. The author extends sincere gratitude to K. Yu. Morzherin, Head of Archaeology Department at Saratov Oblast Museum of Local History and Lore, for the submitted copies of Record Cards compiled for archaeological collections excavated in Kalmyk Autonomous Oblast (1929–1937).

For citation: Kekeev E. A. Saratov Oblast Museum of Local History and Lore: Analysis of Archaeological Collections Excavated in Kalmyk Autonomous Oblast, 1929–1937. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 2. Pp. 42–64. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-42-64

Введение

Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Республики Калмыкия, в настоящее время хранятся в музеях России: Саратовском областном музее краеведения (Саратов), Государственном историческом музее (Москва), Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (Элиста), а также в нескольких общественных музеях Калмыкии. В Саратовский музей находки поступали в довоенный период археологических работ на территории Калмыкии (1929–1937 гг.)¹.

¹ Периодизация археологических работ в Калмыкии приведена в соответствии с монографией М. А. Очир-Горяевой [Очир-Горяева 2008: 31–52].

Саратовский областной музей краеведения (далее — СОМК) являлся центральным музеем Нижне-Волжского края, в состав которого входила Калмыцкая автономная область. Хранящиеся в фондах Саратовского музея коллекции представлены находками из раскопок 153 погребений и разведок на 12 местонахождениях.

Целью данной статьи является описание результатов анализа археологических коллекций 1929–1937 гг., хранящихся в Саратовском музее. Главными вопросами стали: сколько находок было выявлено в результате археологических работ, какая часть предметов поступила в фонды Саратовского музея, сколько из них хранится сегодня и какая часть находок не поступала в Саратов?

Данные об археологических находках из раскопок в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.) по разным источникам

По опубликованным полевым отчетам был составлен список всех находок (Список 1). По Книге поступлений сформирован список находок, принятых в Саратовский музей (Список 2). В результате сравнительно-сопоставительного анализа этих списков был составлен Список 3, в котором представлены комплексы, не поступавшие в Саратовский музей.

Для составления Списка 1 мною были проанализированы данные из статей П. С. Рыкова, И. В. Синицына и монографии В. П. Шилова. Результаты работ 1929 г. были опубликованы П. С. Рыковым уже в 1931 г. в статье «Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г.» в «Известиях Нижне-Волжского института краеведения» [Рыков 1931]. Всего в этом сезоне было исследовано 31 погребение из 22 курганов в 13 курганных группах: *Станция 5, Станция 8, Станция 9, Яшкуль, Станция 10, Улан-Эрге, Элиста 1, Черя Хурул, Хурул Бага Чонос, Кегульта, Абганеры, Озеро Батыр, Хурул Деед Ламин, Хурул Ханата* (табл. 1).

Таблица 1. Археологические находки Саратовского областного музея краеведения. Археологические раскопки на территории Калмыкии (1929–1937 гг.) (колонки 1–5 по: [Очир-Горяева 2008: Таблица 2])

№	Памятник	Год	Кол-во исследованных курганов	Кол-во исследованных погребений	Кол-во погребений, имевших погребальный инвентарь	Кол-во погребений, находки из которых поступили в СОМК	Кол-во находок			Антропо-логический материал		Палеозоологический материал	
							обнаруженных в памятниках	поступивших в СОМК, ед. хр.	хранящихся в СОМК, ед. хр.	поступивший в СОМК, ед. хр.	хранящийся в СОМК, ед. хр.	поступивший в СОМК, ед. хр.	хранящийся в СОМК, ед. хр.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Станция 5	1929	1	2	2	2	19	15	13	-	-	-	-
2	Станция 8	1929	2	2	2	1	19	14	14	-	-	-	-
3	Станция 9. Яшкуль	1929	2	4	4	3	15	8	5	1	1	-	-
4	Станция 10	1929	1	1	0	0	-	-	-	-	-	-	-
5	Улан Эрге	1929	1	8	5	3	12	10	9	-	-	-	-
6	Элиста-1	1929	1	3	1	1	5	4	4	-	-	-	-
7	Черя Хурул	1929	1	1	1	1	11	11	9	-	-	-	-
8	Хурул Бага Чонос	1929	1	1	1	1	1	1	0	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
9	Кегульта	1929	6	6	4	4	12	12	5	1	1	-	-
10	Абганеры	1929	3	3	3	3	28	28	25	-	-	-	-
11	озеро Батыр	1929	1	1	0	0	-	-	-	-	-	-	-
12	Хурул Деед Ламин	1929	1	1	1	1	6	6	6	-	-	-	-
13	Хурул Ханага	1929	1	3	2	2	5	5	4	-	-	-	-
14	Малиновский могильник (развеянные погребения)	1930	-	2	2	2	7	7	6	-	-	-	-
15	Элиста-2	1931- 1933	12	34	26	14	83	41	33	4	4	1	1
16	Три Брата – 1	1933- 1936	28	98	68	60	292	248	195	15	11	11	8
17	Три Брата – 2	1933- 1936	32	35	28	27	175	139	115	12	9	9	8
18	Бичкин Булук	1937	19	28	21	21	75	67	50	5	4	2	2
19	Цаган Эльсин	1937	11	16	9	7	27	23	23	5	5	1	1
	ИТОГО	1929- 1937	124	249	180	153	792	639	516	43	35	24	20

В данной таблице указаны количественные характеристики комплексов, выявленных в результате раскопок погребальных памятников. Графы 2–8 были составлены в результате изучения публикаций авторов раскопок [Рыков 1931; Синецын 1931; Синецын 1933; Рыков 1936а; Рыков 1936б] и монографии В. П. Шилова [Шилов 2009]. Графы 8–14 заполнены в соответствии с учетными карточками и Книги поступлений Саратовского музея.

В «Известиях Нижне-Волжского института краеведения» также вышла статья И. В. Синецына о результатах разведок, которые он провел в 1929 г., — «Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области», где представлены результаты исследований подъемного материала. Материал был собран на песчаных дюнах и на оголенных местах без раскопок. Кроме материала экспедиции П. С. Рыкова (пункты *Станция 5–6*, *Станция 7*), часть находок поступила от Н. А. Дашука, проводившего топографические работы в районе сел Басы и Зензели. Большая часть находок — это кремневые орудия: 1) скребки, представленные разными типами; 2) ножевидные пластинки-скребки; 3) трапециевидные и сегментовидные орудия; 4) проколкообразные острия; 5) копьевидные острия; 6) наконечники стрел и ряд пластинок неопределенного назначения [Синецын 1931: 85–88].

В 1930–1931 г. И. В. Синецын провел обследование северо-западного побережья Каспийского моря в границах Калмобласти: 1) от пристани Оля, Зензели, Басы до Кисимских промыслов; 2) от пристани Лагань на Улан-Хол, Белое озеро до низовьев р. Кумы. На обследованной территории были выявлены погребальные и поселенческие памятники различных археологических культур: стоянки *Басинская*, *Белоозерская*, *Глухие пески*, *Голубевские пески* и *Зензелинская*, а также развеечные погребения у с. Зензели и из *Малиновского могильника* у с. Басы. Статья об этих работах «Древние памятники Приморского района Калмобласти» вышла в «Известиях Саратовского Нижне-Волжского института краеведения» [Синецын 1933].

Раскопки курганов в Калмыкии продолжились в 1931 г., экспедиция Саратовского музея и Нижне-Волжского института краеведения исследовала курганную группу *Элиста – 2*. За три полевых

сезона 1931–1933 гг. было изучено 34 погребения из 12 курганов. Описание этих работ было опубликовано в статье П. С. Рыкова «Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты (1931–1933 гг.)» в «Известиях Саратовского Нижне-Волжского института краеведения» [Рыков 1936а].

Наиболее крупным памятником, исследованным в Калмыкии в довоенный период, были курганные группы *Три Брата* – 1 и 2. Две группы раскапывались одновременно в 1933–1936 гг. Результаты работы сезонов 1933–1934 гг. были опубликованы П. С. Рыковым в статье «Археологические раскопки курганов в урочище „Три Брата“ в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг.» в журнале «Советская археология» [Рыков 1936б]. В этой статье представлена информация о раскопках 35 погребений из 11 курганов (№№ 1–8 и 10–12) группы *Три Брата* – 1 и 29 погребений из 29 курганов группы *Три Брата* – 2 [Рыков 1936б].

Курган № 9 группы *Три Брата* – 1 был опубликован позже в статье И. В. Сеницына «Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья» в журнале «Советская археология» [Сеницын 1948].

Описание шести погребений раннего железного века *Три Брата* – 1 и 2, исследованных в 1935–1936 гг., вышло в статье «Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени» в Трудах Саратовского областного музея краеведения. Здесь же были приведены описания 14 погребений группы *Бичкин-Булук* (1937 г.) и 6 погребений группы *Цаган-Эльсин* (1937 г.) [Сеницын 1956].

В наиболее полном объеме публикация результатов раскопок курганных групп *Три Брата* 1 и 2 была подготовлена в 1980-х гг. В. П. Шиловым. В его монографии даны описания всех исследованных памятников, приведены улучшенные полевые чертежи, опубликованы результаты сверки коллекций и их фотографии [Шилов 2009]².

В результате изучения вышеописанных работ установлено, что в 1931–1937 гг. было исследовано 247 погребений в 124 курганах из 18 групп, а два погребения были обнаружены в песчаных дюнах

² Рукопись подготовлена к публикации археологами КалмНЦ РАН во главе с д-ром ист. наук М.А. Очир-Горяевой.

Малиновского могильника. Из 249 погребений 69 были безынварными и/или разрушенными, в Список 1 вошли данные о 792 находках из 180 погребений — предметы, изготовленные из глины, камня, кости, бронзы, железа и т. д. При составлении списка находок был принят единый принцип для обозначения одной находки. Например, глиняный сосуд, хотя и состоит из нескольких фрагментов, внесен в список как одна находка. Также в одну строку вписаны находки, состоящие из нескольких предметов. Например, бусины, сделанные из разных материалов, посчитаны как одна находка с указанием количества бусин. По подобному принципу находки записывались в Книге поступлений, тем самым они ставились на учет и приобретали статус единицы хранения (далее — ед. хр.).

В Список 1 не вошли данные о находках из разведок И. В. Сидницына, так как в его публикациях не указано точное количество предметов в собранных коллекциях.

По Книге поступлений и учетным карточкам Археологического отдела Саратовского музея был составлен Список 2. В него вошли все находки, поступившие в музей сразу же по окончании полевых и камеральных работ. Общий объем Списка 2 составил 798 ед. хр.: 731 находка и 67 комплексов, представляющих собой костные останки человека и животных. Кроме этого, были отмечены находки, которые были списаны. Сохранность археологических коллекций Саратовского музея из раскопок на территории Республики Калмыкия — более 80 % от количества предметов поставленных на учет (табл. 2, 3).

Таблица 2. Археологические находки Саратовского областного музея краеведения (работы на территории Калмыкии 1929–1937 гг.)

	Виды археологических полевых работ	Поступило в музей	Списано	В наличии
1	Археологические раскопки	706 ед.хр.	135 ед.хр.	571 ед. хр.
2	Археологические разведки	92 ед.хр.	14 ед. хр.	78 ед. хр.
	ИТОГО	798 ед. хр.	149 ед. хр.	649 ед. хр.

В таблице 2 представлены количественные характеристики изучаемых археологических коллекций. По учетным карточкам и Книге поступлений Саратовского музея было выявлено количество находок, поступивших в фонды СОМК, и количество предметов, которые были впоследствии списаны. Что касается происхождения археологических коллекций, то следует выделить находки, обнаруженные в результате раскопок и разведок. Находки, обнаруженные в результате археологических раскопок, представляют собой отдельные комплексы, в которых содержатся как целые, так и фрагментированные изделия, а также костные останки человека и животных. Находки, обнаруженные в процессе разведок, представляют собой предметы, найденные на поверхности, чаще всего это фрагменты кремневых и глиняных изделий. Как видно из таблицы 2, было списано значительное число находок: 149 ед. хр. из 798 ед.хр.

Таблица 3. Археологические находки Саратовского областного музея краеведения (1929–1931 и 1937 гг.). Археологические разведки на территории Калмыкии (1929–1931 и 1937 гг.)

№	Названия пунктов	Год	Кол-во находок	
			поступивших в СОМК, ед. хр.	хранящихся в СОМК, ед. хр.
1	Басы, Зензели, пески Джарук, Станция 5-6, Станция 7, Тинаки	1929	54	45
2	Басы, Белое озеро, Гайдукские пески, Зензели	1930	8	8
3	Басы, Белое озеро, Гайдукские пески, Зензели	1931	27	23
4	стоянка близ пос. Цаган-Эльсин, селище Бичкин-Булак	1937	3	2
	ИТОГО		92	78

В таблице 3 приведены данные о коллекциях, сформированных в результате разведок под руководством И. В. Сеницына. Так как большая часть поселенческих памятников представляла собой развеянные стоянки и селища, то, видимо, собирать весь массовый материал (преимущественно фрагменты изделий из глины и кремня) было нецелесообразно. Для последующего изучения отбирались лишь наиболее информативные находки [Сеницын 1948; Сеницын 1956].

Проведенный сравнительный анализ Списка 1 и Списка 2 позволил сформировать Список 3 — комплексы находок, которые не поступали в Саратовский музей (табл. 4)

В таблице 4 представлены находки, не поступавшие в Саратовский музей, которые выявлены в результате сопоставления Списка 1 и Списка 2 и выделения погребений, коллекции которых не были переданы в Саратов. Возможно, они были переданы для экспонирования в Калмыцкий музей г. Элисты и составляли часть экспозиции первого музея в калмыцкой степи.

Как было сказано выше, в Список 1 вошли данные о находках из 180 погребений, а в Списке 2 учтены предметы из 153 погребений. Таким образом, находки из 27 погребений не поступали в Саратовский музей. В 23 из них найдено от одного до трех предметов. Четыре погребения из 27 выделяются довольно многочисленным инвентарем: погребение 3 кургана 28 группы *Три Брата – 1* (восточноманьчжурская катакомбная культура) — 5 наименований; погребение 6 кургана 28 группы *Три Брата – 1* (ранний железный век) — 5 наименований; погребение 1 кургана 11 группы *Элиста – 2* (ранний железный век) — 10 наименований; и погребение 1 кургана 12 группы *Три Брата – 1* (эпоха средневековья) — 18 наименований.

Таблица 4. Погребения, исследованные на территории Калмыкии (1929–1937 гг.), находки из которых не поступали в Саратовский музей (принятые сокращения: бр. век — бронзовый век, ржв — ранний железный век, средн. — средневековые, неопр. — неопределенные)

№	№ кургана	№ погребения	Культурно-хронологическая принадлежность	Количество находок	Состав инвентаря
<i>Станция 8 (1929 г.)</i>					
1	1	1	неопр.	3	Железный стержень, кремневое изделие, фрагменты железного ножа
<i>Станция 9. Яшкуль (1929 г.)</i>					
2	1	2	бр. век	1	Фрагмент глиняного сосуда
<i>Улан Эрге (1929 г.)</i>					
3	1	в насыпи	ржв	1	Фрагменты глиняного сосуда
4	1	3	бр. век	3	Бронзовая спираль, бронзовая бусина, глиняный сосуд
<i>Элиста – 2 (1931–1933 гг.)</i>					
5	1	1	средн	2	Железный нож, железная пряжка
6	2	1	средн	2	Железный нож, железное шило
7	3	1	средн	1	Фрагменты железного ножа

8	4	6	ржв	2	Глиняный сосуд (горшочек), фрагменты глиняного сосуда
9	5	2	бр.век	1	Фрагменты охры
10	6	1	бр.век	1	Фрагмент (половина) костяной бляхи
11	6	2	средн	1	Фрагменты глиняного сосуда
12	8	1	ржв	2	Глиняная миска, альчик
13	9	1	ржв	3	Глиняный сосуд, стеклянные бусы, гешировые бусы
14	10	1	ржв	3	Глиняное пряслице, костяная бусина, гешировые бусы
15	11	1	ржв	10	Два глиняных сосуда (горшка), глиняный сосуд (горшочек), глиняный сосуд (кувшин), стеклянная бусина, бронзовые бусы, бронзовое зеркало, бронзовая подвеска, бронзовая фибула, фрагмент мела
16	12	1	ржв	3	Гешировые бусы, пастовые бусы, глиняное пряслице
<i>Три Брата – I (1933–1936 гг.)</i>					
17	1	1	бр. век	1	Глиняный сосуд
18	4	3	бр. век	2	Бусина, глиняная жаровня из нижней части сосуда
19	4	4	бр. век	3	Два пращевых камня, берестяная коробка, фрагменты охры

20	12	1	средн	18	Предметы из железа: фрагменты стремени, предмет, кресало, три стрегня, кольцеобразная пряжка, кольцо, наконечник копья, обкладки седла, фрагменты ножа, кольцо от сбруи, пластинка, три наконечника стрел, ложка. Серебряный предмет, фрагменты берестяной коробки, фрагменты кожаного пояса, фрагменты деревянных ножен
21	19	1	средн	1	Фрагмент изделия из трубчатой кости животного
22	25	4	неопр.	1	Сердоликовая бусина
23	28	3	бр. век	5	Глиняная курильница, каменный выпрямитель древков стрел, кремневый наконечник стрелы, кремневый нуклеус-желвак, фрагменты охры
24	28	6	ржв	5	Предметы из железа: кинжал, нож, пряжка. Фрагменты глиняного сосуда, фрагмент бронзового зеркала
<i>Три Брата – 2 (1933–1936 гг.)</i>					
25	29	1	ржв	1	Фрагменты железного ножа
<i>Цаган-Эльсин (1937 г.)</i>					
26	8	1	ржв	1	Фрагменты железного ножа
27	10	1	ржв	1	Фрагменты железного ножа

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа археологических коллекций из погребальных памятников, исследованных в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.)

Первым объектом, исследованным в 1929 г., стала курганная группа *Станция № 5*, в которой был раскопан один курган, в нем было исследовано одно позднекочевническое погребение: 7 ед. хр., 8 находок из железа, камня, кремня, бересты и кожи. Позднее две ед. хр., находки из бересты и кожи, были списаны. Кроме этого погребения, рядом с этой группой в дюнах были обнаружены остатки развеенного погребения, которое было отнесено к поздним кочевникам. Погребальный инвентарь этого погребения состоит из 8 ед. хр., 10 находок из железа, кости, кремня и меди [Рыков 1931: 58–59; СОМК, АО. №№ 1194, 1196].

Далее по маршруту были исследованы два кургана в группе *Станция № 8*, в местности Цаган Толга. В кургане 1 было исследовано одно разрушенное погребение неопределенной датировки, в котором были обнаружены фрагментированные находки из железа и кремня. Инвентарь из погребения (эпоха поздних кочевников) из кургана 2 представлен практически в полном составе: 14 ед. хр., 26 находок из бронзы, железа, дерева, бересты, кожи, стекла и ткани [Рыков 1931: 60–61; СОМК, АО. № 1171].

Около с. Яшкуль были раскопаны два кургана группы *Станция № 9 (Яшкуль)*: в первом кургане было исследовано одно погребение эпохи средневековья (6 ед. хр. — 6 находок из железа, бронзы, дерева, серебра и стекла), а во втором — три погребения (катакомбной культуры) (11 ед. хр., 26 находок из глины, бронзы и гешира) [Рыков 1931: 61–63; СОМК, АО. № 1172–№ 1174].

В курганной группе *Станция № 10* был исследован один курган, в котором было обнаружено одно средневековое безынвентарное погребение, в насыпи находились фрагменты глиняной посуды, кости животных и птиц [Рыков 1931: 63–64]. В фонды СОМК данные находки не поступали.

В следующей по маршруту курганной группе (*Улан-Эрге*) был исследован курган, в котором было обнаружено восемь погребений, из которых 5 отнесено к катакомбной культуре, одно дати-

ровано ранним железным веком, а два осталось без определения. Из недатированного погребения был сдан глиняный сосуд, однако впоследствии он был списан. На сегодняшний день в фондах Саратовского музея хранится инвентарь из двух катакомбных погребений, причем комплексы сохранились в полном составе: погребение 7 (четыре фрагментированных глиняных сосуда) и погребение 8 (серебряная пронизь и бусы из сердолика, стекла и глины) [Рыков 1931: 64–66; СОМК, АО. № 1174].

В курганной группе *Элиста – 1* был раскопан один курган. В нем было обнаружено три погребения: 1 — катакомбного времени, 2 — неопределенное. Инвентарным оказалось только катакомбное погребение: четыре глиняных сосуда, которые и сегодня хранятся в фондах музея [Рыков 1931: 66–67; СОМК, АО. № 1175]

Единственный исследованный курган в группе *Черя Хурул* сохранил только одно погребение ямной культуры. Его инвентарь состоял из находок из глины (два сосуда), камня (два терочника), кости (12 колец и заготовка из трубчатой кости животного для изготовления подобных колец), бронзы (бусина) и семь астрагалов (альчиков) овцы [Рыков 1931: 68]. Комплекс был полностью передан в фонды Саратовского музея, однако в дальнейшем были списаны все астрагалы и один глиняный сосуд. На сегодняшний день этот комплекс состоит из 7 ед. хр., 18 предметов [СОМК, АО. № 1176].

Из курганной группы *Хурул Бага Чонос* (1 курган, 1 погребение неопределенной датировки) в фонды Саратовского музея поступил фрагментированный глиняный сосуд-горшок [Рыков 1931: 69], однако он был впоследствии списан [СОМК, АО. № 1177].

В курганной группе *Кезульта* было исследовано гораздо больше объектов — 6 курганов и 6 погребений (в курганах №№ 4 и 6 были обнаружены безынвентарные погребения). На сегодняшний день коллекция данного памятника состоит из 7 ед. хр. (7 находок): 6 глиняных сосудов и кремневая пластинка. Ранее коллекция имела еще 5 ед. хр. (частично разрушенный человеческий череп, железные нож и пластинка, остатки деревянного предмета), однако эта часть была списана [Рыков 1931: 70–71; СОМК, АО. № 1178–1182].

В курганной группе *Абганеры* исследовано 3 кургана, 3 погребения. Все комплексы были датированы ранним железным веком [Рыков 1931: 71–73], и предметы практически в полном составе были преданы в фонды СОМК (не поступили только фрагментированные части железных удил, костяного колчана, кости лошади и мелкого рогатого скота). На момент передачи коллекций в Саратовский музей они насчитывали 27 ед. хр., 28 находок из бронзы (украшения), глины (посуда), железа, кости и кожи (вооружение и конская упряжь). Позднее были списаны 3 ед. хр. — фрагменты глиняного сосуда, железного ножа и железного кинжала. Кроме этого, хранится деформированный череп из погребения 1, кургана 3 [СОМК, АО. № 1183–1185].

В курганной группе около озера Батыр был исследован один курган, в котором было обнаружено одно полностью разрушенное погребение [Рыков 1931: 73].

Следующим объектом исследования стал курган в группе *Хурул Деед Ламин* (хур. Дедламинский) (1 погребение). Погребение было датировано ранним железным веком, его коллекция состоит из железных находок (меч, 26 наконечников стрел, удила и предмет), точильного камня (кресало) и бронзовой пряжки [Рыков 1931: 74]. Данный комплекс полностью поступил в фонды Саратовского музея и сохранился в полном составе — 6 ед. хр., 31 предмет [СОМК, АО. № 1186].

В группе *Хурул Ханата* был раскопан один курган, исследовано три погребения — два бронзового века и одно неопределенное (погребение 2, безынвентарное). Погребение 1 отнесено к срубной культуре, его инвентарь состоял из двух глиняных сосудов и астрагала овцы, комплекс полностью сохранился. В погребении 3 (катакомбного времени) были обнаружены каменная зернотерка и кости мелкого рогатого скота, однако в музей поступила только зернотерка, которая впоследствии была списана [Рыков 1931: 74–75; СОМК, АО. № 1187].

В 1931 г. началось исследование курганной группы *Элиста-2*, в которой за три полевых сезона было раскопано 12 курганов, 34 погребения. Восемь погребений было безынвентарными или

разрушенными. В 26 погребениях были обнаружены 83 находки (более 117 предметов) [Рыков 1936а: 57–70].

В фонды СОМК поступили комплексы только из 14 погребений (41 ед. хр., более 56 предметов), однако часть из них была списана и сегодня коллекция представлена комплексами из 12 погребений (33 ед. хр., более 40 предметов) [СОМК, АО. № 1333–1344, 1404, 1421–1428]. Т. е. из 26 инвентарных погребений сегодня в фондах СОМК хранятся предметы из 12 погребений. Погребальные комплексы из курганов группы *Элиста* – 2 состояли из небольшого числа предметов: 20 погребений — 1–3 предмета, 5 погребений — 4 предмета, и лишь в 3 погребениях число предметов было более семи.

Из 12 погребений, предметы из которых не были переданы в СОМК, 11 в сумме содержали только 20 находок (более 55 предметов) из железа, глины, кости, гешира, стекла и пасты. Из отсутствующих погребений выделяется одно погребение раннего железного века — погребение 1, кургана 11. Комплекс данного погребения состоял из 10 наименований (более 17 предметов): находки из глины (5 сосудов и пряслице), из бронзы (6 бусин, 2 подвески, фибула и зеркало), из гешира и пасты (несколько бусин), из стекла (бусина) и фрагмент мела. Судя по тому, что ни одна из этих находок не поступала в Саратовский музей, можно предположить, что этот комплекс был передан в Калмыцкий музей.

Антропологический материал группы *Элиста* – 2 поступил из четырех погребений: курган 4, погребение 3 (ранний железный век) — череп человека; курган 4, погребение 4 (катакомбная культура) — череп человека; курган 5, погребение 3 (катакомбная культура) — фрагменты черепа человека; курган 7, погребение 3 (ямная культура) — череп и кости ребенка с остатками красной краски. В 9 погребениях были найдены кости мелкого и крупного рогатого скота, в фонды Саратовского музея поступила только лопатка овцы, она хранится до сих пор — лопатка с отрезанным концом (курган 6, погребение 1).

Самым крупным объектом, исследованным в Калмыкии в 1929–1937 гг., стал известный могильник *Три Брата*, состоявший из двух групп. Исследования курганов обеих групп были проведе-

ны параллельно друг другу, в течение 1933–1936 гг. Было исследовано 60 курганов, 133 погребения (группа 1 — 28 курганов, 98 погребений; группа 2 — 32 кургана, 35 погребений) [Рыков 1936б: 115–158; Шилов 2009: 97–169].

Количество предметов в описи могильника *Три Брата* — 1 насчитывает 292 наименования из 68 погребений, из которых 248 поступило в фонды Саратовского музея: 248 ед. хр. — более 530 предметов из 60 погребений, а в настоящее время хранится 195 ед. хр. (более 470 предметов из 55 погребений) [СОМК, АО. № 1447, 1449–1461, 1464, 1466, 1471–1482, 1506–1526, 1564–1581, 1583, 1584, 1589].

Костные останки человека поступили из 15 погребений, однако 4 ед. хр. на сегодня списано. Кости животных в СОМК поступило 11 ед. хр., из которых сейчас хранится 8 ед. хр.

Большая часть из погребений имела в составе инвентаря не более 5 наименований (52 погребения, 103 находки). Из 8 комплексов, которые не поступали в Саратов, выделяются три погребения: манычское погребение 3 (5 находок) и раннесарматское погребение 6 (5 находок) из кургана 26, а также средневековое погребение 1 из кургана 12 (18 находок).

Во второй группе могильника *Три Брата* было исследовано 32 кургана, 35 погребений, из которых семь было безынвентарными. Инвентарь 28 погребений составил 175 наименований, в фонды СОМК поступили 139 ед. хр. из 27 погребений. Сегодня хранится 115 ед. хр. из 26 погребений.

Костные останки человека происходят из 12 погребений, 3 ед. хр. впоследствии списаны. Кости животных в музей поступили из 9 погребений, а сегодня сохранилось 8 ед. хр.

Таким образом, можно сказать, что практически все находки из группы *Три Брата* — 2 поступили в фонды Саратовского музея, не были сданы мелкие и фрагментированные находки из железа, кости и др. Полностью отсутствуют комплекс погребения 1 из кургана 29 (ранний железный век) (железный фрагментированный нож), еще была списана единственная находка из погребения 1 из кургана 22 (ранний железный век) — фрагмент глиняной амфоры.

Работа Саратовской экспедиции продолжилась в 1937 г. раскопками курганных групп *Бичкин-Булак* и *Цаган-Эльсин*. В первой группе было исследовано 19 курганов, 28 погребений, а во второй — 11 курганов, 16 погребений [Очир-Горяева 2008: 65–66; Сеницын 1948; Сеницын 1956]. Находки из этих раскопок также поступили в фонды Саратовского музея.

Из 28 погребений группы *Бичкин-Булак* только 21 погребение содержало инвентарь. В этих погребениях было обнаружено 75 наименований погребального инвентаря (более 120 предметов). Все коллекции поступили в Саратовский музей и составили 67 ед. хр. (более 90 предметов), из которых позднее было списано 17 ед. хр. (26 предметов). Костные останки человека поступили из 5 погребений, одна ед. хр. списана. Кости животных в музей были сданы только из двух погребений, которые и хранятся в фондах сегодня [СОМК, АО. № 1616–1620, 1622–1633, 1637–1640].

В группе *Цаган-Эльсин* из 16 погребений, только 9 содержало инвентарь — 27 наименований (более 70 предметов). В фонды Саратовского музея поступили находки из 7 погребений — 23 ед. хр. (более 60 предметов), которые, за исключением нескольких предметов, полностью сохранились. Костные человеческие останки поступили из 5 погребений (полностью сохранились), кости животных поступили только из одного погребения (не списаны) [СОМК, АО. № 1611–1615, 1621, 1634, 1635]. Как и в случае с группой *Три Брата* – 2, можно утверждать, что коллекции курганных групп *Бичкин-Булак* и *Цаган-Эльсин* поступили в фонды СОМК в полном составе, за исключением фрагментированных и плохо сохранившихся находок.

Заключение

Рассматриваемые коллекции Саратовского музея являются ценным источником по изучению памятников археологии Калмыкии. Безусловной заслугой П.С. Рыкова и его команды является то, что эти коллекции были соответствующе оформлены и переданы в фонды музея. Особенно это касается коллекций 1929 г., обнаруженных в год, когда памятники исследовались по пути движения экспедиции. Маршрут длиной более 600 км пролегал через Калмыцкий Базар — Яшкуль — Элисту — хурул Ханата. Накопленные

по мере раскопок находки представляли собой весьма габаритный груз, а большую часть пути в распоряжении экспедиции была одна лошадь или один верблюд [Рыков 1931: 52]. Дальнейшие раскопки производились уже стационарно, однако транспортировка коллекций также представляла собой сложный и трудоемкий процесс. Несмотря на такие условия, археологические коллекции достигли Саратова и были переданы в фонды Областного музея.

Коллекции 27 погребений, полностью не поступившие в Саратовский музей, насчитывали 79 находок. Можно предположить, что они могли быть переданы в создаваемый в 1931–1932 гг. Калмыцкий музей в г. Элисте для экспонирования. К сожалению, фонды этого музея полностью погибли в годы Великой Отечественной войны [Очир-Горяева 2000: 182–183].

Анализ списков коллекций показывает, что часть погребальных комплексов дошла до нас не в полном составе, что произошло в силу нескольких причин. Во-первых, по-видимому, не все находки изымались из погребений и, соответственно, они не поступали в фонды музея. В большей части это касается мелких изделий из материалов, которые хуже всего сохраняются (дерево, ткань, береста, железо и т. д.). Во-вторых, за прошедшие годы хранения их в фондах многие находки потеряли свою ценность и были списаны после оформления соответствующих актов. В-третьих, отсутствие документации, связанной с возможной передачей части находок в Калмыцкий музей, затрудняет оценку общей целостности коллекций. Все вышеперечисленные особенности, имевшие место в процессе формирования археологических коллекций из раскопок, проводившихся в Калмыцкой автономной области, негативно повлияли на их целостность. К сожалению, они не являются редкими случаями. Факты сдачи неполной коллекции и недоработки в их оформлении выявляются при изучении фондов, которые были сформированы и в более поздние годы.

Выявленная неполнота коллекций не умаляет их значения для изучения археологических памятников Калмыкии. Вместе с публикациями П. С. Рыкова и И. В. Сеницына они являются единственным источником по изучению результатов археологических работ в Калмыкии в 1929–1937 гг.

Источники

СОМК, АО — Книга поступлений Археологического отдела Саратовского областного музея краеведения. №№ 1283; 1290–1291; 1312; 1333–1345; 1404; 1421–1443; 1447–1467; 1469; 1471–1482; 1484–1503; 1506–1528; 1564–1581; 1583–1589; 1611–1640; 1694; 1696.

Литература

- Очир-Горяева 2000 — *Очир-Горяева М.А.* Первый музей в Калмыцкой степи // Альманах-1999. Музеи Российской академии наук. М. 2000. С. 181–186.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Рыков 1931 — *Рыков П. С.* Отчет об археологических работах, проведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. 4. Саратов, 1931. С. 51–79.
- Рыков 1936а — *Рыков П. С.* Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения. Т. 7. Саратов, 1936. С. 57–70.
- Рыков 1936б — *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три Брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1935 гг. // Советская археология. 1936. № 1. С. 115–157.
- Синицын 1931 — *Синицын И. В.* Кремневые орудия с донных стоянок Калмыцкой области // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. 4. Саратов, 1931. С. 81–92.
- Синицын 1933 — *Синицын И. В.* Древние памятники Приморского района Калмыцкой области // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. 6. Саратов, 1933. С. 89–102.
- Синицын 1948 — *Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // Советская археология. 1948. № 10. С. 143–160.
- Синицын 1956 — *Синицын И. В.* Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 1. Саратов, 1956. С. 22–64.
- Шилов 1985 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-65-81

О рукописи И. И. Попова № 13805 из Государственного архива Ростовской области

Данара Владимировна Убушиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Убушиева Д. В., 2021

Аннотация. *Введение.* В рамках проекта РФФИ «Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова» планируется ввести в научный оборот фольклорные материалы XIX в. в записи Ивана Ивановича Попова, собирателя устного творчества донских калмыков. *Цель* статьи — дать археографическое описание рукописной книги И. И. Попова «Народные сказки донских калмык[ов] (в русском переводе)». *Материалом* исследования стала рукописная книга собирателя, содержащая сорок два сказочных сюжета и хранящаяся в Государственном архиве Ростовской области. Основными *методами*, использованными в статье, являются археографическое описание и текстологический метод описания. *Результаты.* И. И. Попов, обладая обширными знаниями по европейской и монгольской рукописным книгам, умело использовал и совмещал их в своих работах. Автор использует в оформлении простые одинарные рамки, рамки с «полисадниками», знак *бирга*, пишет посвящение и послесловие к книге, а также приводит список использованной литературы. Данная рукописная книга к тому же имеет приписки, содержащие ценные сведения из биографии собирателя. Текстологический анализ образцов из сказочной коллекции И. И. Попова, содержащихся в указанной рукописи и опубликованных в изданиях советского времени, выявил значительную редактуру, которая порой искажает смысл произведений, в особенности это коснулось религиозных воззрений.

Ключевые слова: архив, И. И. Попов, рукописная книга, археографическое описание, текстологический анализ

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00287 «Инедиты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова».

Для цитирования: Убушиева Д. В. О рукописи И. И. Попова № 13805 из Государственного архива Ростовской области // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 95–81. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-65-81

UDC (398.22)

About I. I. Popov's manuscript No. 13805 from the State Archive of the Rostov region

*Danara V. Ubushieva*¹

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ubushieva D. V., 2021

Abstract. *Introduction.* The *Inédites of Kalmyk Folklore from I. I. Popov's Archive* project aims at introducing into scientific circulation some 19th-century folklore materials recorded by Ivan I. Popov, collector of oral folklore of the Don Kalmyks. *Goals.* The article attempts an archaeographic description of the handwritten book *Folktales of the Don Kalmyks* (Russian translations) by I. Popov. *Materials and Methods.* The study analyzes the collector's handwritten book containing forty two fairy tales and stored at the State Archive of Rostov Oblast. The main methods employed are those of archaeographic and textual description. *Results.* The archaeographic insight into the handwritten book reveals that its compilation meets some basic principles for such handwritten books — notes and drawings were made by hand. In his books, I. Popov tended to use and combine traditions of ancient Russian and Mongolian manuscript books. So, in accordance with the Mongolian book tradition, the folklorist uses frames and the *birga* sign in the design. Following the patterns of ancient Russian books, I. Popov duly designs titles of parts of the book, beginnings and

endings of each fairytale distinguished with headpieces and closing elements, capital letters painted and enlarged. The afterword to the book was also written in accordance with the rules. Moreover, this handwritten book has postscripts containing valuable data on the collector's biography.

Keywords: archive, I. I. Popov, handwritten book, archaeographic description, textual analysis

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-012-00287 'Inédites of Kalmyk Folklore from I. I. Popov's Archive'.

For citation: Ubushieva D. V. The Handwritten Book of Kalmyk Folktales by I. I. Popov: An Archaeographic Description. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 2. Pp. 65–81 (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-65-81

Введение

В Государственном архиве Ростовской области (далее — ГА РО) хранятся рукописные материалы, записанные коннозаводчиком и собирателем калмыцкого фольклора Иваном Ивановичем Поповым. Коллекция содержит материалы различного характера, основой являются образцы народного творчества калмыков. Ранее группой исследователей изучены следующие материалы И. И. Попова: эпическая песнь [Убушиева 2020а], сказки [Убушиева 2017; Убушиева 2018; Горяева 2021], несказочная проза [Убушиева 2019; Убушиева 2020б], загадки [Мирзаева 2020а; Мирзаева 2020б], пословицы и поговорки [Горяева 2012; Горяева 2020; Горяева, Убушиева 2020].

В указанных выше исследованиях были затронуты различные вопросы — это и эпический мотивный фонд, сюжетный тип сказок, классификация несказочной прозы и малых жанров, традиция бытования отдельных жанров, археографическое описание материала. Фольклорная коллекция И. И. Попова уникальна и разнообразна, поэтому введение в научный оборот данных материалов является первостепенной целью проекта.

Археографическое описание рукописной книги И. И. Попова

Рукописная книга И. И. Попова под названием «Народные сказки донских калмык[ов] (в русском переводе)» с шифром 13805,

датированная 1890–1891 гг., хранится в Государственном архиве Ростовской области. Записи в рукописи сделаны на кириллице и ойратском (старокалмыцком) «ясном письме». Рукописная книга, по типу конторской, содержит 1–160 об. листов, записи на ойратском письме имеют от 13–17 строк на странице. Общее название книги, указанное на обложке, оформлено работниками архива. Здесь же указано «Перевел с примечаниями Н. Н¹. Попов 1890–1891 гг.». Ниже отмечено «Из фондов Архивного Отдела УНКВД РО», под этой записью прописным почерком написано «Калмыцкий оригинальный текст (перевод см. № 13806)» и подчеркнуто красным карандашом.

В правом нижнем углу указан шифр настоящего дела «13805», также выделенный красным карандашом. Пагинация в рукописи двойная, авторская постраничная, выполненная черными чернилами арабскими цифрами посередине листа сверху для каждой части отдельная, с 1–76 — первая, с 1–224 — вторая. Дополнительная машинописная пагинация, выполненная работниками архива, сквозная, пропечатана также арабскими цифрами в верхнем правом углу листа, обратная сторона листа оцифрована простым карандашом в верхнем левом углу от руки, начинается с 3 об. до 160 об.

Текст во всей рукописи оформлен в одинарную простую рамку черного цвета. Начало перевода сказки оформлено в рамку с «полисадником» на обоих внутренних краях (см. рис. 1).

Рукописная книга условно делится на две части. Так, на титульном листе первой части рукописи дано название «Калмыцкие народные сказки, изданные профессором монгольского и калмыцкого языков в С. Петербургском университете А. М. Позднеевым в переводе на русский язык кандидата права С. Петербургского университета коннозаводчика Донск. Ч. Конн. И. И. Попова». Ниже стоит дата — 1890 и «Собственн. зимовник на земле Донского Частного Коннозаводства. Балка Средняя Аюла». На этом же титуле стоит штамп Азово-Черноморского краевого архивного управления и шифр: 13805.

¹ Ошибка в инициалах.

На следующей странице, которую можно обозначить как авантитул, записано «Моему драгоценному папе Ивану Михайловичу Попову», чуть ниже справа «Как плод его же попечений... Посвящаю...», обе надписи взяты в рамки. Ниже справа вне рамок значится «И. Попов».

Приведем предисловие И. И. Попова к переводам сказок А. М. Позднеева. Здесь автор описывает свой путь по изучению калмыцкого языка, пишет о типологическом сходстве калмыцких сказок с русскими и немецкими сюжетами и др. [ГА РО. Ф 55. Оп. 1. Д. 13805. Л. 4].

Предисловие².

Пять сказок, записанных профессором монгольской словесности Петербургского университета Алексеем Матвеевичем Позднеевым, попались мне в руки случайным образом в бытность мою в январе месяце настоящего 1890 года в Ново-Черкасске.

Всякому более или менее основательно изучавшему монгольский язык, известна разность языка книжного от говора народа. Единый монгольский язык дробится на множество наречий, смотря по племенам этого народа.

Достаточное изучение книжного языка монголов невозможно без знания языка разговорного и в свою очередь полное знание языка разговорного немислимо без знания языка книжного, притом наивернейший метод в деле изучения будет параллельное изучение книжного и живого монгольского языков. Хотя монгольские племена и не обладают литературой в таком смысле как привыкли ее понимать мы, тем не менее у них существует масса рукописных книг большею частью религиозно-нравственного содержания. Изучение таковой литературы привело к существенным работам по книжному языку монголов у нас в России и в минимальной доле и на Западе Европы.

Ряды светил в деле монгольской [нрзб.]: Шмидт, Ковалевский, А. Попов, Бобровников, Голстунский и в настоящее время Позднеев посвящали свои силы преимущественно трудам в деле

² Авторская пунктуация и грамматика сохранены.

ознакомления с книжным монгольским языком в двух его письменах, старых монгольских XII века и новых XVII века.

Язык же разговорный и плоды его, сказки, песни, пословицы, загадки и т. п. — вообще устное творчество народа мало затрагивалось этими учеными.

В 1880 году профессор Позднеев издал 65 монгольских песен, обещая при этом продолжить издание таковых, нам неизвестно, однако, сдержал ли достоуважаемый профессор свое обещание.

О записи же монгольских сказок и т. п. в тексте и переводе кем-либо нам ничего неизвестно.

Со своей стороны я ничуть не виню наших знаменитых ученых за такое отношение их к устной литературе монголов. При малом количестве людей, посвящающих себя делу изучения монголов, при малой разработке языка, а потому и чрезвычайной трудности его изучения, никак не идущей в параллель с изучением языков народов цивилизованных, они сделали даже больше, чем от них можно было ожидать.

Тем не менее проблема эта же остается проблемою. Не распространяясь о важности непосредственного знакомства с памятниками устного народного творчества в деле изучения монгольского народа, скажу только, что проблемы устного творчества монголов в их литературе, затрудняется, главным образом, изучение[м] разговорного монгольского языка.

Калмыки, обитающие в губерниях Астраханской, Ставропольской и Области Войска Донского, составляют одно из племен единого монгольского народа — их язык есть одно из наречий того же монгольского языка, их письмена и литература есть модернизированные письмена и литература монгольская.

Живя среди калмыков и заинтересовавшись этим народом, старался я, сколько-нибудь, изучить и язык их, будучи убежден, что только одно такое изучение познакомит меня в достаточной мере с ними.

Выучившись самоучкой, благодаря грамматикам Попова, Бровникова и Шмидта читать и писать старым и новым письмом монгольским, я, отвлекаемый собственными занятиями, часы досуга посвящал дальнейшему изучению языка.

Пользуясь, благодаря моему отцу, сочувственно относящемуся к моим занятиям книжными [нрзб.], которые были только

возможно достать, старался я сблизить книжный и разговорный языки калмыков, но это было нелегко и отнимало много времени. Но раз задуманное горело передо мною яркой звездой в сумрачный [нрзб.] изучения без проводника, советника, наставника, а уже потраченный труд не давал возможности бросить раз начатое дело.

Но «ищите и обрящите»: мой туманный путь начал озаряться светом, и этим светом были именно сказки, изданные профессором Позднеевым.

Написанные правильным разговорным языком, однако, согласно грамматическим законам языка, эти сказки научили меня лучше понимать и книжный и разговорный языки калмыков.

Всякому, кто шел бы моим путем, эти сказки показались бы истинным сокровищем.

Мне неизвестно в моей степи, думает ли уважаемый профессор напечатать и перевести эти сказки, или быть может это уже сделано им, во всяком случае, для себя я перевел его сказки.

Не скрою и того, что многие места, благодаря особенностям калмыцкого языка, были мне непонятны, но если бы сказки были написаны языком книжным, они остались бы мне непонятными, так же, как сказки, писанные разговорным языком — всякий калмык мог разъяснить мне непонятное. Так что, смело могу сказать, сказки переведены, если и не литературным русским языком, благодаря моему желанию передать по возможности особенности калмыцкой речи, но с точным неискаженным смыслом.

Чтение и перевод сказок привел меня, однако, к убеждению, что, несмотря на вполне монгольскую наружность, [нрзб.] или сказки эти не избегли всемирного закона заимствования одного народа у другого, или, если не так, то чтение их заставляет вновь повторить, что человек от дикаря до высокоцивилизованного человека, все-таки, человек, несмотря на модификации своей нравственной и физической природы, так что одни и те же мысли приходят на ум и калмыку и, например, русскому и немцу.

Чтобы быть яснее в выражениях, скажу, что, во-первых, 1 и 4 сказки, по идее напоминают сказку известного датского писателя Андерсена «Дорожный-товарищ» ([нрзб.]), а сказка 5 — русскую сказку про Иванушку-дурачка и [нрзб.]. Только 2 и 3 сказки показались мне вполне монгольскими по идее.

Что касается до литературного достоинства этих сказок, то они едва ли удовлетворят цивилизованного человека. Их красоты затемняются для него своеобразной и непонятной его уму и сердцу обстановкой калмыцкой жизни, воззрений, верований, идеалов.

Кто же постарается глубже втянуться в них, наверное, почувствует их оригинальную прелесть.

Итак, благодарю случай, доставивший мне возможность познакомиться со сказками нашего уважаемого профессора и от всей души желаю, чтобы он и на будущее время дарил такими же дарами всех любящих и изучающих народ и язык монгольский.

1890 год. 29 декабря. Аюла. Вечером.

И. Попов.

[ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13805. Л. 3–4об.].

Из Предисловия следует, что И. И. Попов самостоятельно изучил калмыцкий разговорный язык и овладел монгольским письмом. Будучи весьма осведомленным в монгольской литературе, он отмечает, что его предшественники и современники изучают большей частью религиозные памятники, сам же собиратель делает акцент на записи фольклорных образцов и выводит некоторые сюжетно-типологические параллели с западноевропейскими сказочными образцами.

За Предисловием на 5–5об. листах следует часть, озаглавленная «Замечания об идейном содержании сказок», где автор приводит свой взгляд на смысл сказок, записанных А. М. Позднеевым. Затем следует непосредственный перевод пяти сказок: 1) «Сказка про двоих: сына богача Манджин Зарлика и парня его работника», 2) «Сказка про сироту-бедняка парня Бош и его самостреле Тош», 3) «Сказка про мудрого Харца, сына густо-бородого Бээде Мудрого», 4) «Сказка про семнадцатилетнего сына богатого человека», 5) «Сказка про сына Тангад-хана, Умного-Мудрого Харада». Завершает первую часть книги оглавление на кириллице и «ясном письме» с указанием номеров страниц к переводам сказок.

По всей видимости, И. И. Попов сделал свои переводы по изданию «Калмыцкие народные сказки. В подлинном калмыцком

тексте, издал А. Позднеев на «ясном письме», опубликованному А. М. Позднеевым в 1886 г., куда вошли пять образцов калмыцких сказок, записанных им в командировке по Малодербетовскому улусу [Позднеев 1886].

Содержание данного издания соответствует переводам сказок И. И. Попова, а сама книга указана в списке использованных трудов и непосредственно находящихся в личной библиотеке собирателя.

Во второй части рукописной книги на титуле на «ясном письме» значится: *Buzabai xalimaγuudiyin tuulis bi ivan ivanoviči popov tedeniige bičibei*: ('Сказки калмыков-бузавов, записал я, Иван Иванович Попов') — написано черными чернилами и заключено в черную фигурную рамку, по четырем углам имеющую орнамент (см. рис. 2), и на кириллице — «Народные сказки Донских калмык. В оригинальном калмыцком тексте, собраны и записаны И. И. Поповым». Также на титуле указана дата 1890–1892 гг. и место «Балка Средняя Аюла (Дунда Гол Аюл). Собственный конный завод на земле Донского Частного Конезаводства» [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13805. Л. 45].

С 46-го листа и по 156-й представлены записи сказок, зафиксированные на ойратском «ясном письме» и пронумерованные от 1 до 42. Текст написан четким убористым почерком, который приближен к полуставному, довольно старательно, по тексту обнаружено не более пятнадцати добавлений пропущенных слов. Каждая сказка начинается с *бирга*, знака начала текста в индо-тибетских письменностях [Кара 1972: 49]. Перечень сказок приводится в приложении к статье.

На листе 156об. написано послесловие И. И. Попова на «ясном письме», в котором говорится о том, что он приложил много сил и стараний для сохранения и передачи сказок калмыцкого народа, которые мало кого интересуют и не фиксируются. Он же, выучив полюбившийся ему калмыцкий язык, который не просто познать русскому человеку, собрал и записал калмыцкие сказки и, если где-то встречаются ошибки, просит за это прощения.

Затем следует оглавление 42 сказок на «ясном письме», и в заключение И. И. Попов приводит «Список сочинений, которыми

я руководствовался при записи настоящих сказок и имеющихся в моей библиотеке» из 48 наименований. Этот список содержит четыре части: I. Грамматика, II. Словари, III. Путешествия и этнография, IV. История, право, образцы народной литературы. На этом тетрадь заканчивается, а автор пишет: «продолжение перечня смотри в другой тетради», к сожалению, следующая тетрадь нами пока не обнаружена.

Рукописные книги И. И. Попова имеют приписки, которые содержат ценные сведения о самом собирателе. В настоящей книге на нахзаце написано: «Как раз накануне моего рождения и именин, в ночь с 20 на 21 июля 1906 года на 47 году моей жизни родился у меня от Пелагеи Петровины Шушлиной сын, которого я думаю назвать Иваном» [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13805. Л. 161]. По этой приписке нами установлен год рождения самого И. И. Попова — 1859 г. Также из посвящения книги мы узнаем, что отца И. И. Попова звали Иван Михайлович Попов, о котором обнаружилась небольшая запись в очерке С. Ф. Номикосова: «Есть табун, в котором все жеребцы с государственных заводов Ново-Александровского, Лимаревского, Растопчинского и частных хороших заводов. У И. М. Попова как жеребцы, так и матки улучшенной донской породы и никакой другой крови в заводе нет» [Номикосов 1900: 63].

Возвращаясь к сказкам, отметим, что по содержанию это богатырские, волшебные, бытовые, кумулятивные сказки и сказки о животных. Также следует отметить, что из сорока двух сюжетов, представленных в данной тетради, только семнадцать введены в научный оборот.

Это 14 сказок (№№ 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 34, 37, 40, 41, 42) опубликованных на калмыцком языке в сборнике «Хальмг туульс» (Калмыцкие сказки) 1961 г. [[Хальмг туульс 1961](#)].

Сличение отдельных образцов из данной книги с рукописными оригиналами выявило существенную редактуру над текстом. Так, например, в сказке «Арамбар хан» («Хан Арамбар») [[Хальмг туульс 1961: 211–212](#)] название по рукописи И. И. Попова «Арамбар хаана туульс» («Сказка о хане Арамбар»), выявлены следующие изменения:

1) слово *баавһа* ('жена') исправлено на литературное — *гергн* в том же значении;

2) слова-заимствования из русского языка исправлены на калмыцкие, подходящие по смыслу, например, «сотник» изменено на *толһач* ('начальник');

3) фраза *ах дү хойр сар мөчн ноолдэжэж* ('братья месяц и плеяды дрались') изменена на *ах дү хойр сар мөчн наадэжэж* ('братья месяц и плеяды играли');

4) в сказке были опущены некоторые устаревшие религиозные термины, например, во фразе *идам бурхн* ('божество-охранитель, идам') опущено первое слово;

5) опущены слова автора и такие финальные формы, как *гив* ('сказал'), *тууль төгсв* ('сказка закончилась'), например: «Арамбар хаана тууль төгсв» ('Сказка о хане Арамбар закончилась').

Сличение с оригинальным текстом И. И. Попова сказки «Мекч эмгн өвгн хойр» ('[Сказка о] хитрых старухе и старике') [*Хальмг туульс* 1961: 214], оригинальное название «Мекч эмгн өвгн хойрин тууль» ('Сказка о хитрых старухе и старике'), выявило замену слова, которое поменяло смысл сюжета:

tere zalūs odood dēreni bāba: bāji baixulāni хошноуārni хатхād okoba: üksün kūnei beyē dēre bāxla sain yūman-ji gēd bosood odbai: tere kebēr nādaki хойорни теигеји келеbei: tere yurban zalūs üküji odbai: [*ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13805. Л. 136–136об.*] ('Те мужчины пошли и стали испражняться над [умершим] стариком. Когда испражнялись, что-то укололо их в ягодицы. «Испражняться над телом умершего человека, оказывается, хорошо», — сказав, встал и ушел. Так же сказали и двое других мужчин. Те трое мужчин умерли³).

Тер залус одад деернь сүүрлхэв. Сүүрлэж бээхлэнь өжнгарнь хатхад оркв. Үксн күүнэ бий деер сүүрлхлэ сэн юмнж гигэд, босад одв. Тер кевэр наадк хойрнь тигж келв. Тер хурвн залу шөвгин шавас колтэ үкж одв. [*Хальмг туульс* 1961: 214] ('Те мужчины пошли и стали *разговаривать* над [умершим] стариком. Когда *разговаривали*, что-то укололо их в ягодицы. *Разговаривать* над телом умершего человека, оказывается, хорошо, сказав, встал

³ Здесь и далее перевод Д. В. Убушиевой.

и ушел. Так же сказали и двое других мужчин. Те трое мужчин умерли *от раны, полученной шилом*').

Эти 3 сказки (№№ 2, 9, 11) из этой же тетради включены в двуязычное академическое издание «Калмыцкие волшебные сказки» [Калмыцкие волшебные сказки 2020].

И 25 сказок (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 27, 29, 32, 33, 35, 36, 38, 39) до настоящего времени не введены в научный оборот. Целью нашего проекта является ввод полной коллекции сказок И. И. Попова в научный оборот с переводом их на русский язык и с соблюдением всех правил издания фольклорных текстов.

Заключение

И. И. Попов, обладая обширными знаниями по европейской и монгольской рукописным книгам, умело использовал и совмещал их в своих работах. Автор использует в оформлении простые одинарные рамки, рамки с «полисадниками», знак *бирга*, пишет посвящение и послесловие к книге, а также приводит список использованной литературы. Данная рукописная книга к тому же имеет приписки, содержащие ценные сведения из биографии собирателя. Текстологический анализ образцов из сказочной коллекции И. И. Попова, содержащихся в анализируемой рукописи и опубликованных в изданиях советского времени, выявил значительную редактуру, которая порой искажает смысл произведений, в особенности это коснулось религиозных воззрений. Подготовка к изданию и введение в научный оборот материалов, в соответствии с фольклористическими требованиями, является первостепенной целью проекта.

Источники

ГА РО — Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. № 13805.

Литература

Горяева 2012 — Горяева Б. Б. Калмыцкие пословицы и поговорки в записи И. И. Попова // Давид Кугультинов — поэт, философ, гражданин: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения поэта (г. Элиста, 11–12 апреля 2012 г.). Элиста: КалмГУ, 2012. С. 89–92.

- Горяева 2020 — *Горяева Б. Б.* Археографическое описание сборника калмыцких пословиц в записи И. И. Попова // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2020. № 6 (80). С. 57–70.
- Горяева, Убушиева 2020 — *Горяева Б. Б., Убушиева Д. В.* Калмыцкие пословицы и поговорки в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 141–152.
- Горяева 2021 — *Горяева Б.Б.* Через границы языков и культур: сказки донских калмыков в записи И. И. Попова // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 362–379.
- ЗВОИРАО 1890 — Записки Восточного Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. IV. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. С. 321–329.
- Калмыцкие волшебные сказки 2020 — Калмыцкие волшебные сказки / вступит. ст. Б. Б. Горяевой; сост., указатели Б. Б. Горяевой, Д. В. Убушиевой; перевод, примеч., коммент., словарь Б. Б. Горяевой, Т. А. Михалевой, Д. В. Убушиевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: АО «Первая образцовая типография», Филиал «Чеховский печатный двор», 2020. 584 с.
- Кара 1972 — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, 1972. 195 с.
- Мирзаева 2020а — *Мирзаева С. В.* Рукопись И. И. Попова «Загадки донских калмыков»: предварительные замечания // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 399–411.
- Мирзаева 2020б — *Мирзаева С. В.* О народно-бытовой традиции загадывания загадок у донских калмыков (по материалам И. И. Попова) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 790–803.
- Номикосов 1900 — *Номикосов С. Ф.* Очерк коневодства в Области войска Донского: по данным, добытым военно-конской переписью 1898 года. Новочеркасск: Обл. Войска Донск. тип., 1900. 119 с.
- Позднеев 1886 — Позднеев А. М. Калмыцкие народные сказки. В подлинном калмыцком тексте. Издал А. Позднеев. СПб.: Литография А. Иконникова, 1886. 95 с.
- Убушиева 2017 — *Убушиева Д. В.* Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 139–151.
- Убушиева 2018 — *Убушиева Д. В.* Кумулятивные сказки донских калмыков из фонда И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. Вып. № 3. С. 64–90.

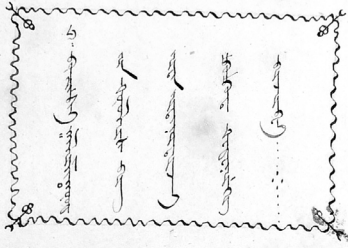
- Убушиева 2019 — *Убушиева Д. В.* Предания донских калмыков в фонде И. И. Попова // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 122–135.
- Убушиева 2020а — *Убушиева Д. В.* Песнь «Об Улан Хонгоре» донского калмыка Б. Обушинова в записи И. И. Попова (1901 г.) // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 388–398.
- Убушиева 2020б — *Убушиева Д. В.* Инеднты калмыцкого фольклора из фонда И. И. Попова: тематическая классификация образцов устной несказочной прозы // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 239–256.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220х.

Приложение

Названия сказок, включенных в рукопись И. И. Попова

- 1) Нээмн мицһн наста Намчин Улан өвгнэ тууль ('Сказка о восьмидесятилетнем старике Намчин Улане');
- 2) Өнчн му көвүнэ тууль ('Сказка о юноше-сироте');
- 3) Хан күүнэ көвүн, харца күүнэ көвүн хойрин тууль ('Сказка о двух сыновьях богатого человека и бедного человека');
- 4) Ик арһта кеңклц бор богшадан тууль ('Сказка об очень ловком и самодовольном воробье');
- 5) Баатрин көвүн, һазрчин көвүн, хулхачин көвүн һурвна тууль ('Сказка о троих: сыне богатыря, сыне земледельца, сыне вора');
- 6) Аратын тууль ('Сказка о лисе');
- 7) Делүнэ тууль ('Сказка о селезенке');
- 8) Өнчн өвгн эмгн хойр олснэсн тос шахж авдгин тууль ('Сказка об одиноких изголодавшихся старике и старухе, выдавливавших масло');
- 9) Хурһар заһс дольж авад, уснд хайж окдг көвүнэ тууль ('Сказка о юноше, обменявшем ягнёнку на рыбу и отпустившем её в воду');
- 10) Долан көвүтэ һурвн күүктэ өвгнэ тууль, дакад гидг болхлаг гетелгнэ хар бурхна тууль ('Сказка о старике, имевшем семь сыновей и трёх дочерей, или сказка о чёрном божестве-избавителе');
- 11) Жирн деермчин нөкд моһан кел меддг залун тууль ('Сказка о мужчине, помощнике шестидесяти разбойников, понимающем язык змей');
- 12) Намчин Улан өвгнэ көвүнэ һал үдлэ һарсна Тулһар Улан баатрин тууль ('Сказка о богатыре Тулгар Улане, рожденном в полуденном зное богатырем Намчин Уланом');
- 13) Нег тө бийтэ, дөрвн тө сахлта өвгнэ тууль ('Сказка о старике, сам с четверть,

а борода в четыре четверти’); 14) Көркхн чиктэ көк бор мөртэ залун тууль (‘Сказка о мужчине с маленькими ушами и на сивом коне’); 15) Шарһа мөртэ алтн цуурта залун тууль (‘Сказка о мужчине с соловым конем и золотой свирелью’); 16) Хан көвүн Шүүрүл Жимбин тууль (‘Сказка о ханском сыне Шюрюл Джимбе’); 17) Ухата байна һурвн көвүнэ тууль (‘Сказка о трёх сыновьях умного богача’); 18) Нусха Жуургин тууль (‘Сказка о Нусхе Джураг’); 19) Мөсн гидг өвгнэ Мөнк Чилдң баатр йисн долда хар һалзн мөртэ терүнэ тууль (‘Сказка о богатыре Мёнке Чилденг, сыне старика Мёсен, с черным с лысинкой скакуном’); 20) Күрүгчин гүүнэ дакад гидг болхлаг, Цаһада Мергн, Улада Мергн, Көкөдей Мергн һурвн көвүнэ тууль (‘Сказка о кобылице Кюрюгчин или о трех юношах Цагада Мергене, Улада Мергене, Кёкеде Мергене’); 21) Барс Мергн баатрин тууль (‘Сказка о богатыре Барс Мергене’); 22) Хойр хулһнын тууль (‘Сказка о двух мышах’); 23) Ижлин байна көвүнэ тууль (‘Сказка о сыне богача с Волги’); 24) Хуц ундг, хулһн саадг көвүнэ тууль (‘Сказка о юноше, оседлавшем барана и доившем мышь’); 25) Моһа көвүнэ тууль (‘Сказка о юноше-змее’); 26) Тегтхэ өвгнэ тууль (‘Сказка о старике Тегтхя’); 27) Кеедэ өвгнэ кер һалзн хуцта тууль (‘Сказка о старике Кедея с гнедым бараном с залысиной’); 28) Мекч эмгн өвгн хойрин тууль (‘Сказка о хитрых старике и старухе’); 29) Хобха толһан тууль (‘Сказка о высохшем черепе’); 30) Мууст өггсн көвүнэ тууль (‘Сказка о юноше, отданном мусам’); 31) Күүнэ кишгин тууль (‘Сказка о человеческом счастье’); 32) Чонын тууль (‘Сказка о волке’); 33) Ах-дү һурвн аңһучин тууль (‘Сказка о трёх братьях-охотниках’); 34) Арамбар хаана тууль (‘Сказка о хане Арамбар’); 35) Керэдэ өвгн керэ сән нээжтән тууль (‘Сказка о старике Керядя и его хорошем друге — сороке’); 36) Бааснд толһанан зуурдг өвгнэ тууль (‘Сказка о старике, испачкавшем голову в испражнениях’); 37) Алг цоохр маштгта Алцаһан өвгнэ тууль (‘Сказка о старике Алцагане, имевшем пестро-рябую [лошадь]’); 38) Далн хойр худлын тууль (‘Сказка о 72 небывлицах’); 39) Богшадан тууль (‘Сказка о воробье’); 40) Бужиндан тууль (‘Сказка о Буджинде’); 41) Алтн шар цоохр мөртэ Амн Цаһана тууль (‘Сказка об Аман Цагане с золотисто-жёлтым пёстрым конем’); 42) Шарада баатрин тууль (‘Сказка о богатыре Шарада’).

Народных сказки Донскихъ казаковъ

вырезанныхъ камишекъ въ текстѣ

собранныхъ и записанныхъ

Н. П. Поповича.

Томъ

I.

1890.-1891.

Санктъ-Петербургъ (Друж. Лит.-Тов.)

Собранный матеріалъ изъ земли Донскихъ казаковъ Донской губернии.

УДК 902

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-82-106

Погребения периода Золотой Орды в волго-маньчских степях

*Евгений Гаврилович Буратаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Буратаев Е. Г., 2021

Аннотация. Статья посвящена кочевническим погребальным памятникам золотоордынского времени, исследованным на территории волго-маньчских степей. В работе использован материал 90 погребальных комплексов, которые датируются серединой XIII–XV вв. Территория волго-маньчских степей сформирована тремя крупными географическими зонами. Выделенные погребения расположены в различных топографических зонах, но, как правило, находятся в пределах курганных групп эпохи бронзы. На основании изучения археологического материала сделан ряд выводов по этнической истории кочевого населения и по его географическому расселению в пределах изучаемой территории. Так, наибольшая концентрация памятников наблюдается на Ергенинской возвышенности, в Сарпинской и Прикаспийской низменности. Группы погребений расположены компактно, единичные комплексы встречаются редко.

Ключевые слова: волго-маньчские степи географическая зона кочевники Золотая Орда погребальный обряд динамика населения

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Буратаев Е. Г. Погребения периода Золотой Орды в волго-маньчских степях // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 82–106. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-82-106

UDC 902

Golden Horde Burials of the Volga-Manych Steppe

*Evgeny G. Burataev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate
ORCID: 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Burataev E. G., 2021

Abstract. *Goals.* The article examines Golden Horde nomadic burials explored across the Volga-Manych steppe. *Materials.* The work analyzes materials from 90 burials dated to the 13th – 15th centuries AD. *Results.* The mentioned territory comprises three large geographical zones. The examined burials are located in different topographic areas but basically tend to cluster within Bronze Age mound groups. The study results in certain conclusions regarding the nomads' ethnic history and their geographical distribution across the territory under consideration. So, the largest numbers of such monuments have been registered in the Ergeni Upland, in the Sarpa and Caspian Lowlands. The burials largely form groups, while single complexes are rare enough.

Keywords: Volga-Manych steppe, geographic zone, nomads, Golden Horde, burial rites, population dynamics

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist – project № 075-15-2019-1879 name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’.

For citation: Burataev E. G. Golden Horde Burials of the Volga-Manych Steppe. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 2. Pp. 82–106. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-82-106

Введение

Археологами Калмыцкого научного центра РАН проводится работа по сбору и анализу археологических погребений эпохи средневековья на территории волго-маньчских степей. Хронологический период памятников эпохи средневековых кочевников охватывает IV–XV вв.

Источниковой базой исследования послужили материалы археологических раскопок курганных могильников на территории Республики Калмыкия с 1929 г. до 1999 г. База данных содержит материал 339 погребальных комплексов эпохи средневековья.

В настоящей работе собраны и проанализированы погребения золотоордынского периода (вторая треть XIII–XV вв.) и их географическое распределение по территории волго-маньчских степей. Это позволяет проследить особенности погребального обряда в рамках отдельных ландшафтных зон вышеуказанного географического пространства, что в свою очередь даст возможность проследить динамику расселения, проживания, основных мест обитания кочевого населения исследуемой территории.

Из 339 погребений волго-маньчских степей эпохи средневековья 90 погребений датируются временем Золотой Орды, что составляет 30 % от всех средневековых погребений (табл. 1). Культурно-хронологическая принадлежность большинства погребений была определена авторами раскопок, а также авторами публикации памятников. В рамках генетического анализа костных образцов из золотоордынских погребений для 19 комплексов были получены радиоуглеродные даты. Результаты генетического исследования будет посвящена отдельная публикация коллектива авторов. Предварительно можно констатировать, что все радиоуглеродные даты подтвердили датировки этих погребений в рамках золотоордынского периода, определенные по археологическим данным: особенностям погребального обряда и инвентаря.

Археологические раскопки древностей средневековых кочевников волго-маньчских степей длятся уже около 100 лет, но в научный оборот введен далеко не весь исследованный материал тюрко- и монголоязычных кочевников. За последние 50 лет опу-

бликованы наиболее выдающиеся информативные комплексы. Часть памятников по ряду причин не вызвала интерес вследствие своей малоинформативности или невыразительного и скудного погребального инвентаря. Можно говорить о том, что в целом работы по изучению вопроса средневекового наследия республики несут характер отдельных публикаций курганных могильников или отдельных, выдающихся, погребений.

В истории исследования средневековой истории изучаемой территории наибольший интерес привлекает сборник «Материалы и исследования по археологии Калмыкии», состоящий из шести статей С. М. Васюткина, посвящённых проблемам хронологии и периодизации этнической истории и типологии средневековых погребений Калмыкии [[Васюткин 1995: 53–74](#); [Васюткин, Кольцов 1995: 107–161](#)].

Материалы некоторых погребальных памятников региона вошли в ряд монографий, среди которых нужно отметить две одновременно вышедшие: работы В. А. Иванова «Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия» [[Иванов 2015](#)] и Е. П. Мыськова «Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды» [[Мыськов 2015](#)].

В работе В. А. Иванова на основании данных археологии и письменных источников излагается историческая география кочевников Золотой Орды (Улуса Джучи) Урало-Поволжского региона их религиозные верования, отразившиеся в археологическом материале.

В монографии Е. П. Мыськова, посвященной изучению золотоордынских кочевников волго-донских степей, использованы материалы более тысяч погребальных комплексов, датированных XIII–XV вв. На основании детального изучения археологического материала в исследовании представлена классификация наиболее распространенных предметов сопровождающего инвентаря, в работе сделан ряд новых выводов в отношении материальной культуры, погребальной обрядности и этнической истории золотоордынского населения Волго-Донского региона.

В обеих монографиях привлечен материал крупных курганных групп эпохи Золотой Орды (*Архара-2*: 14/1, 16/1, 23/1; *Восточный Маныч – I*: 20/1; *Восточный Маныч – 2*: 6/1; *Гаиунский*: 2/1; *Лола-2*: 2/1, 10/1; *Станция-5*: 1/1; *Станция-8*: 2/1; *Станция-10*: 1/1; *Три Брата – I*: 3/2, 12/1, 14/1, 24/12; *Три Брата – II*: 8/1, 11/1, 27/1; *Элистинский*: 1/1, 2/1, 3/1; *Яшкуль*: 1/1; *Гува-1*: 3/1; *Гува-3*: 1/1; *Купцын Толга*: 12/1; *Джангар*: 27/1, 29/1, 33/1) [[Мыськов 2015: 5–7](#)].

Географические условия региона

География памятников охватывает пространство волго-маньчских степей, большую часть территории которых на сегодняшний день занимает Республика Калмыкия (рис. 1). Волго-маньчские степи являются частью более крупного географического региона — Нижнее Поволжье. На территории волго-маньчских степей выделяют три ландшафтно-географические зоны: Ергенинская возвышенность, Кумо-Маньчская впадина и Прикаспийская низменность, северная часть которой выделяется как Сарпинская низменность.

Ергенинская возвышенность (Эргени, Ергени), длиной около 300 км и шириной от 50 км в северной части и до 350 км — в южной, служит разделом бассейнов Азовского и Каспийского морей. Возвышенность меридионально тянется от Волги на севере до Маныча — на юге. Восточный склон возвышенности обрывается к Прикаспийской низменности, западный постепенно спускается к долине Дона. Для возвышенности характерен расчлененный рельеф местности, образованный сочетанием плоских выровненных пространств и прорезывающих их широких протяженных балок. Растительность полупустынная (полынь, типчак, ковыль, солянки) на светло-каштановых почвах с пятнами солонцов. В оврагах восточного склона встречается немногочисленная ива, дуб, вяз, осина. Климат — резко континентальный и, по сравнению с другими районами полупустынь, менее суровый: средняя температура января колеблется от -6 до -10. Несмотря на относительно небольшую высоту над уровнем моря (120–190 м), возвышенность оказывает значительное влияние на климат Нижнего Поволжья: западный склон представляет собой сухую степь, восточный — полупустыню.

В нашей выборке 26 погребений золотоордынского времени, что составляет 32 % от общего количества средневековых погребений, происходят из курганных групп на Ергенинской возвышенности. Курганные группы, содержавшие захоронения изучаемого периода, располагались преимущественно на высоких гребнях возвышенности (табл. 2).

Погребения золотоордынского времени не образуют крупных курганных групп и встречаются 2–4 погребения в одной курганной группе. Такое же соотношение памятников можно наблюдать повсеместно в пределах географических зон. К примеру, в курганной группе *Хар Зуха* из 33 погребений только 3 датированы золотоордынским временем [Очир-Горяева 1991; Очир-Горяева 2017: 250].

В группе *Промзона* из 3 погребений два отнесены авторами раскопок к золотоордынскому времени [Очир-Горяева 2004: 251–264]. В группе *Малые Дербеты* из 2 курганов одно погребение относится к рассматриваемому периоду времени [Очир-Горяева 2004: 251–264].

Следует отметить, что в курганной группе *Малые Дербеты – 1*, исследованной В. В. Верещагиным в 2007 г., насчитывается 11 погребений периода XIII–XIV вв.

Средневековые погребения объединяет единство ритуала: погребальная конструкция — яма с заплечиками, все, кроме одного, погребения ориентированы на запад. В четырех случаях были зафиксированы останки лошадей — 2 полных скелета (курганы 2 и 4) и 2 чучела (курганы 3 и 7). Территориально группа *Малые Дербеты-1* располагалась на самой оконечности склона северных Ергеней, на стыке двух географических зон — Ергенинской возвышенности и Прикаспийской низменности (её Сарпинской части).

К востоку от Ергенинской возвышенности лежит северо-западная часть Прикаспийской низменности. Ландшафт Прикаспийской низменности представляет собой ровную, полого наклонённую к морю поверхность. Рельеф осложнён небольшими соляными куполами высотой до 150 м (гора Богдо Большое). Современный климат Нижнего Поволжья умеренно континентальный. Для него характерно знойное сухое лето с преобладанием ясной погоды

и частыми засухами. Засушливый климат является главной причиной обезлесения нижеволжских степей и преобладания в них травянистой растительности. Господствующая растительность степей представлена типчаково-полынно-злаковыми видами.

Археологическое изучение части Прикаспийской низменности, равно как и республики в целом, берет начало в 1929 г. В это время экспедиция под руководством П. С. Рыкова совершила первую в истории Калмыкии археологическую находку в республике. За этот период здесь фиксируется 17 (20 %) погребений золотоордынского времени. Территория низменности исследована неравномерно, спасательные раскопки велись в зонах строительства канала «Волго-Чограй» (далее — КВЧ). Наибольшая концентрация памятников наблюдается в северо-западной части низменности в районе яшкульских озер (Станция 5, 8; КВЧ¹ 37, 42, 56; Яшкуль 1, 3; Цаган Усн 3, 7).

Сарпинская низменность представляет собой треугольник неправильной формы, ограниченный на западе Ергенинской возвышенностью, на севере и северо-востоке — Волго-Ахтубинской поймой. На юге Сарпинская низменность плавно переходит в Прикаспийскую низменность (Черные земли). Рельеф местности степной и лиманно-озерный. Климат континентальный, для региона характерны резкие контрасты лета и зимы.

Причиной спасательных археологических раскопок явилось строительство Сарпинской оросительно-обводнительной системы. В этой ландшафтной зоне выявлено 34 (42 %) погребения времен Золотой Орды. Распределение погребений в границах курганных групп здесь такое же, как и во всех зонах. К примеру, из 34 погребений курганной группы *Кермен Толга* только 4 — позднеочевнические [Цуцкин 1979], в группе *Ики Зегиста* из 29 исследованных погребений 2 захоронения датированы золотоордынским временем [Гаврилина, Надбитова 1986: 194–204].

Кумо-Манычская впадина представляет собой слаборасчлененную равнину, наклоненную от водораздела Азовского и Ка-

¹ КВЧ — Канал «Волга-Чограй».

спийского морей на северо-запад и юго-восток. Протяжённость впадины составляет 500 км, ширина — 20–30 км. Низменность немного возвышается над уровнем моря, а в прошлом была полностью покрыта водой.

Долина реки Маныч — зона концентрации археологических памятников эпохи бронзы. В XX в. гидросистема Манычской впадины подверглась значительному антропогенному воздействию. В 1930-е гг. во время строительства каскада водохранилищ археологические исследования в зоне строек были минимальны [Артамонов 1935].

Спустя 30 лет здесь развернулось грандиозное строительство водохранилища Чограй. Число раскопанных погребений за время спасательных раскопок до сих пор составляет без малого половину всех раскопанных памятников за всю историю археологического изучения на территории региона, а именно: 329 курганов, содержащих 1 541 погребение [Очир-Горяева 2008: 39]. Золотоордынских погребений в этой зоне несравнимо мало — 4 погребения.

Погребения периода Золотой Орды вышеперечисленных ландшафтных зон можно разделить на две основные группы: погребения с широтной и погребения с меридиональной ориентировкой.

Погребения с широтной ориентировкой

В рассматриваемой выборке насчитывается 25 погребений с широтной ориентировкой могильных ям, что составляет 31 % от общего числа золотоордынских погребений. В 20 погребениях умершие были положены головой на запад, такие погребения составляют 80 % от общего числа погребений с широтной ориентировкой могильной ямы.

В 3 погребениях умершие были положены головой на восток, что составляет 11,5 %. Наибольшая концентрация широтно-ориентированных могильных ям наблюдается по всей территории Ергенинской возвышенности 18 (72 %). Несравнимо мало их в долине Кумо-Манычской впадины, всего 2 (8 %), и на территории Сарпинской низменности — 3 (12 %).

подавляющее большинство погребений — 21 (82 %) — являются основными, при этом они за редким исключением являются

единственными в кургане, то есть почти каждое основное погребение находилось под персональной насыпью. Только 4 погребения оказались впускными (*Архара*, 8/1; 35/1; *Лола-2*, 1963, 11/1; *Джангар*, 1981, 20/4).

Два впускных погребения (*Архара* 8/1, 35/1) с ориентировкой умерших на запад не имели инвентаря. В одном из погребений (8/1) захоронена женщина, второе (35/1) разрушено в древности, и пол погребенного определен не был. Оба захоронения совершены в простых без дополнительных конструкций прямоугольных ямах [Синицын, Эрдниев 1966: 63–64, 104–105].

В прямоугольной яме впускного погребения курганной группы *Лола-2* (11/1) погребен мужчина в сопровождении чучела лошади. Чучело лошади (череп и кости ног, отчлененные по пястный сустав) лежало справа от погребенного, на древнем горизонте немногим² выше уровня человека. Ориентировка костяка лошади противоположная по отношению скелета человека: череп лошади ориентирован на запад, погребенный уложен головой на восток. Инвентарь погребения составили предметы вооружения: однолезвийный меч-сабля, фрагменты костяных накладок на лук, кожаный колчан с фрагментами наконечников железных стрел и однолезвийный железный нож [Синицын, Эрдниев 1966: 117–119].

Основные погребения сконцентрированы на достаточно небольшой территории 13 (61 %) — в средней части Ергенинской возвышенности. Здесь можно выделить три основные курганные группы: *Архара* — 7 основных погребений из 9; *Элистинский* — 4 основных из 4; *Лола* — 4 основных из 4.

Ямы основных погребений в 23 случаях имели прямоугольную или близкую к ней форму, в 2 случаях овальную. Подбоями оборудованы всего 2 погребения: впускное погребение *Джангар* 20/4 (1980) — в северной и основное погребение *Дюкер* 13/1 (1982) — в южной стенке входной ямы. Оба перечисленных погребения с подбоями имели овальные входные ямы.

² Уровни залегания костей лошади и скелета человека не указаны в тексте публикации.

В ямах 14 погребений зафиксировано деревянное перекрытие. Материалом для перекрытий служили камыш, деревянные плашки, бревна доски, детали повозок и кибиток. Только в одном случае яма основного погребения из группы *Промзона 7/1* (1997), была заложена каменной закладкой [Очир-Горяева 2017: 203–205].

Погребальный инвентарь погребений с широтной ориентацией могильной ямы представлен: предметами вооружения, украшениями, орудиями труда, запасом пищи, предметами туалета.

Из инвентаря можно выделить остатки головного убора, определенного как *боктаг*. Женский головной убор *боктаг* с берестяным каркасом традиционно служит своего рода маркером золотоордынских погребений. Между тем анализ, проведенный З. В. Доде, выявил, во-первых, типологическое различие форм золотоордынских головных уборов, во-вторых, — неправомерность атрибуции именно монгольским *боктаг* всех известных находок головных уборов³ из золотоордынских захоронений [Доде 2008: 52–63].

Фрагменты головных уборов, найденных в золотоордынских погребениях волго-маньчских степей, не были подвергнуты специальному изучению. Исключение составляют два головных убора из курганных групп *Гува-3* (1/1) и головной убор с конусовидным навершием из группы *Джангар* (27/1) [Шнайдштейн 1979: 66–68; Васюткин 1985: 158–160].

Остатки женского головного убора зафиксированы в трех случаях (*Архара* 15/1; *Архара* 16/1; *Джангар* 1981 27/1) — в основном погребении *Архара* 15/1. Здесь, под насыпью диаметром 10 м с зафиксированной высотой 1 м, в яме 2,4х0,9 м на спине вытянуто лежал скелет взрослой женщины. Инвентарь погребения, помимо фрагментов головного убора, составил: бронзовое зеркало, найденное слева от погребенной; железные ножницы; бронзовая пластинка; фрагменты шелковой ткани; остатки сапог на костях ног; кость овцы (нога) зафиксирована у левого бедра погребенной [Синицын, Эрдниев 1966: 76].

³ Остатками *боктаг* считается следующий комплекс находок: берестяной каркас, кора, шелковая ткань.

Второе погребение с *боктаг* найдено в этой же группе *Архара* 16/1, в такого же типа яме и схожим набором инвентаря. Отличие этих двух погребений: во-первых, способ положения умершей, в погребении 15/1 умершая положена головой на восток, в 16/1 — на запад; во-вторых, погребение 16/1 оборудовано деревянным перекрытием.

Погребений с предметами вооружения или защитного доспеха крайне мало не только в рассматриваемой группе (3 погребения), но и во всей подборке в целом. Предметы вооружения представлены двумя саблями из двух погребений (*Лола-2*, 8/3; 11/1). Защитные доспехи в виде кольчуги, надетой на умершего, отмечены в единственном случае — в погребении *Лола-2* (8/3). В основном погребении группы *Малые Дербеты* (2007, 3/1) отмечены фрагменты костяных накладок на лук и железные наконечники стрел.

Особенностью погребального обряда средневековых кочевников является захоронения лошадей вместе с человеком. Сопровождающие захоронения делятся на два вида: полные скелеты лошадей и их имитации, представляющие собой череп и кости конечностей с копытами. Вместе с перечисленными частями животного в могилу укладывалась или растягивалась шкура лошади.

Костные останки лошади фиксируются в одной с человеком яме или в отдельно сооруженной. Встречаются полные скелеты лошадей или символические захоронения в виде растянутой шкуры лошади, от которой сохраняются череп и кости голени с копытами. В 5 погребениях были найдены предметы узды и седло, что указывает на то, что как полные сопровождающие захоронения лошади, так и символические были взнузданы и оседланы.

В группе с широтной ориентировкой всего 5 погребений с сопровождающими захоронениями лошади (18 %): (*Лола-2*, 11/1; *Архара*, 14/1; *Малые Дербеты*, 3/1, 4/2; *Адрг*, 8/1; *Дюкер*, 32/1) (рис. 2).

Для захоронения целой лошади (2 погребения) сооружалась отдельная яма в непосредственной близости погребения человека (*Архара*, 14/1; *Малые Дербеты* – 1, 4/2). Имитация лошади (2 по-

гребения): череп, кости ног и шкура положены на приступок или ступеньку (*Лола-2*, 11/1; *Дюкер*, 13/1), или на перекрытии входной ямы (*Малые Дербеты – 1*, 3/1). В большинстве случаев лошади ориентированы в ту же сторону, что и хозяин, лишь в одном случае лошадь была ориентирована в противоположную сторону (*Лола-2*, 11/1).

Широтную ориентировку могильной ямы и умершего связывают с тюркским погребальным обрядом золотоордынского времени [Федоров-Давыдов 1966: 157, 159; Золотая Орда 2003: 251–252].

Для тюркского погребального обряда пространства волго-мамычских степей характерно устройство прямоугольной могильной ямы без подбоя с закругленными углами. Погребенные уложены головами на запад в сопровождении лошадей и инвентаря. Наличие находок наконечников стрел и остатков берестяных колчанов и луков может свидетельствовать о принадлежности погребенных к конным лучникам.

Погребения с меридиональной ориентировкой могильной ямы: всего 30 (39 %), из них основных захоронений — 26 (83 %), впускных — 4 (13 %). В эту группу вошли захоронения, имеющие незначительные отклонения погребенных на восток (*Хар Нуурин Толга*, 9/1) и запад (*Джангар* 1980, 1/1). Географическое распространение и наибольшая концентрация погребений этой группы наблюдается в пределах Сарпинской низменности. В этой группе наблюдается количественное преобладание основных и единственных в кургане (25) над впускными погребениями (4). Погребений с северной ориентировкой погребенного насчитывается 17 (55 %), с южной ориентировкой — 9 (29 %).

Ямы 17 (54 %) погребений имели прямоугольную в плане форму с закругленными углами, ям с овальной или подовальной формой — 4 (13 %). В остальных случаях форма ям не была установлена. Подбоями оборудовано всего 4 погребения (*Гува-1*, 3/1; *Гува-2*, 5/1, 4/2; *Кермен Толга*, 1/1).

Сопровождающий инвентарь в целом схож с категориями предыдущей группы. Головные уборы *боктаг* зафиксированы в трех

основных погребениях (*Станция-8, 2/1; Адрг, 1/1, 10/1*), тут стоит отметить, что в двух захоронениях, содержащих *боктаг* из группы *Адрг (10/1, 11/1)*, зафиксированы фрагменты деревянных ступиц колес.

Основное и единственное бесподбойное погребение в материке было открыто в западном секторе насыпи кургана 10 группы *Адрг*. Над могильным пятном, на выкиде, был обнаружен череп, позвонки и тазовая кость овцы. Череп животного ориентирован мордой на запад. В 10 см на север от костей овцы лежал деревянный предмет, впоследствии идентифицированный автором раскопок ступицей колеса.

Удлиненная могильная яма размерами 2,15x0,97 м, ориентированная по линиям СВ–ЮЗ, имела деревянное перекрытие. На дне ямы (1,85 м от «0»), на спине вытянуто, головой на СВ лежал скелет женщины молодого возраста. Кости рук лежали вдоль туловища, кости ног — параллельно друг другу, череп обращен лицевой частью вверх. Напутственная пища — кости ног овцы лежали за черепом погребенной. Там же были обнаружены первоначально надетые на голову остатки головного убора *боктаг*. Сохранившиеся фрагменты убора представляли собой берестяную трубочку с парными отверстиями крепления. Длина трубочки — 15 см, диаметр — 4 см. На трубке сохранились следы ткани, фрагменты кожи и красной краски (рис. 3). Инвентарь погребения составили: зеркало в парчовом футляре, деревянный гребень, кольчатые ножницы, серьги с подвеской из черного камня.

Похожее захоронение зафиксировано в насыпи, расположенной в 190 м южнее от вышеописанного кургана (*Адрг, 11/1*). В заполнении могильной ямы с деревянным перекрытием (детали повозки) найдена стоявшая вертикально ступица колеса. Дно ямы отмечено на глубине 2,68 м от «0». На дне так же, как и в погребении 10/1, вытянуто на спине лежал скелет женщины зрелого возраста головой на СВ. Остатки головного убора в виде фрагментов бересты зафиксированы на лицевой части черепа. Набор инвентаря погребения такой же, как в описанном выше захоронении (рис. 4) [Цуцкин 1979].

Предметы оружия, такие как меч или сабля, не зафиксированы ни в одном из погребений группы с меридиональной ориентировкой.

Следует также отметить малое число сопровождавших человека захоронений лошади — всего 6 (19 %). Погребение лошади в отдельной от человека яме открыто в основном и единственном погребении кургана 1 группы *Большой Царын – 1* (1977), здесь отдельная яма для животного устроена слева, т. е. с запада от ямы погребения. Ориентировка погребенного человека и лошади в ЮЮЗ (рис. 5) [Цуцкин 1977]. Второе захоронение лошади отдельно от человека устроено в кургане бронзового века *Малые Дербеты – 1* (1/1). Яма лошади устроена в насыпи кургана, животное было положено в сидячее положение с подогнутыми ногами.

Чучело лошади (кости ног, череп) зафиксировано в одном случае (*Кермен Толга*, 1/1). Отдельная кость животного⁴ встречена на перекрытии погребения (*Цаган Усн – 7*, 1987, 1/2), череп был положен в одном погребении (*Джангар-1*, 1981, 33/1). В семи погребениях найдены предметы конской узда, но без захоронения лошади.

Выводы

Группу захоронений с **широтной ориентировкой могильной ямы** оставили тюркоязычные кочевники, хоронившие своих соплеменников с целой тушей или чучелом лошади (31 %). Традиционно широтные захоронения приписываются кочевникам-половцам. Мнение большинства исследователей о половецкой принадлежности подобных погребений подкрепляется тем фактом, что ещё в составе Кимакского каганата в результате смешения с другими покоренными кочевыми племенами обряд погребений у половцев начал меняться. Отсюда возникает проблема выделения археологических половецких памятников [Мыськов 2015: 264–270].

Группа захоронений с **меридиональной ориентировкой могильной ямы** представлена захоронениями с северной и южной ориентировкой умершего. Способ положения умершего головой

⁴ В полевом отчете не указано, какая именно кость.

на север связывают с монголоязычными кочевниками. Они составляют 39 % нашей выборки. Об этом может свидетельствовать малый процент погребений с костями лошади; случай обнаружения целого скелета животного зафиксировано только в двух погребениях группы. Географические границы памятников выпадают на территории Сарпинской низменности и Ергенинской возвышенности. Тут можно с уверенностью привести пример летних кочевков калмыков, находившихся в районе Ергенинской возвышенности (от калм. *эрге* — высота, круча) [Эрдниев 1985: 125].

В целом рассмотрение погребального обряда позволило прийти к первоначальному выводу. В исследуемый период середины XII–XIV вв., кочевая среда, на фоне нашествия и завоевания монголами территории волго-маньчских степей, представлена была тюркоязычными племенами, пришедшими и осевшими с монголами в середине XIII в. Автохтонное население с чертами классического половецкого погребального обряда или захоронений с похожим погребальным обрядом не превышает 30 %.

Картографирование памятников золотоордынского времени позволило выявить три основных района их скопления — Сарпинская низменность, Ергенинская возвышенность, северо-западная часть Прикаспийской низменности. Количество памятников в границах каждого из перечисленных геоландшафтных районов не одинаково. Наибольшая концентрация наблюдается на территории Ергенинской возвышенности — 36 комплексов (40 % от всей выборки). В Сарпинской низменности — 34 (41 %), на территории Прикаспийской низменности — 17 (21 %) (рис. 1).

Выявленное распределение памятников может быть обусловлено неравномерностью исследования всей изучаемой территории. Наиболее масштабные археологические раскопки Прикаспийской низменности проводились в зонах крупных строительных работ (КАРОС⁵, КВЧ, Чограй).

Накопленный за всю историю изучения археологический материал волго-маньчских степей в настоящее время находится на хранении в нескольких музеях: Национальный музей Республики

⁵ КАРОС — Калмыцко-Астраханская оросительная система.

Калмыкия (Элиста), Государственный исторический музей (Москва), Саратовский областной музей краеведения (Саратов). Антропологический и палеозоологический материал раскопок хранится в специализированном хранилище, созданном на базе Калмыцкого научного центра РАН.

*Таблица 1. Погребения периода Золотой Орды
в волго-маньчских степях*

№	Группа	Год	Количество погребений	Курган/ погребение	Автор раскопок
1	<i>Станция 8</i>	1929	1	2/1	Рыков П. С.
2	<i>Станция 5</i>	1929	1	1/1	Рыков П. С.
3	<i>Три Брата 1</i>	1963	1	14/1	Рыков П. С.
4	<i>Архара</i>	1962– 1963	9	8/1; 14/1; 15/1; 16/1; 23/1; 24/1; 25/1; 34/1; 35/1	Синицын И. В., Эрдниев У. Э.
5	<i>Лола 2</i>	1963	4	2/1; 3/1; 8/3; 11/1	Синицын И. В., Эрдниев У. Э.
6	<i>Элиста 3</i>	1965	4	18/1; 20/1; 22/1; 24/1	Синицын И. В., Эрдниев У. Э.
7	<i>Восточный Маныч 2</i>	1965	1	6/1	Синицын И. В., Эрдниев У. Э.
8	<i>Купцын Толга</i>	1974	2	12/1; 51/1	Шнайдштейн Е. В.
9	<i>Гува 1</i>	1975	1	3/1	Шнайдштейн Е. В.
10	<i>Гува 2</i>	1978	2	4/1; 5/1	Шнайдштейн Е. В.
11	<i>Гува 3</i>	1975	1	1/1	Шнайдштейн Е. В.
12	<i>Большой Царын 1</i>	1977	2	1/1; 4/2	Цуцкин Е. В.

13	<i>Большой Царын 1А</i>	1977	1	1/1	Цуцкин Е. В.
14	<i>Большой Царын 2</i>	1977	1	3/1	Цуцкин Е. В.
15	<i>Зергента 1</i>	1978	1	5/11	Савицкий М. Г.
16	<i>Зергента 2</i>	1978	3	1/1; 2/1; 3/1	Савицкий М. Г.
17	<i>Адрг</i>	1979	4	1/1; 9/1; 10/1; 11/1	Цуцкин Е. В.
18	<i>Хар Нуурин Толга</i>	1980	2	9/1; 19/1	Цуцкин Е. В.
19	<i>Джангар</i>	1980– 1981	2	1/1; 20/4	Цуцкин Е. В.
20	<i>Джангар 1</i>	1981	3	27/1; 29/1; 33/1	Цуцкин Е. В.
21	<i>Джангар</i>	1985	1	1/2	Николаева Н. А.
22	<i>Дюкер</i>	1982	1	13/1	Цуцкин Е. В.
23	<i>Дюкер-Барун</i>	1982	1	32/1	Васюткин С. М.
24	<i>Красный Партизан</i>	1982	1	1/1	Цуцкин Е. В.
25	<i>Улан Толга</i>	1985	1	10/1	Николаева Н. А., Сафронов В. А.
26	<i>Кермен Толга</i>	1979	1	1/1	Цуцкин Е. В.
27	<i>Кермен Толга 2</i>	1987	1	2/1	Гаврилина Л. М.
28	<i>Ики Зегиста</i>	1988	2	2/1; 7/1	Гаврилина Л. М.
29	<i>Яшкуль 1</i>	1986	2	2/1; 2/2	Лапа Н. Л.
30	<i>Яшкуль 3</i>	1987	1	11/2	Николаева Н. А.
31	<i>Цаган Усн 3</i>	1987	1	1/5	Арапов С. В.
32	<i>Цаган Усн 7</i>	1987	2	1/2; 2/3	Арапов С. В.
33	<i>КВЧ 27</i>	1987	1	2/1	Васюткин С.М., Кольцов П.М.
34	<i>КВЧ 42</i>	1988	4	1/2; 3/1; 4/1; 1/1	Васюткин С.М.
35	<i>КВЧ 37</i>	1988	1	1/1	Лапа Н. Л.
36	<i>КВЧ 53</i>	1988	1	2/1	Шишлина Н. И.
37	<i>Шаред</i>	1998	1	1/2	Кольцов П. М.
38	<i>Хар Зууха</i>	1991	3	3/1; 6/1; 10/1	Очир-Горяева М. А.

39	<i>Промзона</i>	1997	1	7/1	Очир-Горяева М. А.
40	<i>Малые Дербеты 1</i>	2007	11	1/1; 3/1; 4/1; 4/2; 5/1; 7/1; 8/1; 8/2; 10/1; 11/1; 11/2	Верещагин В. В.
41	<i>Малые Дербеты 2</i>	2007	3	1/2; 1/4; 1/5	Очир-Горяева М. А.
42	<i>Му Шарет – 1</i>	1998– 1999	1	4/1	Шишлина Н. А., Цуцкин Е. В., Фирсов К. Б.
43	<i>Черноземельский I</i>	1999	2	7/2; 4/2	Лопатин В. А.
Всего			90		

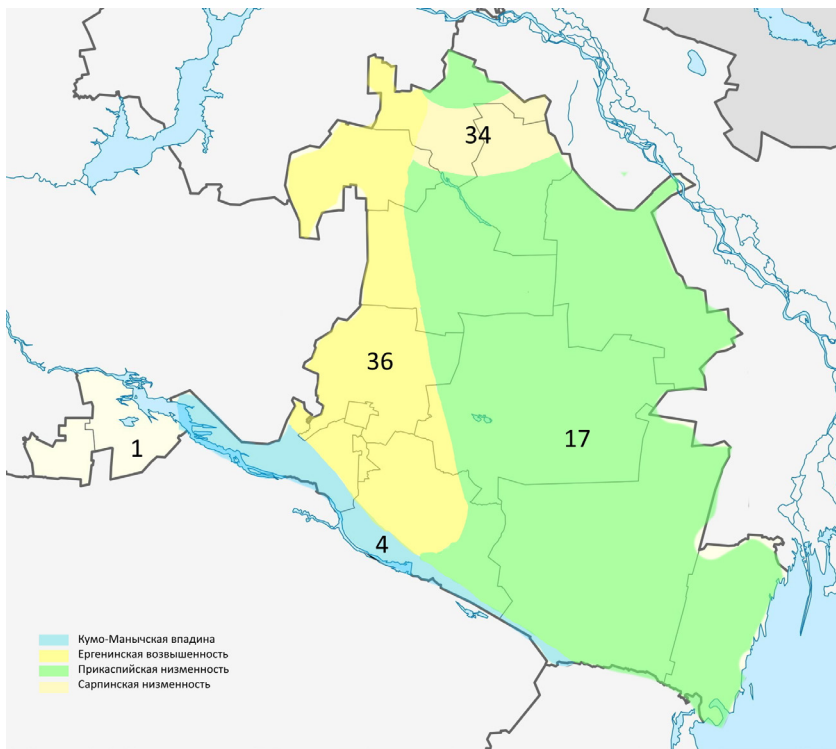

Рис. 1. Количественное распределение памятников золотоордынского времени по географическим зонам волго-маньчских степей

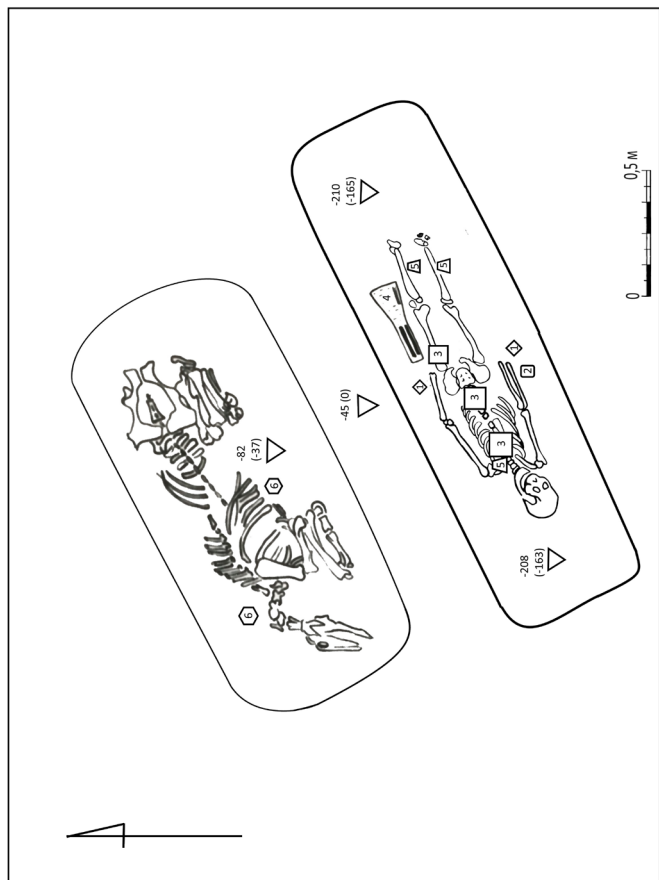

Рис. 2. Широко-ориентированная могильная яма. Дюкер, 1982.

Курган 32, погребение 1. Реконструкция. План

Условные обозначения: 1 — колпачки бронзовые; 2 — фрагменты кожи; 3 — бусины; 4 — донная часть красноглиняного сосуда; 5 — фрагмент сероглиняной керамики; 6 — окислы металлического предмета; 7 — кольцо пряжки; 8 — фрагмент дужки железного стремени; 9 — фрагмент бронзового предмета; 10 — зеркало.

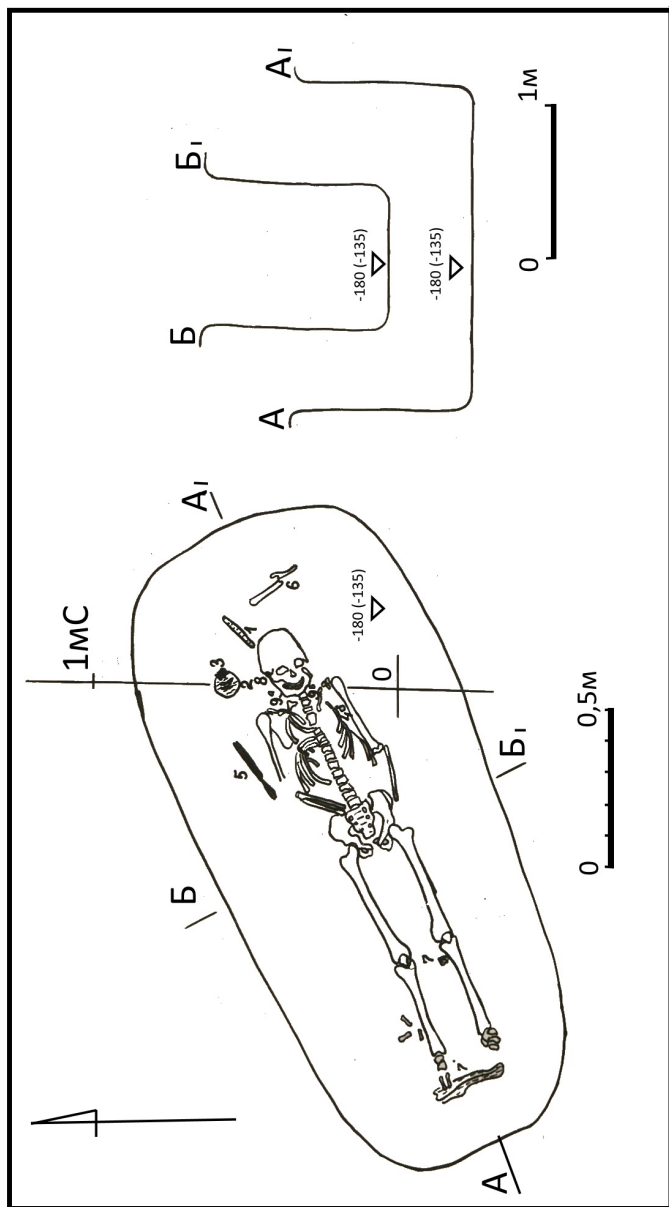

Рис. 3. Группа *Адрг*, 1979. Курган 10, погребение 1. Погребение с головным убором *боктаг*. План
 Условные обозначения: 1 — кости овцы; 2 — *боктаг* (фрагменты берестяной трубки); 3 — фрагменты шел-
 ковой ткани; 4 — фрагменты бронзового зеркала; 5 — лезвие ножа; 6, 7 — серьга бронзовая; 8 — крючок
 бронзовый

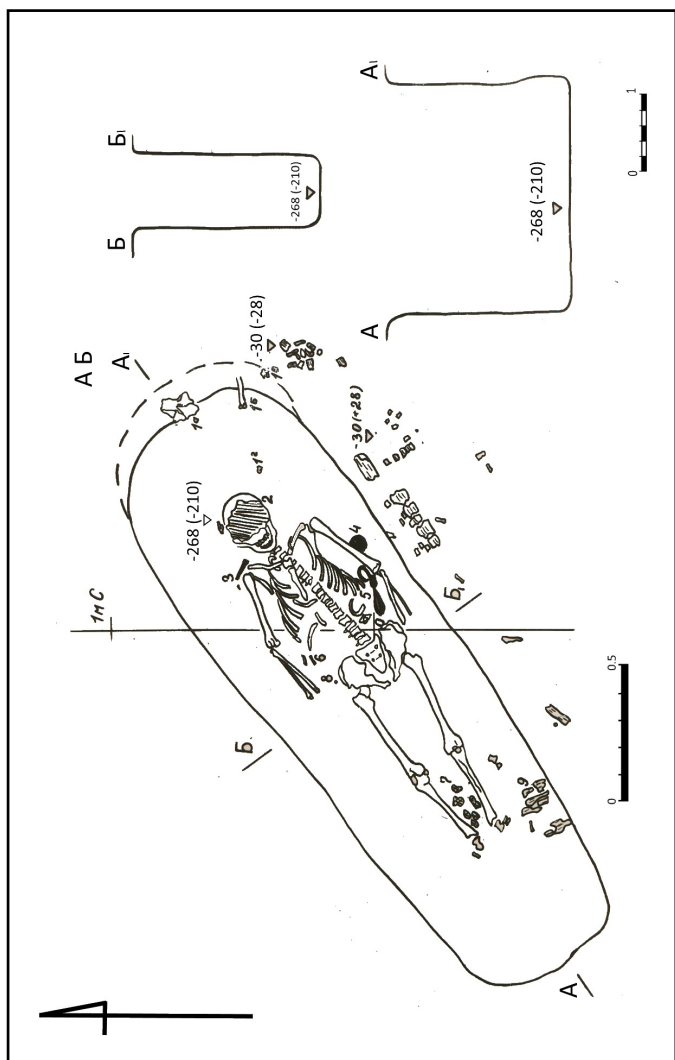

Рис. 4. Группа Адрг, 1979. Курган 11, погребение 1. Погребение с головным убором *боктаг*. План условные обозначения: 1 — кости овцы, череп; 2 — фрагменты головного убора (береста); 3 — лезвие ножа; 4 — зеркало бронзовое; 5 — ножницы кольчатые железные; 6 — пластинка бронзовая; 7 — остатки обуви (кожа); 8 — предмет костяной; 9 — втулка колеса

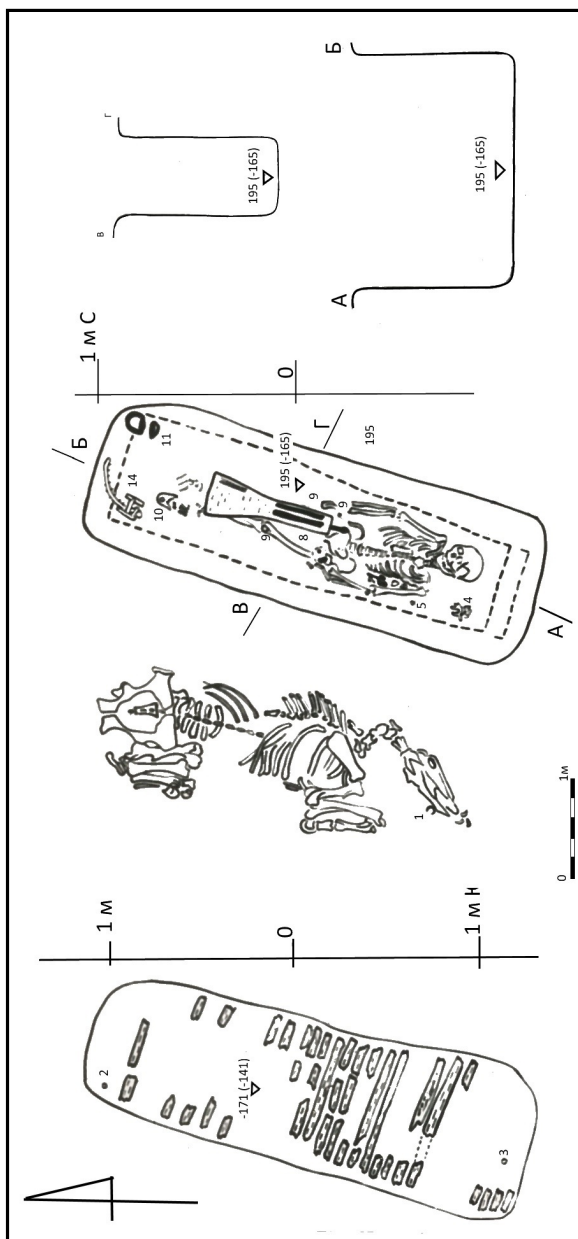

Рис. 5. Меридионально ориентированная могильная яма. Большой Царын 1, 1977. Курган 1, погребение 1.
План

Источники

- Очир-Горяева 1991 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника Хар-Зуха в Приютненском районе КАССР в 1991 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 68.
- Цуцкин 1977 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Калмыцкого государственного университета в 1977 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 8.
- Цуцкин 1979 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ и КГУ в 1979 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17.

Литература

- Артамонов 1935 — *Артамонов М. И.* Работы на строительстве Манычского канала // Отчет о работах. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. ИГАИМК. 1935. № 109. С. 201–212.
- Васюткин 1985 — *Васюткин С. М.* Погребения золотоордынского времени могильника *Джангар* // Древности Калмыкии / ИА АН СССР; КНИИФЭ; отв. за вып. Е. В. Цуцкин. Элиста: КНИИФЭ, 1985. С. 158–166.
- Васюткин 1995 — *Васюткин С. М.* Проблемы типологии и периодизации средневековых погребений Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: КГУ, 1995. С. 53–73.
- Васюткин, Кольцов 1995 — *Васюткин С. М., Кольцов П. М.* Средневековые погребения зоны Калмыцкого магистрального канала // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: КГУ, 1995. С. 107–161.
- Гаврилина, Надбитова 2006 — *Гаврилина Л. М., Надбитова Д. Д.* Золотоордынские погребения могильника *Ики Зегиста* // Вестник КИГИ РАН: [Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН]: сборник научных трудов. Вып. 20: С. 194–204.
- Доде 2008 — *Доде З. В.* К вопросу о боктаг // Российская археология. 2008. № 4. С. 52–63.
- Золотая Орда 2003 — Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М.: ЦИВОИ, 2003. 449 с.
- Иванов 2015 — *Иванов В. А.* Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 208 с.
- Мыськов 2015 — *Мыськов Е. П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпо-

- ху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгогр. филиала РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Очир-Горяева 2004 — *Очир-Горяева М. А.* Погребения кочевников из окрестностей города Элисты // *Материалы по археологии волго-маньчских степей.* Вып. 2. Волгоград. Изд-во Волгоградского государственного университета (ВолГУ). 2004. С. 251–264.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста, КалмНЦ РАН: 2017. 420 с.
- Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // *Труды КНИИЯЛИ, КРКМ.* № 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с.
- Федоров-Давыдов 1966 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 273 с.
- Шнайдштейн 1979 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганов в урочище Гува // *Археологические памятники Калмыцкой степи.* Элиста: КНИИИФЭ, 1979. С. 55–68.
- Эрдниев 1985 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

УДК 904

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-107-119

**Үндени сойлын чинртэ йиртмжин үзмж
(Байн-Һолын Һурвн тулһ гидг һазрын домгуд)
(= Природные объекты в этнокультурном
ландшафте: предания о местности Гурван тулга
в Баянголе)**

*Сажина*¹

¹ Институт литературы Нанкайского университета (д. 9, ул. Вэйцзинь, 300100 Тяньцзинь, КНР)

аспирант

ORCID: 0000-0001-5262-1122. E-mail: 1120160522@mail.nankai.edu.cn

© КалмНЦ РАН, 2021

© Сажина, 2021

Аннотация. Статья посвящена топонимическим преданиям и легендам ойратов Баянгол-Монгольского автономного уезда Синьцзяна (СУАР КНР). Работа выполнена на основе полевых материалов автора и некоторых литературных источников. Топонимические предания и легенды относятся к жанру устной несказочной прозы. Они представляют собой рассказы о географических объектах и природных памятниках той или иной местности. Основная особенность топонимических легенд и преданий состоит в том, что они достоверно объясняют характер, происхождение названия природных объектов. Зачастую они бывают связаны с именами исторических персонажей и приписываемых им деяний. Основное назначение их — сохранить память о важных событиях и деятелях истории. Доминирующей функцией легенд и преданий признается познавательная функция. Обращение к топонимическим преданиям и легендам ойратов Синьцзяна позволяет заглянуть в далекое прошлое, лучше изучить особенности жизни и быта ойратов. Они отражают многие стороны духовной и материальной жизни народа. В данной статье впервые рассматривается и анализируется локальное своеобразие сюжетов и мотивов

топонимических преданий и легенд баян-гольских ойратов, связанных с именем ойратского воина и полководца Галдамы. В научный оборот вводятся новые полевые материалы, которые являются свидетельством исторической памяти народа.

Ключевые слова: топоним, сакральные места, топонимические предания, Гурван тулга, Галдама

Для цитирования: Сажина. Үндсни сойлын чинртэ йиртмжин үзмж (Байн-Һолын Нурвн тулһ гидг һазрын домгуд) (= Природные объекты в этнокультурном ландшафте: предания о местности Гурван тулга в Баян-голе) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 107–119. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-107-119

UDC 904

Natural Objects in the Ethnocultural Landscape: Historical Legends of the Gurvan Tulga Area in Bayangol

*Sarina*¹

¹Nankai University, School of Literature (9, Weijin Rd., 300100 Tianjin, People's Republic of China)

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0001-5262-1122. E-mail: 1120160522@mail.nankai.edu.cn

© KalmSC RAS, 2021

© Sarina, 2021

Abstract. The article deals with toponymic stories and legends of the Oirat people inhabiting the Bayingolin Mongol Autonomous Prefecture of Xinjiang. The work is based on the author's field materials and some literary sources. Toponymic legends and tales belong to the genre of oral non-fictional prose. Those are stories about geographical objects and natural monuments of a particular area. The main feature of toponymic tales and legends is that they reliably explain the nature, origin or names of natural objects. They are often associated with the names of historical characters and deeds attributed to them.

Their main purpose is to preserve the memory of important events and figures in history. The dominant function of legends and fables is recognized as a cognitive one. Reference to the toponymic stories and legends of the Oirat people of Xinjiang makes it possible to peer into the distant past and better study the peculiarities of life and household activities of the Oirat people. The former reflect many aspects of spiritual and material life of the people. This article for the first time examines and analyzes the local originality of subjects, and motifs of toponymic tales and legends of the Bayangol Oirat, associated with the name of the Oirat warrior and commander Galdama. New field materials which are the witnesses of the historical memory of the people are introduced into scientific discourse.

Keywords: toponyms, toponymic legends, sacred places, Gurvn Tulga, Galdama

For citation: Sarina. Natural Objects in the Ethnocultural Landscape: Historical Legends of the Gurvan Tulga Area in Bayangol. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 2. Pp. 107–119. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-107-119

Оршл

Домг-үлгүр (миф), тууль, домг (предание, легенда) хурвн болхла амн урн үгин зокъялын хурвн төрл зүүл (жанр) болдг. Домг-үлгүрт йиртмж, күн, эмтн хамahas бүтсн тускар келгднэ. Тууль болхла байсхин төлэд зокасн үүдэвр болдг. Хэрнь домгнь өмн келсн хойрас ондан. Домг дотр жиңкн өңгрсн керг-үүлин туск келгднэ. Иим учрас домг тууж болн урн зокъялын хоорндк юмн болжана. Амнас амнд дамжад келгдэд ирсн амн тууж дотрас түүк болн урн-зокъял хольгдсн чинртэ урн бүтэлмүд оln бээдг. Яг иим бүтэлмүдин аһулһин дотрас келн-эмтнэ заң-бээдл, кезэңк сүзг-шүтлһн, эдл нег сойлта оln күн эмдржэсн һазр зүйн (топонимическ) бээдлг медж болна. Хамгин һолнь болхла, домг дотрас келн-эмтнэ ухан-тоолвр, эмдрж бээсн һазр-нутгин туужиг медж болна.

Нүүһэд эмдрдг улсин кезэңк туужин нэрн бээдлнь бичгдж темдглгдснь ховр. Теднэ туужин зэрмнь оln саамын дээнд, тоосн манрсн нүүдл дунд балрад уга болсмн. Өңгрсн бүкн зөвкн

ам дамжсан домгар үлдсэн бээнэ. Эн улмжлгдад ирсэн домгудин олцкнь йиртмжин бээдлин туск болна. Тиим домгудин аһулһас, олон күүнэ седкл татсан уул-уснла, чолун-хадла залһлдата туужиг темдглин бичж авч болна. Йиртмжин бээдлин туск домгуд нег сойлта улсин дунд «ниитин дурсмжиг» (историческая память) сергэж чадна. Йиртмжин бээдлин домгудт йиртмжэс үүссэн эс гиж күн кесн дүрсмжин тускар келгднэ. Үүнэс һаза туужин ямаран нег темдгтэ керг-үүлиг мөңкрүлсн. Иимэри йиртмжин бээдлин туск домгуд бээри һазрин олон күүнэ эмдрлд ик ач-холвгдлта (значение) болдг [Цзяньчжун 2006: 45–46]. Тиим йиртмжин туск домгудин дунд нег эдл седвтэ домгуд болхла — өөриин баатр Һалдман туск домгуд.

Өөриин Һалдма баатрин туск домгуд өөриин бээршдг һазрт ик келлгднэ. Эндр күртл Һалдмала холвата домгудт Шинжэңгин олон һазрин нерн, һазрин бээдл келгдсэн темдггдсэн бээнэ. Үлгүрлэд келхлэ, Сээрм нуур, Богд өргл, Көк-Усн, Харһа цэкур, Көңгсин «Һалдман аршан», Байн-Булгин Һурвн тулһ болн нань чигн. Эн дурдсан һазрмудын үзмжтэ бээдл болхла, бүгдөр күн кесн биш, йиртмжэс эврэн бүтсэн юмн болдг. Өөриин үй-үйин күмн баатрмудин туск домг келхин цацу бас эврэ эмдржэсэн һазрин ончта үзмж бээдл, эврэ тууж, эмдрлин бээдлиг келж үлдэсн. Бас ондан хэлэцэс хэлэхлэ, урд үйин өөрдүдин сүзг-шүтлһ болн ухан-седклиг мөдүлжэх домгуд.

Һурвн тулһин домг

Һалдма баатр (1635–1667) болхла XVII-гч зун жилд эмдржэсэн өөрд хошудын нойн Очрт-Цецн хаана Сүлмца хатнас (Цецн хаана 3-дгч хатн) һарсан хойрдгч көвүн мөн. Тер 32 нас наслсан болв чигн 17 настасаһан экли өөриин баатрмудыг дахулин ахлад дээсэн дарад өөриин нутган харсж йовсн [КИЛП 1969: 81–90]. Ижлин хальмгуд дунд Һалдма баатр яһад иим аһр наслсн гисн седвтэ нег домг бээнэ. Деед орна эзн Хормуста-хан нег уда үүл-кергтэн ядрад сун бээж үрглж. Тер нег агчм үрглсэн цагин үйдэн, Һалдма баатрин дүрэр күн болж һазр деер төрэд, аһр күчэри олон өөриин тусан күргсн [Бичеев 2005: 83].

Өөрдүд дундан дээлдж бээсн цагт Һалдма күчэн һарһад тедниг эвсүлэд ард-олна эмдрлиг амр-амулң болһсн һавъята күн. Тер болхла кезенэ эмдрж бээсн бодьта күн, өөрдүдин седкл дотр «амр-амулңгиг авч ирдг баатр». Он жилмүдин туршарт өөрдүд «амр-амулңгиг авч ирдг баатран» икэр санн мөрэдхин хажуһар бас амр-амулңта эмдрлд шин ухан-тоолврта болсмн. Тиимэс Һалдман дүр үзүлжэх оln зүүлин баатрлг домг зокагдж өөрдүдин дунд тарн делгрж.

Өдгэ цагин өөрднр Һалдмаг шулм-чөткриг дардг «амр-амулңгин сәкүсн», «ард олныг аврдг сәкүсн» гиж домглн үйэс үйд дамжулн келдг болсмн. Эн келгдэд ирсн домг, үлгрмүд болхла өөрд күмнэ сойлын үнтэ зөөр мөн. Теднэ дотрас өөрд сойлын бээдл, өөрднрин амр-амулңгиг күссн эрмшл болн Һалдма баатр нутг усан харсхд орулсн нөлөг медж болна.

Рис. 1. Байн-Булгин Һурвн тулһ

Кеерин бээцэлт шинжлһнэс хэлэхлэ, өөрдин баатрмуд дотр Халдмата эдл олин домг, үлгүртэ баатр бээхш. Шинжэнгин өөрдүд эмдржэсн һазрмудт олин-эмтнэ дуд болн заң-авьяс күртл Халдмала холвата зүүлс олин бээнэ. Үүнэс өөрд күмн Халдма баатриг ямр икэр күндлж хээрлдиг медж болна. Теднэ дотр йиртмжин бээдлин домгт өөрдүдин эмдрдг һазрин бээц, өөрд улсин ухан-медрл, улмжлта сойл аһулгджана. Үлгрлэд келхлэ, Көк-Усн гидг һазрла залһлдата домг. Угнь Көк-Уснд харһа ө-модн бээсмн. Халдма баатр маңһисиг дарад тэрнь умшхд тер харһа моднь чолун болж хүврсмн гиж келгднэ. Тер ө-модн дотр бээдг күкрин (сера) үнртэ уста нег һолыг эн домгт Халдма баатр кезэнэ дээртэ бууһан уһаснас тиим болсмн гиж келгддг болж.

Үүндэн тенд бээсн хад чолун болхла йиртмжэс эврэн урһсн ярданг бээцтэ һазр. Бас Көңгсин-аршана хажуд бээсн бөдүн чолуг домгт кезэнэ Халдма баатр хорта моһаг дархдан чавчсн чолун гиж келгджэнэ.

Көңгсин аршаниг «Халдман аршан» гинэ. Домгт кезэнэ Халдма баатр хорта моһаг дарад, шав авад тер аршанд ирж бийэн эмнүлсн гидг. Тиигэд эн аршана тускар өвчн гем эдгэдг һээхмжтэ күчтэ болсн гиж келгднэ. Эн мет Халдман туск домгуднь өөрд түмнэ Халдма баатриг санжасн седклиг илткэд, бас теднэ эмдржэсн һазр-усн, эк бээһэлд хээртэг илткнэ. Эннь цаарандан өөрд күмсин эрт цагт шүтж бээсн бө-мөргүлин «бүк юмнд эмн бээнэ» (анимизм) гисн үзлттэ бат залһлдата.

Йиртмжин бээдлин туск домг келн-улсин эмдрдг нутг-усна дүрслл, улмжлта сойл, шүтдг шажниг өдр дутмин эмдрлд орулдг. Иим учрас йиртмжин бээдлин туск домг болхла, тер һазрт эмдржэсн келн-улсин үндсн зүйтэ (этнология) холвата бээнэ гиж келхлэ буру болшго.

Дор Халдма баатрин Хэжин шияна (уезд) Һурвн тулһд үлдэсн ул-мөрэр үлгүр авч эн ашлвриг бэрмтлий.

Хэжин шияна Байн Булгин у-өргн теетг Һурвн тулһ гидг һазр бээнэ. Эн һазрт Һурвн бөдүн чолун тулһ мет хамдан бээдг. Кедржэн деернь хээс тэвхлэ кедү дүңгэ ик хээсн кергтэ болхнь медгдхш. Һурвн бөдүн чолуг хамаһас кезэ авчрсиг тенд бээдг малчнр чигн меджэхш.

Кеерин шинжлэлт кезэ Хурвн тулһас Һалдман туск нег домгиг эн өгүллин зокагч темдгив. Тер домгт иигж келгднэ: кезэнэ Һалдма болн түүнэ баатрмуд маңһсла дээллдж йовхларан эн һазрт ирсмн. Һалдма баатрмудтаһан энд ирхд, харһу ора болсн деернь ик гидгэр өлсч ундасч. Тер төлэд энд тулһ тэвж хот кезэ идэд хонсн гидг.

Һалдман туск талдан домгудт бас Һалдма маңһсиг дарж өөрдүдиг амр-амулң бээлһсмн гиж келгднэ. Иим нертэ, күчтэ олна зүркнд мөңкрсн баатр бээсн учрас, тер хурвн бөдүн чолун һээхмжтэ күчтэ болж тер нутгин малчнрин эрүн нандин шүтэн болж.

1985-гч жилин үвлэр, Байн-Булгин теегт олин өдр даралн ик цасн орж, зуд болад олин малмуд көлдэд үкж. Тер хаврар төл барг авгдсн угаһас малчнрт ик һару болсмн. «Һалдма баатрин керглсн хурвн чолуг көндэснэс болж теңг уурлж иим ик цасн зуд болв. Хурвн тулһиг тэх кергтэ», — гиж тер һазрин көгшдүд келж. Тиигэд тер һазрин ахлач олин күүнэ күслэр Һалдма баатрин керглсн хурвн чолуг сунһг торар күрэлэд, малч олинд һар күрч көндөж болшго гиж закж.

Тер жилэс эклин малчнр жил болһн эн хурвн чолуг тэkdг болсмн. Тэkdг йоснь һал тэклһнтэ эдлхн. Тавн өрк хамдан негдэд тэknэ. Тэkdг өдриг лам, гелнүд тогтаж өгнэ. Сүүлднь ардын дунд тер хурвн бөдүн чолун Һалдма баатрин керглж бээсн учрас һээхмжтэ күчтэ, хур-бора орулж, һазр-ус сэн болһж чадхас һаза, бас көл-һарин өвддиг зогсадг гиж нер туурч. Талдан һазрин күмс чигн хурвн тулһд ирж эврэ бийдэн болн элгн-садндан эрүл мендиг зальврдг болж.

Моңһл туурһнт эртнэс һазр усна сээниг дахж мал маллад ирсмн. XVII-гч зун жилд өөрдүд олин дээнд орсн учрасн тер цагт Хурвн тулһин туск домг үзг-бичгэр бичгдэд үлдсн уга, зөвкн амнас амнд дамжж улмжлгдэд ирж. Теегт эмдрдг келн-улсд авад келхлэ, теегт бээсн тер хурвн бөдүн чолун хот кедг тулһ болсар дүүршго, бас у-өргн тег деерк һазрин темдг, эс гиж сүүдрэрнь цаг меддг бээсн бээж гиж медгднэ. Өдгэ цагт тер хурвн чолунд мөн һазрин темдг, цаг заах темдг, баатр күүнэ домг шингсн дурсхл болснас даву бас эртнэ сүзг-шүтлһнэ герч болжана.

Рис. 2. Нурвн тулһд эрүл мендин төлө зальвржах кем

Нүүдлч улсмудын сойл болн Һалдма баатрин туск домг олдсн һазрмудас хэлэхлэ, домг гидг болхла Япона номт Янагита Кунио (1875–1962) келсэр «домг тууж болн урн-зокалыг холвадг тагт, сүзг-шүтэн болн ки бодлһна дунд оршна» [Янагита 1985: 60].

Йиртмэжин бээдл, дурсмэж болн кезэңк иткл

«Домгт нурһлж келгдх зүүл бээх бүгд эннь келвр болн домгин хойрдгч йилһэн» — гиж Янагита Кунио йиртмэжин бээдл, дурсмэж болн кезэңк иткл нурвна хэрлцэнэ туск келсмн [Янагита 1985:18]. Энд дурдгдсн «нурһлж келгдх зүүл» дотр дурсхлын зүүл яһв чигн бээнэ. Дурсхлын зүүлнь домгин уг-һарһлһн болн домгин үнн гидгиг медүлнэ. Нүднд үзгджэх бодьта эд күмсин дурсмэжиг сергэж, чееж дотрк дурсмэжнь кезэңк сүзг-шүтэнтэ залһлдата.

Нурвн тулһ болхла, Байн-булгин у тег деерк тод үзгдх һазр, тенд бээсн нурвн чолун кезэ хамаһас ирсн, ямран керг-үүл хажуднь

болад өңгрүлсн медгдшго. Зуг тер бээрн һазрин малчнр һурвн бөдүн чолуг Һалдма баатрла холвж һээхмжтәһәр домглад келсәр ирж. Зуг 1985-гч жилд болсн теңгрин зудын шалтгнь һурвн чолуг көдлгсн гиж оln күн бодж, эн чолуна һээхмжтә күчтә гисн ки бодлһнла ниичж. Эннь дару домгнь «иткл болн ки бодлһна дунд бээдг» гисиг батлжана.

Теетг мал маллдг күмс үвл, зун, хавр, намрт тус тустан белчәр нутгта, теңгрин бээдл теднә бөрдг малмудт авад келхлә, ик чинртә. Иигэд нааран-цааран нүүдгәс болж нүүдлчдин тууж түүк бичгдәд үлдсн уга. «Цаг, жил тоолдг арһ уга өнчн арл деерк захсч, уул дотрк аңһучд авад келхлә ‘кезәнә цаг’ яг ‘өцклдүр’ өдрлә әдл өөрхн, тиим ик зөрә сөрү уга гиж медгддг, нег амн үгәр келхлә, күнә тууж чееждг медрл болн практикас болж домг улмжлгдн тарж эклж» [Янагита 1985: 62].

Үүнәс хәләхлә, аңх түрүн домгин тархлтд домг келлгч күүнәс ур-чадвр шаардхас даву бас туужин үнниг шаардна. Һалдама баатр болн һурвн тулһин хоорндк хәрлцәнәс келхлә, домгнь тууж болн урн-зокьялын дундк тагт гидгнь ил үзүлжәхнь мөн. Тер домгнь болхла кезәңк иткл, бас тер иткл цаарнднә яһж сольгдсиг медүлжәхнь лавта.

Һурвн тулһиг тәкдг йоснь һал тәкдг йоснла әдл. Һал тәкдгнь бө-мөргүлин йосн. Бө-мөргүлд «һал» болхла әмн-насиг белглинә. Һал тәххнь һалын сәкүсиг, эцк теңгр, эк һазриг тәкжәх үзгдл. Эннь әмн насна үрглжл болн әрүн цевриг медүлжәх гүн ухата. Эртнәс өдгә цаг күртл өөрдүд һалан тәксәр ирсмн. Һурвн тулһдк малчнр жил болһн һал тәкдгнь — өөрдүд бәәһәлин зуд учрхла, эцк теңгр, эк һазран тәкж өршәл авч, һалын сәкүсн бузр болһниг әрүтһ болтха гисн күсл болжана. Эннь негдгч.

Хойрдгчнь болхла, Һурвн тулһиг тәххнь бө мөргүлин йоснла әдл болв чигн, кезә тәхх, ямр ном умшхиг шарин шажна лам-геңгәнр зааж өдг. Иим учрас тенд бө мөргүл болн шарин шажна хойр йосн улмжлгдәд ирж. XVII-гч зун жилмүдт өөрдүд оларн шажнан сольсн бээдлиг эн домг дотрас медж болна.

XVII-гч жилмүдәс хооран, 1985-гч жилд чигн, әндр чигн Һурвн тулһиг жил болһн тәкнә. Эннь баатр күүг дурслхин хамт өөрдин

кэзэңк иткл, заң-заңшлыг улмжлжана. Иигжэснь баатр күүнэ ухан-седклиг улмжлжад зогсшго хур ус күссн, амр-амулң күссн седклэн илткжэнэ. Заң-үүлин йоснь тер заң-үүлиг кедг күмсин седкл санана талар күчн чидл өгдг [Мерфи 2009: 234].

Кезэңк тулһин чолуд домг үлгүр болж, цаарандан иткл сүзгиг илркэлх бодьта эд болж. Эннь чолун тедү уга, домг үүсч, домг дотр «үзмж бээдл», «тууж болн дурсмж», «иткл болн йосн» бүр ниилэд орсн бээнэ.

Үүнэс хэлэхлэ, домгнь «тууж болн урн-зокъялын тагт» болхас даву бас „үзмж-бээдл“, „дурсмж“, „кезэңк иткл“-иг холвадг тагт, домг дотр бас „домг келгч күн болн сонсгч күүнэ медрл улмжлгджана“ [Фоули 2000: 30]. Онданар келхлэ, үзмж болн тэклһн хамтдан бээвл номт Ф. Боасин келсн онлта (теория) таарна. Тер онлнь юмб гихлэ, «ардын заң-үүлнь сойлын толь, заң-үүлнь дару тер келн-улсин эврэ үндсн зүй. Заң-үүлнь кедүһэр өңгрч одсн цаг мөчиг тээлх түлкүр болвчн бас өдгэ цагиг тээлх түлкүр болдгнь мөн» [Дандес 2005: 40].

Хамтар керглдг кел болн келн-улсин чинр

Домгнь «тууж болн урн-зокъялын дунд, иткл болн ки бодлһна дунд» бээдг шинжнь китдин Ик цаһан дерсэс (Великая китайская стена) ар үзгт эмдрж ирсн нүүдлчн келн-улсин амн үгин зокъялд үлү медгднэ. Китдин Ик цаһан дерсэс ар үзгт эмдрж ирсн нүүдлчн келн-улсин тууль, домг, оln эмтнэ дуд, йөрэл, магтал, хүрмин йосн, оршалһна йосн, тэклин йосн дотр оln эмтнэ ухан-седкл, иткл-сүзг илткгднэ. Эннь нег келн улсин хоорндк йовлцанд эдл күсл-эрмлзлиг илткж, ут удан жилд улмжлгдх сүүриг тэвж, келн болн оюн санана хүвд элгн садна хэрлцэг үүскнэ.

Хамтар керглдг келнь сойлын улмжлл болн тер сойлын күрэ дотрк оln гешүнэ йовлцанас үүснэ. Тер оln гешүнэ хоорндан нег-негэн күлэн таньхд сойлын үр кергтэ. Хамтан керглдг келн болн нег сойлын күрэ дотрк оln гешүн хоорндан нег-негэн күлэн таньхд, домгин улмжлл ик тус болна.

Домг болн күн эмтнэ хоорнд бөкшго седкл үүсдг учрас һалдман туск домгнь домг келгч, домг соңсач эс гиж оln тоона өөрдүдиг

залхлдулжана. Һурвн тулһар үлгүрлэд келхлэ, домгнь зөвкн нэргэн ценгэнэ юмн биш, орн-нутгиг нерлх, тэклһнэ йос кех гих метэр шуд оln түмнэ өдр болһна эмдрлд оржана. Иигэд нег келн-улсин хоорндк хэрлцэг батлж бас тедниг хоорнднь өөрдүлж, хажуһарнь бас өөрдүдин амр амулң эмдрлиг эркмдг, эк бээһэлэн хээрлдг, мал эмтиг хээрлдг улмжлта сойлын ухан тоолвриг илткжэнэ.

Номт Чэнь Юнчао: «Күүнэ туск домг, керг үүлин туск домг, йиртмжин бээдлин туск домг болвчн — бүр цуһар йиртмжин бээдлин туск домг болжана. Эдгэр домгуд цуһар соңсач оlnа өдр дутмын эмдрл дотрк ‘бодьта бодьс’ деер үндслж келгддмн. Тиигэд күмсин бийэн гисн ухамсриг сергэж, домг келгч, домг соңсач болн тенд бээдг уга оln күмс чигн залһлдата болж улмжллын туск таньлтиг төрүлнэ» [Юнчао 2013: 94–103].

Тиимэс күмс домгиг үйэс үйд келхнь эврәннь үндстнэ улмжлта сойл, үндстнэ туск ухамсриг өдр дутмин бодьс дотр багтан орулжах үзгдл. Тер бодьта бодьснь мөн эн Һурвн тулһ кевтэ оln эмтнэ иткл сүзг болдмн.

«Домгт иткх аль угай гидгнь домг келжэсн күүнэ ниигмин гомогенностас шилтэнэ. Домгт иткх эс иткхиг судлхд хамгин ик асудлнь болхла, күмсин соньн-акад бээдлиг яһж цээлһжэнэ, тер цээлһврт яһж ханджана гисн овр (подход). Өдгэ цагин күмс яһад соньн акад бээдлиг иткжэнэ, яһад тер соньн акад бээдлэс болад домгиг хайсн уга гидгиг япон эрдмт Янагито Кунио келхдэн, «күмс эрт урдк цагнь яг өдгэ цагла эдл биш соньн акад цаг үй бээсн мөн гидгт иткнэ, тиимэс күмс домгт иткнэ» [Цзоу 2003: 89–93].

Һалдман туск домгиг иткх тал деер 1985-гч жилд болсн шуурһн зуд чухл нөлэ үзүлсн. Шинжлх ухан, техник өсч көгжж бээһэ болв чигн теегт бээдг күмс Һурвн тулһ чолунас эәһэд эмэж бээнэ. Үүнд Бурхна шажн болн бө-мөргүлин нөлэн оршна. Бас оln өөрдүд хоорндан сойлан улмжлж, хамтдан негн иткл сүзгтэ учрас, домгнь үйэс үйд улмжлгдн ирснн.

Ашлөр

Йиртмжин бээдлин туск домг дотр «йиртмжин үзмж-бээдлнь» «герч» болад зөгшго бас нег келн-улсин этнограф, иим амн тууж улмжлгдх йовцдан күмсин эмдрдг һазриг цээлһн келж, туужин

зэнгиг хадхлж бээхин зергцэ нег келн-улсин улмжлиг тогтажана. Домг кедү удан цаг өнгрсн болв чигн, үйэс үйд дамжн седклд багтшго хээхмэр чигн күмс домгт келгджэх күн болн келгджэх хол үүл-керг үнн бээсн гиж иткнэ. Эдл сойлта олн күмсин зүркнд теднэ домгт келгджэх тер өнгрж одсн туужин баатр болн үүл-кергнь өцклдүр болсн мет үнн. Иимэс йиртмжин бодьт бодьснь өнгрсниг улмжлн дамжулж бас өдгэ цагин бээдлиг үзүлн, иргч цагин сойлыг угтад медх маһд.

Олзгдсн ном

- Бичеев 2005 — *Бичеев Б. А.* Дети Неба — Синие Волки. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков. Элиста: КалмГУ, 2005. 200 с.
- Дандес 2005 — 【美】阿兰·邓迪斯著, 户晓辉编译: 民俗解析 [M], 桂林: 广西师范大学出版社, 2005 年1月第1版 (= Дандес А. Фольклорный анализ / пер. Ху Сяохуй. Гуйлинь: Изд-во Гуансинского пед. ун-та, 2005. 299 с.). (На кит. яз.)
- КИЛП 1969 — Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А. В. Бадмаев. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. 203 с.
- Мерфи 2009 — 【美】罗伯特·F·墨菲著, 王卓君译: 文化与社会人类学引论 [M], 北京: 商务印书馆, 2009年7月第1版 (= Мерфи Ф. Р. Введение в культурную и социальную антропологию / пер. Ван Чжуочжунь. Пекин: Коммерческая пресса, 2009. 318 с.). (На кит. яз.)
- Фоули 2000 — 【美】约翰·迈尔斯·弗里著, 朝戈金译: 口头诗学: 帕里-洛德理论 [M], 北京: 社会科学文献出版社, 2000年8月第1版 (= Фоули Д. М. Поэтика фольклора. Теория Пэри-Лорда. Пер. Чао Геджин. Пекин: Изд-во социальной литературы, 2000. 376 с.). (На кит. яз.)
- Цзяньчжун — 2006 万建中: 非物质文化遗产与物质的关系——以民间传说为例 [N], 《北京师范大学学报》, 2006年06期 (= Цзяньчжун Вэн. Взаимосвязь между нематериальным и материальным культурным наследием (на примере фольклора) // Журнал Пекинского педагогического университета. 2006, № 6. С. 45–49). (На кит. яз.)
- Цзоу 2003 — 邹明华: 传说学的知识谱系: 解读柳田国男的<传说论> [J], 《民族文学研究》2003年第4期. (= Цзоу Минхуа. Генеалогия знания в мифологии: Интерпретация «Теории легенды» Кунио Янагиты) // Исследование этнической литературы. 2003. № 4. С. 89–93.

- Юнчао 2013 — 陈泳超：作为地方话语的民间传说 [N]， 《北京大学学报（哲学社会科学版）》， 2013年04期 (= Юнчао Чэнь: Фольклор как местный дискурс // Журнал Пекинского государственного университета. Сер. Философия и социальные науки. 2013. № 4. С. 94–103. (На кит. яз.)
- Янагита 1985 — 柳田国男著， 连湘译， 紫晨校：传说论 [M]， 中国民间文艺出版社， 1985年12月第1版 (= Янагита К. Теория легенды / пер. Сян Лянь, редактор Цзычэнь. Пекин: Изд-во фольклора Китая, 1985. 176 с.). (На кит. яз.)

УДК 316.4

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143

Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье

*Органа Доржуевна Натсак*¹

¹ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат философских наук

ORCID: 0000-0003-1833-4810. E-mail: nod695596@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Натсак О. Д., 2021

Аннотация. В статье представлен анализ специфики гендерных асимметрий в тувинской семье в контексте российских социологических исследований семьи. На основе изучения гендерных аспектов социодемографического развития региона выделены современные тренды в трансформации гендерных отношений в семье под влиянием экономических факторов, прежде всего рынка труда и занятости. Представлен гендерный анализ возможных рисков, связанных с понижением роли и статуса мужчины в семье и обществе.

Ключевые слова: российские исследования семьи, тувинская семья, гендерные роли, гендерная асимметрия, модели семьи, занятость, социальный статус, уровень образования, доход

Для цитирования: Натсак О. Д. Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 120–143. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143

UDC 316.4

Gender Asymmetries of Modern Tuvan Family Revisited

*Organa D. Natsak*¹

¹ Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research
(4, Kochetov St., Kyzyl 667000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Scientific Secretary
ORCID: 0000-0003-1833-4810. E-mail: nod695596@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Natsak O. D., 2021

Abstract. *Goals.* The article attempts an analysis of gender asymmetries in Tuvan family in the context of Russian sociological studies of the family. *Results.* The study of gender aspects inherent to the sociodemographic development of the region identifies the current family gender-related transformation trends resulting from economic factors, primarily that of labor market and employment. The article presents a gender analysis of possible risks associated with the reduced role and status of man in the family.

Keywords: Russian family studies, Tuvan family, gender roles, gender asymmetry, family models, employment, social status, education level, income

For citation: Natsak O. D. Gender Asymmetries of Modern Tuvan Family Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 2. Pp. 120–143. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143

Введение

В глобальном мире институт семьи претерпевает серьезные изменения. Трансформация статусно-ролевых позиций мужчин и женщин в семье и обществе достаточно активно исследуется в рамках социологии семьи, социологии женщин и экономики семьи. За последние три десятилетия в отечественной науке появилось достаточно много работ по социологии семьи, гендерной социологии, экономике семьи. Комплексные представления о направлениях современных российских социологических исследований семьи дают работы В. В. Солодникова, Т. А. Гурко [[Солодников 2018](#); [Гурко 2018](#)].

Если резюмировать современные исследования, которые использованы в качестве теоретико-методологической основы на-

стоящей статьи, можно вывести несколько концептуальных подходов:

- институциональные изменения семьи ведут к таким кризисным явлениям, как малодетность, высокие показатели разводимости, разобщенность поколений. Это так называемая кризисная концепция семьи, которой придерживаются А. В. Синельников и ряд других авторов [[Синельников 2015](#); [Левая 2014](#)];
- семья как институт претерпевает не кризис, а трансформацию, разнонаправленные изменения, проявляющиеся в росте традиционализма, с одной стороны, и модернизации — с другой. Трансформируются гендерные отношения и роли в семье [[Мирошниченко 2007](#); [Галкина 2015](#); [Доброхлеб, Баллаева 2018](#); [Иванова, Устинова 2016](#); [Кабайкина, Сушенко 2017](#); [Задворнова 2011](#)];
- несмотря на усиливающиеся эгалитарные тенденции в российской семье, все же нагрузка на работающей женщине в домашнем труде из-за «двойной занятости» и даже «тройной занятости» остается высокой [[Барсукова, Радаев 2000](#); [Задворнова, 2014](#)].

Необходимо упомянуть также о региональных исследованиях по проблемам семьи и брака, которые, безусловно, показывают этнорегиональное разнообразие, мультикультуральность, вариативность социальных практик в современной России [[Казенин, Козлов, Митрофанова 2020](#); [Галиева 2010](#); [Михайлова, Попова, Мигалкина 2020](#)].

В Республике Тыва не так много было исследований по социологии семьи — гендерная социология, социология семьи как актуальные исследовательские направления находятся на начальном этапе своего развития в регионе. Попытки социологического анализа гендерных вопросов были предприняты лишь в работах Ч. М.-Х. Тензин [[Тензин 2018](#); [Тензин 2012](#)].

Гендерный профиль регионального рынка труда, гендерные асимметрии в уровне доходов, социальном статусе и социальной мобильности, их причины, дифференцированный вклад супругов

в экономику семьи, статусно-ролевое распределение в современной тувинской семье — эти вопросы остаются пока вне исследовательского внимания и требуют комплексного изучения на основе накопленного в зарубежной и отечественной социологической науке теоретико-методологической базы и инструментария.

Рассмотрение этих вопросов в Республике Тыва важно не только из-за необходимости фиксации, анализа тех процессов, которые происходят в регионе с национально-этническими особенностями, но и практической неизученностью социогендерных процессов, отсутствием исследований по поколенческим различиям социальных статусов в тувинских семьях.

Социологические исследования семьи, проведенные в Туве, также малочисленны. Предметным полем этих исследований являются семейно-брачные отношения, брачное поведение, ценностные ориентации современных тувинских семей [Карашпай и др. 2018].

Комплексные социологические исследования в Туве, которые фиксировали интенсивность социальных процессов в целом, включая социальную мобильность мужчин и женщин, представленность коренного населения в разных социально-профессиональных группах, как когнитариат, специалисты, рабочие, проводились в конце 1970-х гг. [Очерки 1983].

После длительного перерыва в постсоветский период первым масштабным исследованием экономики домохозяйств и причин бедности в Туве была работа группы социологов Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (далее — ФНИСЦ РАН) под руководством З. Т. Голенковой [Особенности социальной стратификации 2019], в ходе которой были собраны весьма ценные данные по социально-демографическим характеристикам мужчин и женщин в брачных парах.

Целью данной статьи является изучение соотношения характеристик мужей и жен в тувинской семье по показателям занятости, по уровню образования, профессиональному статусу и уровню доходов в контексте аналогичных характеристик российских семей.

Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи: проанализировать сравнительные статистические социально-демографические показатели Республики Тыва и Российской Федерации; провести вторичный анализ имеющихся массивов данных в целом по России и Республике Тыва, выстроить типологизацию семей по показателям занятости, по уровню образования, профессиональному статусу и уровню доходов, определить социокультурные, этнические и экономические факторы, которые влияют на современные характеристики мужей и жен в тувинской семье.

Объектом анализа выступают брачные пары в Республике Тыва. Эмпирическую базу исследования составили массивы данных двух исследований: Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (далее — РМЭЗ НИУ ВШЭ), проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (далее — НИУ ВШЭ) и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН 2018 г. [[РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018a](#)],¹ и исследования социальной стратификации в Республике Тыва, проведенного в 2019 г. ФНИСЦ РАН [[Особенности социальной стратификации 2019](#)]. Из указанных двух массивов были отобраны характеристики брачных пар.

РМЭЗ НИУ ВШЭ представляет собой лонгитюдное обследование домохозяйств, состоящее из серии ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов в этой области. Автором были использованы данные 27-й волны исследования (2018 г.) с точки зрения соотношения характеристик мужей и жен в брачных парах (семье) по четырем параметрам: занятости, уровню образования, профессиональному статусу, уровню дохода. Всего в рамках 27-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ было опрошено

¹ Данные обследования [[РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018b](#)].

12 161 респондентов, из них взрослых — 10 312 чел., состоящих в браке — 4 996 чел, семей — 2 343. Из этих данных были отобраны лишь брачные пары. Таким образом, объектом вторичного анализа выступили 2 343 семей из данного мониторинга.

Для сравнения по вышеуказанным параметрам тувинских семей с российскими семьями были привлечены данные исследования социальной стратификации в Республике Тыва 2019 г., в котором была использована модель многоступенчатой стратифицированной выборки на основе статистических данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва по численности постоянного населения на 1 января 2019 г. и в среднем за 2018 г. по городским округам и муниципальным районам Республики Тыва и распределению численности населения Республики Тыва по полу и возрасту на начало 2019 г. Были получены сведения о 1 243 домохозяйствах, а общее число членов домохозяйств равнялось 4 889 (включая несовершеннолетних детей). Сведения были получены путем формализованного интервью по опроснику, состоящему из 5 блоков вопросов о домохозяйстве, доходах домохозяйства, расходах домохозяйства, материальном положении домохозяйства и социальной поддержке [Горина 2019: 18–28]. Для вторичного анализа из этих данных автором были отобраны сведения о 916 брачных парах.

Выбор этих массивов данных обусловлен тем, что, во-первых, они репрезентативны по своим генеральным совокупностям, выборки большие, во-вторых, опрошены семьи, в которых получены данные и по мужу и по жене. Не претендуя на абсолютную точность и признавая, что подвыборки не гомогенны для сравнения, автором использованы данные двух массивов для определения общего и особенного в характеристиках мужей и жен в тувинских и российских семьях по таким показателям, как занятость, уровень образования, профессиональный статус и доход.

Занятость

Анализ общемировых тенденций с точки зрения влияния брака на доли мужчин или женщин на рынке труда показывает, что в

мире брак обычно увеличивает долю мужчин среди занятого населения и имеет обратный эффект для женщин [[Прогресс женщин 2019: 17](#)].

В российской социологической литературе достаточно широко распространены утверждения социологов о том, что сложившаяся еще в советский период горизонтальная и вертикальная гендерная сегрегация рынка труда сохраняется и сейчас, несмотря на то, что женщины более образованы, они сталкиваются с феноменом «стеклянного потолка» в своем карьерном продвижении как в структурах власти, так и в корпоративном мире и ущемлены в уровне оплаты труда по сравнению с мужчинами, имеющими аналогичный уровень квалификации и опыта [[Тюрина 2002](#); [Ефимова 2013](#); [Роцин, Солнцев 2006](#); [Шепелева 2016](#); [Гуриева, Белова 2019](#)].

Речь идет об устойчивых гендерных асимметриях в сфере профессиональной занятости в пользу мужчин, которые подтверждаются также данными официальной статистики. Однако ситуация может постепенно меняться, а в отдельных регионах — быть противоположной устоявшемуся тренду. В Республике Тыва гендерная асимметрия рынка труда имеет преимущественно женский профиль.

Анализ массива данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ 2018 г. по 969 брачным парам показывает, что в 41,3 % семей работают оба супруга, работает только мужчина в 20,9 %, только женщина — в 9,6 %, и оба не работают в 28,3 % семей. Анализ массива данных, собранных группой исследователей из ФНИСЦ РАН в 2020 г. в Республике Тыва, продемонстрировал практически идентичный процент семей, в которых оба супруга работают, — 41,8 %; процент тувинских семей, в которых оба супруга не работают, ниже, чем таковые по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, — 18,9 % против 28,4 %.

С точки зрения интересующего нас вопроса гендерных асимметрий мы видим существенные отклонения регионального значения показателя в части работающих женщин, которые являются единственными приносящими гарантированный доход от постоянной работы членами супружеских пар — в 26,3 % обследован-

ных тувинских семьях работает только женщина, что более чем в два раза превышает аналогичный показатель по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ. В 13,0 % семей работает только мужчина, что ниже российского показателя на 7 процентных пункта.

Статистика показывает следующий расклад. Уровень занятости по полу в республике за 2019 г. показывает разницу в 2,7 % между мужчинами (46,0 %) и женщинами (48,7 %), однако величина разрыва между безработными мужчинами и женщинами выше, чем величина гендерного разрыва среди занятых. Состав безработных по полу в Туве распределяется следующим образом: мужчин — 61,5 %, женщин — 38,5 %. Такая тенденция, когда в составе безработных больше мужчин, чем женщин, характерна в целом для России: в 2019 г. среди безработных было 53,3 % мужчин и 46,7 % женщин, в Сибирском федеральном округе (далее — СибФО) — 52,5 % мужчин, 47,5 % женщин. Разница лишь в величине разрыва. При этом среди регионов СибФО наибольшая разница между мужчинами и женщинами в составе безработных наблюдается не в Республике Тыва, а в Томской области [[Регионы России 2020](#)]. Ситуация, при которой мужская безработица превышает женскую, может свидетельствовать о преобладании в структуре региональной экономики таких феминизированных страт, как социальная бюджетная сфера.

В 26 % обследованных ФНИСЦ РАН семей в Туве, в которых работает лишь женщина, мужчины могут иметь деформированный трудовой статус, будучи занятыми в неформальном секторе.

Следует указать на то, мужская безработица — это достаточно длительно продолжающиеся последствия разрушения региональной экономики, начавшиеся в 90-е гг. XX в. В период постсоветских социально-экономических трансформаций адаптационные способности женщин оказались выше, чем у мужчин, и условий для адаптации было больше в сети социальных учреждений, в которых были заняты женщины, чем в индустриальном секторе, в сфере строительства и сельском хозяйстве, где преимущественно были заняты мужчины. И сегодня ситуация не изменилась кардинально. Распределение среднегодовой численности в про-

центах от общей численности занятых по видам экономической деятельности в Республике Тыва по данным Росстата за 2019 г. показывает, что наибольшее количество занятых сосредоточено в нематериальных секторах экономики, таких как образование (23 %), здравоохранение и социальные услуги (12,1 %), в которых преимущественно трудятся женщины, и гораздо меньше в «мужских» отраслях (сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство — 7,2 %, строительство — 4,1 %, обрабатывающее производство — 3,4 %) [Регионы России 2020: 168–169]. Такое распределение объясняется также меньшей долей частного бизнеса в структуре экономики.

Для понимания изменения экономической активности мужчин обратимся к количеству работающих в некоторых отраслях экономики, таких как строительство, промышленность, сельское и лесное хозяйство, в разные этапы развития Тувы.

Таблица 1. Численность занятого населения по отраслям экономики (тысяч человек)

№	Отрасль экономики	1945	1950	1960	1970	1980	1990	2000
1	Строительство	0,2	1,0	5,7	10,2	13,1	18,6	4,1
2	Промышленность	0,9	2,7	4,8	12,8	16,8	16,5	8,5
3	Сельское хозяйство, лесное хозяйство	1,0	2,3	5,9	27,8	30,4	28,7	16,8

Источник: таблица приведена на основе данных из: [Юбилейный статсборник 2014: 24].

Пиковые значения по количеству занятых в данных отраслях наблюдались в 1980 г., в строительстве — к 1990 г., затем идет резкий спад. Полагаем, что именно в период между 1990 и 2000 гг. были массовые потери «мужских» рабочих мест. Показатели занятости в целом и мужской занятости в частности, достигнутые в 1980-е гг. в силу особенностей советской экономики, вряд ли будут вновь достигнуты на современном этапе. Несмотря на снижение количества безработных в республике за последние годы (2017 — 23,1; 2018 — 18,8; 2019 — 14,4), показатели напряженно-

сти на региональном рынке труда сохраняются, и 61,5 % безработных составляют мужчины, 38,5 % — женщины [[Регионы России 2020: 195](#)].

В таких регионах, как Республика Тыва, где безработица преимущественно имеет «мужское лицо», нужны специальные программы поддержки экономической активности мужчин-отцов. Такие программы необходимы для укрепления экономической роли мужчин в семье, авторитета мужа и отца, позитивной жизненной стратегии у мужчин в семье и обществе.

Уровень образования

Уровень образования детерминирует степень включенности индивида в разные сферы жизни общества и его социально-экономический потенциал. От него зависит во многом и социальный статус, мобильность конкретного человека, его роль в обществе и семье.

Вторичный анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г. и исследования ФНИСЦ РАН 2019 г., зафиксировавших образовательный уровень супругов в российских семьях и в тувинских брачных парах, позволяет типологизировать супружеские пары следующим образом: 1) семья, в которой уровень образования выше у мужа; 2) семья, в которой уровень образования выше у жены; 3) семья, в которой у супругов равный уровень образования. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г. в первый тип семей вошло 17,4 % семей, во второй — 36,0 %, в третий — 46,6 %. Асимметричных семей больше — 54,4 %, внутри таких брачных пар наблюдается преобладающая частота более высокого уровня образования у женщин, чем у их супругов.

Анализ данных исследования ФНИСЦ РАН в Республике Тыва показывает примерно такую, но все же отличительную картину: в асимметричных тувинских семьях процент мужчин, чей образовательный уровень превышает уровень женщин, гораздо меньше (9,2 %), чем в семьях, вошедших в РМЭЗ НИУ ВШЭ (17,4 %). Практически одинаковая доля семей как по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, так и по данным исследования ФНИСЦ РАН, в которых по уровню образования лидируют женщины, — 36,0 % и 36,6 % соответственно.

Выявленные факты лидирования тувинских женщин по уровню образования по сравнению с мужчинами требуют осмысления и научной интерпретации. Для этого нужно выйти за рамки брачных пар и посмотреть историю вопроса в разрезе мужского и женского населения в целом.

Как показывают Т. А. Гурко и М. С. Мамиконян, динамика образовательной гомогамии различна в разных странах, при этом фиксируется и тенденция образовательной гетерогамии, поскольку для современного брака на первом месте стоят эмоциональные компоненты. На основе анализа работ зарубежных исследователей данные авторы отмечают, что сходный уровень образования супругов был важен в индустриальный период, когда образование было основным ресурсом для социально-экономического статуса; в постиндустриальный период стала возрастать гетерогамия, поскольку уровень жизни стал относительно высоким у большинства [Гурко, Мамиконян 2018: 210].

В России, как и во многих странах мира, по мнению ученых, женщин с высшим образованием больше, чем мужчин, и эта тенденция будет усиливаться [Гурко, Тарченко 2019: 107–108]. Как указывают Т. А. Гурко и В. С. Тарченко, влияние образовательной гипогамии на распределение семейных ролей и рождаемость — одна из тем, интересующих современных исследователей [Гурко, Тарченко 2019: 108].

В Туве история образовательной гипогамии достаточно уникальна. С момента создания самостоятельного государства — Тувинской Народной Республики в 1921 г. тувинским женщинам пришлось догонять мужчин в сфере грамотности и получения образования. К 1940 г. уже 86,5 % тувинских женщин были грамотными. После присоединения Тувы к СССР в 1944 г. изменения в социально-профессиональной структуре тувинского общества шли очень интенсивно, поступательно росла образовательная и трудовая активность женщин. Статистические данные показывают, что в первое десятилетие советского периода истории Тувы женщины по уровню образования не только сравнялись с мужчинами, но и начали опережать их.

По переписи 1959 г. высшее образование имели 779 мужчин, 829 женщин, женщины также лидировали на уровнях незаконченного высшего и среднего образования. Перепись зафиксировала ситуацию, когда мужчин, имевших более низкие уровни образования, было гораздо больше, чем женщин: начальное и незаконченное семилетнее имели 20 249 мужчин и 16 582 женщин [[Народное хозяйство 1967: 6](#)]. Это станет устойчивой тенденцией на протяжении всего советского периода и не изменится и в постсоветское время, что подтверждается материалами последующих переписей [[Народное хозяйство 1981: 7](#)].

В XXI в. степень разрыва в образовательном уровне в пользу женщин в Туве усугубляется, и это, как выше указано, — мировой и российский тренд. Всероссийская перепись населения 2002 г. показала повышение уровня образования всего населения республики по сравнению с переписью 1989 г., вместе с тем гендерная дифференциация по уровню образования усиливается: если в 1989 г. мужчин с высшим образованием на 1 000 чел. было 69, а женщин — 89, то в 2002 г. мужчин на 1 000 чел. — 85, женщин — 129. В цифровом выражении: в 1989 г. 6 724 мужчины с высшим образованием, женщин — 9 151, в 2002 г. мужчин — 8 485, женщин — 15 048 [[Об итогах ВПН 2002: 4](#)]. Женщины также сохраняют лидерство на уровнях незаконченного высшего и среднего профессионального образования.

Всероссийская перепись населения, проведенная в 2010 г., демонстрирует дальнейшее углубление пропасти между мужчинами и женщинами по уровню образования: мужчин с высшим образованием — 10 547, женщин — 22 655 [[ВПН 2010](#)].

Несмотря на равные возможности получения профессионального образования и социальные лифты советской системы, многие мужчины, получив определенный уровень образования — начальное или среднее профессиональное, общее среднее, — приступали к трудовой активности. Как указывалось в материалах экспедиций Тувинского социологического отряда 1977–1979 гг.², в ходе кото-

² Экспедиция была проведена отделом социологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР совместно с Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории.

рых проведено социологическое обследование по комплексной методике более чем 4 тыс. человек в трудоспособном возрасте в городской и сельской местности Тувинской АССР, изменение социально-профессиональной структуры городского и сельского населения Тувинской АССР связано с расширением структуры предложения рабочих мест и притоком населения в города и рабочие поселки [Очерки 1983: 109].

Активно шла индустриализация республики, росло количество занятых в разных отраслях народного хозяйства. Как отмечали исследователи, «темпы структурных сдвигов среди населения Тувинской АССР в 3,3 раза были выше, чем по РСФСР, почти в 7 раз выше, чем в соседней Хакасской автономной области. Высокие темпы изменений наблюдались и в Якутской АССР, хотя и на 30 % ниже, чем в Туве» [Очерки 1983: 90]. Создавались крупные индустриальные объекты «Туваасбест», «Тувакобальт», предприятия строительной индустрии, угольной, энергетической, цветной, пищевой и других отраслей промышленности [Гребнев 1981: 94]. Эти процессы требовали количественного расширения рабочего класса.

Эту ситуацию четко выразила одна из респонденток в ходе глубинного интервью, проведенного автором в январе 2021 г. в Кызыле: «Мужчина в Туве советского времени в любом месте, с любым образованием и без него мог найти работу, зарабатывать и кормить свою семью. Поэтому им не нужно было стремиться к высшему образованию. Мой муж таким же образом не получил профессионального образования — он работал. Сожалею, что в свое время не заставила его учиться» [ПИМА 2021: 1].

В постсоветский период получение высшего и среднего профессионального образования стало зависеть во многом от финансовых возможностей родителей, стало малодоступным для детей тех, кто потерял работу и источники дохода в результате разрушения хозяйственного и промышленного комплекса. В условиях многодетности тувинских семей даже в рамках одной семьи не все дети равномерно получали профессиональное образование, приоритет в обучении детей отдавался девочкам. Данная тенденция сильна и сейчас. «К вопросам образования девочек в тувинских

семьях относятся по-особому, с большим вниманием, нежели к образованию мальчиков. Причем этот неравный подход начинается на уровне детского сада: по детским мероприятиям мы видим, что в девочек финансово вкладывают больше, чем в мальчиков. Это продолжается и в школе. Семьи, даже будучи небогатыми, не жалеют средств на оплату дополнительного образования девочек: балет, гимнастика, обучение музыке. Мальчики довольствуются тем, что есть. Сегодня именно обучению и воспитанию мальчиков нужно уделять гораздо больше внимания», — так описывает ситуацию участница глубинного интервью [ПМА 2021: 2].

В настоящее время именно уровень образования позволяет женщинам Тувы повышать свой профессиональный статус и роль в экономике республики. Для формирования более гармоничного с гендерной точки зрения общества необходимы специальные меры в системе общего образования: например, сохранение в школе контингента учащихся-мальчиков после 9 класса, мотивационные мероприятия, разработка для мальчиков индивидуальных образовательных траекторий. Необходима и работа с родителями — получение юношами и мужчинами более высокого уровня профессионального образования должно стать одной из целей семейной политики в регионе. В ином случае диспропорции будут только нарастать и не только по формальному признаку уровня образования мужчин и женщин, а, как следствие, дисбаланс будет и в доходах, и социальной мобильности, и в социальном статусе мужчин и женщин, что в конечном итоге может привести к дисфункции семьи: утрате гендерного уклада, при котором мужчины выполняют роль «добытчика», «кормильца семьи», и приобретению женщинами все более маскулинных моделей поведения.

Профессиональный статус

В рамках данной статьи нам важно было проанализировать профессиональный статус мужчин и женщин как крупных социально-демографических общностей в их динамике, обусловленной социально-политическими, экономическими условиями тувинского общества. Рассмотренные выше факторы занятости, уровня образования влияют на различия и в социальном статусе мужчин и женщин в тувинских браках.

Для выявления гомогамности или гетерогамности семей по признаку социального статуса нами были учтены два показателя: занятость (работает/не работает), должностные позиции в организации, которые занимают муж и жена. При сравнении профессионального статуса супругов, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г. и исследования ФНИСЦ РАН, проведенного в 2019 г. в Туве, выделяются три типа семей: 1) семья, в которой профессиональный статус у мужчины выше, чем у женщины; 2) семья, в которой профессиональный статус у женщины выше, чем у мужчины; 3) семья, в которой мужчина и женщина имеют равный профессиональный статус. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, 57,6 % обследованных российских семей относится к первому типу — статус у мужчины выше, чем у женщины, 25,1 % — ко второму типу (статус у женщины выше, чем у мужчины) и 17,3 % семей составляют третий тип — мужчина и женщина имеют равный статус.

В Туве анализ данных, собранных в ходе указанного исследования ФНИСЦ РАН, показывает достаточно сильное отклонение от российских показателей по базе РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г.: к первому типу семей, в которых у мужчины статус выше, чем у женщины, относится 19,3 %, ко второму типу, в котором женщина имеет более высокий статус, чем мужчина, относится 42,7 % семей, равный статус имеют мужчины и женщины в 37,6 % обследованных семей. Таким образом, в обследованных российских супружеских парах, вошедших в РМЭЗ 2018 г., по социальному статусу лидируют мужчины, в Туве — женщины.

У каждого народа есть исторически сложившиеся архетипические роли мужчин и женщин в семье, которые отражают этнические, религиозные, культурные, хозяйственно-экономические особенности этого народа. У тувинцев, как и во многих культурах народов России, в семье традиционно главенствующую роль играл мужчина.

Сжавшийся в постсоветский период рынок труда оказал драматическое влияние на статусное распределение между супругами в семье. Ситуация, когда в 42 % обследованных тувинских семьях женщины имеют более высокий профессиональный статус, может

приводить к ролевому конфликту. Мужчине затруднительно сохранять за собой роль и статус главы семьи, когда он зарабатывает меньше, чем женщина, или не работает и не приносит дохода в семейный бюджет. Такие семьи относятся к переходным моделям.

В социологической литературе выделяют несколько типов российских семей: неопатриархальная, эгалитарная, советская, бикарьерная [Задворнова 2013: 32–40]. По типу ролевой организации в семье выделяют матриархатные, патриархатные семьи. Можно предположить, что, если женщина является «добытчиком» в семье или имеет более высокий доход по сравнению с мужчиной, то принятие решений, в том числе финансовых решений в экономике семьи все более переходит к женщине. И по критерию принятия решений и фактического главенства женщины, такие семьи можно назвать матриархатными.

Более высокий профессиональный статус и уровень доходов женщин в семье, отсутствие изменения в статусе незанятых мужчин в течение продолжительного времени может привести к той ситуации, которую исследователи описывают как «кризис маскулинности», «провал маскулинности» [Здравомыслова, Темкина 2000: 15–23; Кабайкина 2018: 308–311].

О кризисе маскулинности в привязке к профессиональной самореализации, занятости и состоятельности мужчин как кормильцев семьи писали отечественные исследователи (см.: [Тартаковская 2002: 112–127]).

Под «несостоявшейся маскулинностью» И. Н. Тартаковская понимает неудачи мужчин в сфере занятости, это синоним жизненного краха, и дальнейшая жизненная стратегия мужчин больше связана с пассивностью, пессимизмом, готовностью довольствоваться малым и нередко злоупотреблением алкоголем [Тартаковская 2002: 117].

С учетом этих факторов снижение профессионального статуса мужчины в семье представляет собой определенные социальные риски. В этой ситуации содержание работы центров занятости должно быть в корне пересмотрено, профессионального внимания требуют жизненные стратегии безработных мужчин, психологи-

ческий настрой и состояние, уровень их мотивации искать работу, готовность к трудовой мобильности, требующей при необходимости смены места жительства.

Уровень доходов

Вопросы занятости, активности мужчин и женщин на рынке труда, дифференцированной рыночной стоимости мужского и женского труда неизбежно ведут к вопросам соотношения доходов мужчины и женщины в семье. Как указывается в докладе ООН «Семьи в меняющемся мире» за 2019–2020 гг., во всем мире увеличивается количество экономически независимых женщин, тем не менее даже в развитых странах, где у женщин более стабильный заработок, на долю тех, кто живет с партнером-мужчиной, по-прежнему, как правило, приходится менее половины дохода семьи, и накапливают они еще меньшую долю имущества [[Прогресс женщин 2019: 5](#)]. В этом же докладе указывается на то, что продолжает существовать проблема «штрафа за материнство» в виде снижения уровня занятости и разрыва в оплате труда между женщинами с детьми и женщинами без детей [[Прогресс женщин 2019: 5](#)].

В России государственная статистика отслеживает такой показатель, как «отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в %». Однако зарплата является лишь частью структуры доходов, она показывает доходы в формальном секторе экономики. По данным за октябрь 2019 г., по России этот показатель равнялся 72,1 %. Максимальные значения наблюдались в следующих субъектах РФ: 98,0 % — в Республике Алтай; 97,4 % — в Ингушетии, 91,0 % — в Калмыкии и 90,8 % в Республике Тыва. Наименьшие значения — в Мурманской (59,8 %) и Архангельской (62,4 %) областях. Примечательно то, что первую группу с максимальными значениями составляют экономически менее развитые регионы. Такая статистика малоинформативна и не показывает дифференциацию в уровне доходов между мужчинами и женщинами в семье.

Для анализа возможной разницы в уровне доходов в брачных парах на основе используемых в данной статье массивов данных мы разделили эти пары на четыре типа: 1) семья, в которой доход

у мужчины выше, чем у женщины; 2) семья, в которой доход у женщины выше, чем у мужчины; 3) семья, в которой мужчина и женщина имеют равный доход; 4) другое (семьи, не подпадающие под критерии вышеуказанных типов).

Анализ массива данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018 г. по брачным парам показывает, что в российских семьях доход мужа выше дохода жены в 58,0 % семей, доход жены превышает доход мужа в 20,5 % семей, доходы равны в 21,5 % брачных пар. Если провести анализ по аналогичному критерию данных, собранных сотрудниками ФНИСЦ РАН в Туве в 2019 г., мы видим, что доходы мужчин превышают доходы женщин в 38,4 % обследованных семей, а доходы женщин выше доходов мужчин в 46,2,6 % семей, идентичные значения зафиксированы в 5,2 % семей. В российских семьях мужчины имеют больший доход по сравнению с женщинами, в тувинских семьях — женщины.

Обследованная выборка в Туве показывает, что женщины не только более активны на рынке труда, имеют более высокий профессиональный статус, но и имеют более высокие доходы, чем мужчины.

Более низкий уровень доходов мужчины в условиях двухкарьерной семьи может приводить к ситуации, когда по договоренности супруги решают поддерживать карьеру женщины, поскольку уровень ее заработной платы выше или имеются перспективы карьерного продвижения. Мужчина либо берет отпуск по уходу за ребенком, либо уходит с работы и полностью сосредотачивается на домашнем хозяйстве, уходе за детьми. По обоюдному согласию супругов семья по сути становится однокарьерной, и это карьера женщины.

В ходе глубинных интервью, проведенных автором в январе 2021 г. в Республике Тыва, респонденты указывают на то, что данное явление становится все более распространенным в тувинских семьях: «Среди молодых тувинских семей мы все чаще наблюдаем такие случаи, когда жена работает, муж сидит дома с детьми, потому что жена зарабатывает больше и ее карьера важнее, чем малооплачиваемая работа мужа» [[ПМА 2021: 3](#)].

Это достаточно новое социальное явление, которое является результатом рационального выбора и трансформирует традиционные представления о статусно-ролевом распределении супругов в тувинской семье, согласно которым мужчина — добытчик и защитник, женщина — хранительница очага, жена, занимающаяся домашним хозяйством, мать, воспитывающая детей.

В научной литературе описано это явление — только с обратной стороны, когда женщина в семье отказывается от участия в рыночной трудовой активности из-за малооплачиваемости своего труда и посвящает себя домашнему хозяйству, воспитанию детей. Такое социальное явление называется гендерной дискриминацией по принципу сравнительной выгоды. Сам принцип заимствован из неоклассического экономического анализа. Как указывает В. Ефимова, «поскольку женщины обычно зарабатывают меньше мужчин, эффективное распределение семейного бюджета, времени предполагает, что выходить на рынок труда должен мужчина, а для женщины приоритетной остается сфера домашнего труда» [Ефимова 2013: 68].

В условиях, когда у женщины в тувинской семье уровень образования и иные факторы позволяют претендовать на работу с более высоким уровнем оплаты труда, в результате экономически целесообразного выбора мужчина отказывается от трудовой активности. Происходит своеобразная детрадиционализация семейных отношений. Несмотря на эмансипацию, тувинская женщина жила в рамках парадигмы, которая в исследовательской литературе называется «двойной занятостью» — занятостью на работе и в домашнем хозяйстве.

Современное смещение гендерных ролей в условиях однокарьерной семьи, где приоритет отдан работе женщины, приводит либо к полному отказу со стороны работающей женщины в участии в домашних работах и воспитании, уходе за детьми, что подразумевает принятие женщиной традиционной роли мужчины — добытчика, либо может привести к большей диспропорции или «тройной занятости», когда она работает на трех фронтах: профессиональная работа, быт, воспитание детей. Данный вопрос требует специального эмпирического исследования.

И в первом, и во втором варианте есть риски и вызовы для гармонии и стабильности семьи и брака. Как показывает О. Н. Калачикова, неудовлетворенность браком по причине конфликта ожиданий, продиктованных социальным стереотипом и реальной организацией семейной жизни, может быть источником нестабильности брака и более высокой инициативности женщин в расторжении союзов [Калачикова 2018: 76]. Такая ситуация может привести к потере авторитета мужчин в семье и обществе, расширению феминизации рынка труда, воспроизводству в будущих поколениях в большей степени матриархальной модели семьи.

Заключение

Мы являемся свидетелями того, как современный мир, несмотря на глобальные процессы, разнообразен и противоречив и масштабы гендерного разрыва варьируются в зависимости от исторических, политических, социокультурных, религиозных предпосылок в каждой стране, в каждом регионе.

Дифференциация в показателях занятости, доходов между женщинами и мужчинами, равно как и в показателях социальной мобильности зависит не только от уровня образования, наличия или отсутствия желания работать, но в большей степени от экономического развития региона, от наличия рабочих мест на региональном рынке труда. Тот факт, что в 26 % обследованных в Туве семей работает только женщина, в большей степени свидетельствует о том, что нет доступных массовых рабочих мест для мужчин, особенно в сельской местности. Роль незанятых мужчин в семье становится более гибкой — это и вовлеченное отцовство, большая степень участия в домашней работе и воспитании детей.

В ходе анализа были показаны такие региональные особенности, как, например, более высокий профессиональный статус и доход женщин по сравнению с мужчинами в тувинских семьях. С одной стороны, это свидетельствует об огромном женском потенциале для развития общества, отсутствии половой сегрегации на массовом рынке труда, с другой — эти новые гендерные асимметрии в тувинской семье несут в себе потенциальные социальные риски, почву для дальнейшего углубления гендерного неравенства и дисфункции семьи.

Полевой материал автора

- ПМА 2021: 1 — Женщина, 1957 г. р. Запись в г. Кызыле в 2021 г.
ПМА 2021: 2 — Женщина, 1952 г. р. Запись в г. Кызыле в 2021 г.
ПМА 2021: 3 — Женщина, 1958 г. р. Запись в г. Кызыле в 2021 г.

Литература

- Барсукова, Радаев 2000 — *Барсукова С. Ю., Радаев В. В.* Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской среде // Мир России. 2000. № 4. С. 65–102.
- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения – 2010 [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102> (дата обращения: 11.01.2021).
- Галкина 2015 — *Галкина Д. В.* Трансформация современной российской семьи, ее структурные и функциональные проявления // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. № 7. Ч. 2. Краснодар, 2015. С. 109–113.
- Галиева 2010 — *Галиева Г. И.* Татарская семья в демографическом измерении (этнорегиональный аспект): автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2010. 23 с.
- Горина 2019 — *Горина Т. И.* Методологические основы исследования проблематики бедности в Республике Тыва [электронный ресурс] // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 3. Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. С. 18–28. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=7696> (дата обращения: 22.12.2020). DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.2>
- Гребнев 1981 — *Гребнев Л. В.* Социальная структура населения Тувинской АССР в период развитого социализма // По пути Великого Октября. Кызыл: Тув. кн. изд-во. 1981. С. 85–104.
- Гуриева, Белова 2019 — *Гуриева С. Д., Белова О. Е.* «Стеклянный потолок» в профессиональной карьере женщин // Научные труды Кубанского государственного технического университета. 2019. № 4. С. 769–773.
- Гурко, Мамиконян 2018 — *Гурко Т. А., Мамиконян М. С.* Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами // Вестник Института социологии. 2018. № 4. Т. 9. С. 193–226.
- Гурко, Тарченко 2019 — *Гурко Т. А., Тарченко В. С.* Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 102–113.

- Доброхлеб, Баллаева 2018 — *Доброхлеб В. Г., Баллаева Е. А.* Семья перед лицом новых социальных вызовов // *Народонаселение*. Т. 21. № 2. 2018. С. 60–68.
- Ефимова 2013 — *Ефимова В.* Гендерная дискриминация на российском рынке труда: формы проявления, факторы, результаты // *Вестник Института экономики РАН*. 2013, № 5. С. 67–75.
- Задворнова 2013 — *Задворнова Ю. С.* Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 2 (67). С. 32–40.
- Задворнова 2014 — *Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 51–58.
- Здравомыслова, Темкина 2009 — *Здравомыслова Е., Темкина А.* Ушли ли в прошлое патриархат? Специфическая власть «слабого пола»? // *Гендер для «чайников» – 2* / Фонд имени Генриха Бёлля. М.: Звенья. 2009. С. 25–41.
- Иванова, Устинова 2016 — *Иванова Т. Н., Устинова М. В.* Трансформация супружеских ролей в условиях глобализации // *Карельский научный журнал*. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 148–152.
- Кабайкина 2018 — *Кабайкина О. В.* Трансформация маскулинности в XXI веке: необратимое явление или закономерный процесс // *Социолог 2.0.: трансформация профессии*. Мат-лы VIII междунар. социолог. Грушинской конф. (г. Москва, 18–19 апреля 2018 г.); ВЦИОМ, Финансовый университет при Правительстве РФ. М.: АО «ВЦИОМ», 2018. С. 308–311.
- Кабайкина, Сущенко 2017 — *Кабайкина О. В., Сущенко О. А.* Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // *Вестник Московского университета*. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 140–155.
- Казенин, Козлов, Митрофанова 2020 — *Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С.* Как изменения гендерных и межпоколенческих отношений влияют на демографическое поведение? Случай Ингушетии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4. С. 342–365.
- Калачикова 2018 — *Калачикова О. Н.* Конфликт гендерных ролей и обязанностей: «тройная занятость» женщин как источник нестабильности брака // *Сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2018. С. 76–85.

- Карашпай и др. 2018 — *Карашпай С. М., Сат А. В., Сади С. С., Монгуш А. А.* Семейные ценности населения Республики Тыва // *Этносоциум*. 2018. № 9 (123). С. 45–48.
- Левая 2014 — *Левая Н. А.* Проблематика анализа кризиса семьи в работах современных социологов // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2014. № 2. С. 103–106.
- Мирошниченко 2007 — *Мирошниченко В. Н.* Функциональная трансформация семьи в современном российском обществе: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д, 2007. 27 с.
- Михайлова, Попова, Мигалкина 2020 — *Михайлова А. В., Попова Л. Н., Мигалкина С. Д.* Тенденции изменений в социальном институте брака в регионе (на примере Республики Саха (Якутия)) // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 8 (150). С. 76–83.
- Народное хозяйство 1967 — Народное хозяйство Тувинской АССР. Статистический сборник. Кызыл: Статистическое управление Тувинской АССР, 1967. 205 с.
- Народное хозяйство 1981 — Народное хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке. Статистический сборник. Кызыл: Статистическое управление Тувинской АССР, 1981. 213 с.
- Об итогах ВПН 2002 — Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года в Республике Тыва [электронный ресурс] // Управление Фед. службы госстатистики по Красноярскому краю, Республике Хакассия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39103> (дата обращения: 11.01.2021).
- Особенности социальной стратификации 2019 — Особенности социальной стратификации в Республике Тыва [электронный ресурс] // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 3. 71 с. / Институт социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7598 (дата обращения: 10.11.2019).
- Очерки 1983 — Очерки социального развития Тувинской АССР. Новосибирск: Наука, СО, 1983. 262 с.
- Прогресс женщин 2019 — Прогресс женщин мира в 2019–2020 годах. Краткое резюме (на рус. яз.). 2019 [электронный ресурс] // ООН. Женщины / Европа и Центральная Азия. Семьи в меняющемся мире. Прогресс женщин мира. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/digital-library/progress-of-the-worlds-women> (дата обращения: 15.12.2020). 28 с.
- Регионы России 2020 — Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 [электронный ресурс] // Федеральная служба госстатистики. С. 183, 185, 194. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.02.2021).

- РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018а — «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 15.12.2020).
- РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018б — «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [электронный ресурс] // Данные обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ / НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/rlms/spss> (дата обращения: 15.12.2020).
- Рошин, Солнцев 2006 — *Рошин С. Ю., Солнцев С. А.* Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 49 с.
- Синельников 2015 — *Синельников А. В.* Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. М., 2015. 50 с.
- Тартаковская 2002 — *Тартаковская И. Н.* Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112–125.
- Тензин 2018 — *Тензин Ч. М-Х.* Социальное положение мужчин и женщин Тувы // IV Центрально-азиатские исторические чтения «Пространство культур через призму единства и многообразия» (г. Кызыл, 20–23 сентября 2018 г.). Кызыл: Тув. гос. ун-т, 2018. С. 333–336.
- Тензин 2012 — *Тензин Ч. М-Х.* Гендерные исследования в Туве // Мир Центральной Азии – 3 / Правительство Республики Бурятия, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, Иркутск: Отгиск, 2012. С. 405–407.
- Тюрина 2002 — *Тюрина И. О.* Гендерные аспекты занятости и управления // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 138–142.
- Юбилейный статсборник 2014 — Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Тывастат, 2014. 208 с.
- Шепелева 2016 — *Шепелева Ю. Л.* Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 240–245.

УДК 316.4

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-144-155

Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию сельского населения Калмыкии

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бадмаева Н. В., 2021

Аннотация. Актуальность статьи связана с необходимостью анализа влияния пандемии COVID-19 на внутреннюю трудовую миграцию населения. Кризис, вызванный вирусом COVID-19, затронул большинство отраслей экономики. Введение карантинных мер и нерабочих дней привели к ряду проблем для трудовых мигрантов: потере работы, сокращению заработной платы, смене трудовой деятельности, потере определенного статуса и другим последствиям. *Цель статьи* состоит в оценке влияния сложившейся ситуации на рынке труда вследствие введения национального карантина и режима самоизоляции на межрегиональную, внутрирегиональную миграцию населения. В статье рассмотрены два аспекта влияния пандемии COVID-19 на трудовую миграцию в республике: это возвратные миграции из Москвы и других регионов в Калмыкию и миграция врачей и медицинского персонала как внутри республики, так и за ее пределы. *Материалы и методы.* В статье представлены результаты глубинных интервью с трудовыми мигрантами, вернувшимися во время ограничительных мероприятий в Калмыкию, а также с врачами и медицинским персоналом, которые выехали для работы в «красной зоне» за пределы своего сельского поселения и за пределы республики. *Результаты.* Проведенный анализ влияния пандемии COVID-19, показал, что миграции — это динамичный, чутко реагирующий на любые социальные изменения процесс. Миграционные потоки имеют высокую степень возобновляемости, что представлено и статистическими данными, и ре-

зультатами интервью, когда опрошенные респонденты после ослабления части ограничительных мероприятий, вернулись на заработки в другой регион. Однако такая возобновляемость миграционных потоков, показывает, на наш взгляд, всю сложность социальных, экономических процессов, происходящих в сельской местности. Миграция врачей и медицинского персонала также показала, что при возможности получения большего материального вознаграждения квалифицированные кадры готовы покинуть не только родные села, но и республику.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, внутрирегиональная миграция, трудовая миграция, пандемия COVID-19, удаленная занятость, сельское население, Республика Калмыкия

Благодарность: Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (номер регистрации: АААА–А19-1190111490037-8).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию сельского населения Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 144–155. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-144-155

UDC 316.4

COVID-19 Pandemic and Labor Migration of Kalmykia's Rural Population

*Nogan V. Badmaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Research Associate

ORCID: 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Badmaeva N. V., 2021

Abstract. Introduction. The issue examined in the article is topical enough since it arises from the need to analyze actual impacts of the COVID-19

pandemic on internal labor migration processes among the population. The COVID-19 crisis has affected most sectors of the economy. The introduction of quarantine measures and non-working days led to a number of problems for labor migrants: loss of work, reduction in wages, change of employment, loss of a certain status, and other consequences. *Goals.* The article aims to assess the impact of the current situation in the labor market to have resulted from the introduction of national quarantine and self-isolation regime on interregional and intraregional migration trends. The article discusses two aspects of the impact of the COVID-19 pandemic on labor migration in the republic, such as return migrations from Moscow and other regions to Kalmykia, and the migration of medical doctors and healthcare workers both within the republic and beyond. *Materials and Methods.* The paper introduces results of in-depth interviews with labor migrants who returned to Kalmykia during the period of restrictive measures, as well as with MDs and nursing staff who left for work in the ‘red zone’ outside their rural settlements and outside the republic. *Results.* The analysis of the impact entailed by the COVID-19 pandemic shows that migration is a dynamic process sensitive to any social change. Migration flows are characterized by a high level of renewability which is confirmed by both statistical data and the results of interviews: after some weakening of the restrictive measures the respondents returned to their jobs in other regions. However, such renewability of migration flows shows, in our opinion, the complexity of social and economic processes taking place in rural areas. The migration of MDs and medical personnel also attests to that — if it is possible to receive more material remuneration — qualified personnel are ready to leave not only their native villages but also the republic.

Keywords: interregional migration, intraregional migration, labor migration, pandemics and COVID-19, remote employment, rural population, Republic of Kalmykia

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment for the KalmSC RAS — ‘Development of Rural Areas in South Russia: Comprehensive Socioeconomic and Environmental Monitoring’ (state reg. no. НИОКТР АААА–А19–1190111490037–8).

For citation: Badmaeva N. V. COVID-19 Pandemic and Labor Migration of Kalmykia’s Rural Population. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 2. Pp. 144–155. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-144-155

Введение

Внутренняя трудовая миграция является важной и необходимой стратегией обеспечения средств к существованию для миллионов людей и домашних хозяйств в России. Кризис, вызванный вирусом COVID-19, затронул большинство отраслей экономики. Введение карантинных мер и нерабочих дней привели к ряду проблем для трудовых мигрантов: потере работы, сокращению заработной платы, смене трудовой деятельности, потере определенного статуса и другим последствиям. При этом невозможность платить арендную плату за жилье привела к потоку возвратных мигрантов из мегаполисов и больших городов в регионы. Актуализация данного исследования связана с тем, что в условиях пандемии изменились направления, формы и интенсивность миграционных процессов.

Пандемия оказала влияние на основные виды трудовой миграции, на трудовую деятельность мигрантов (потеря работы, сокращение заработной платы, нестабильные доходы, необходимость переквалификации, смена трудовой деятельности и др.). Ограничительные мероприятия в значительной степени повлияли на международную трудовую миграцию.

Тема пандемии, ее влияние на разные социальные процессы, нашла отражение во многих исследованиях. В первую очередь значительное количество работ было посвящено исследованию положения международных трудовых мигрантов [Рязанцев, Вази-ров, Гарибов 2020; Рязанцев, Молодикова, Брагин 2020; Колдина 2020; Ивахнюк 2020; Цапенко 2020а; Цапенко 2020б].

Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 представлена в статье С. Ю. Сивоплясовой [Сивоплясова 2020]. Т. А. Нестик провел анализ влияния пандемии на социально-психологическое состояние общества [Нестик 2020].

Цель данной статьи состоит в оценке влияния сложившейся ситуации на рынке труда вследствие введения национального карантина и режима самоизоляции на межрегиональную, внутрирегиональную миграцию населения.

В статье рассмотрим два аспекта влияния пандемии COVID-19 на трудовую миграцию в республике: это возвратные миграции из Москвы и других регионов в Калмыкию и миграция врачей и медицинского персонала как внутри республики, так и за ее пределы.

Материалы и методы

С целью изучения влияния пандемии COVID-19 на трудовую миграцию были проведены ряд глубинных интервью. Поиск респондентов осуществлялся по методу «снежного кома». Всего было проведено 15 интервью. Интервью были проведены в декабре 2020 г. и феврале 2021 г. Из них 10 интервью — с трудовыми мигрантами, вернувшимися во время введения ограничительных мероприятий в Калмыкию, 7 из них работали в магазинах, салонах красоты, такси, т. е. в таких сферах, где нельзя работать в «удаленном» режиме или, например, работники вахтовым методом, которые остались после своей смены и не смогли выехать в связи с ограничительными мероприятиями. 5 интервью были проведены с медицинскими работниками, выехавшими из своих поселков на работу в г. Элисту или другие регионы страны.

Анализ миграционной ситуации в 2020 г.

Рассмотрим миграционную ситуацию в республике в 2020 г. Официальная статистика зафиксировала положительный миграционный прирост сельского населения с апреля по июль 2020 г. (табл. 1).

Таблица 1. Число прибывших, число выбывших, миграционный прирост (убыль) населения по Республике Калмыкия, январь декабрь 2020 г. / сельская местность

Месяц	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
Январь	389	588	-199
Февраль	419	572	-153
Март	413	604	-191
Апрель	204	191	13
Май	238	204	34
Июнь	584	360	284

Июль	664	657	7
Август	606	629	-23
Сентябрь	517	637	-120
Октябрь	437	679	-342
Ноябрь	329	533	-204
Декабрь	393	580	-187

Источник: [Число прибывших 2020].

Анализ миграционных процессов в республике в течение последних нескольких лет показывает устойчивый миграционный отток сельского населения. Типичные его показатели соответствуют показателям за январь 2020 г., представленным в таблице выше. Максимальный миграционный прирост пришелся на июнь 2020 г., он составил 284 человека. Соответственно число выбывших в этот период сокращается, число прибывших увеличивается — более чем в два раза. Также данные статистики показывают, что в апреле – мае мигранты соблюдали режим самоизоляции и смогли выехать в свой регион в июне, когда часть ограничений была снята. При этом уже в августе наблюдается отток населения из Калмыкии; миграционные процессы, можно сказать, вошли в «обычный режим» к октябрю 2020 г.

Таким образом, межрегиональные, внутрирегиональные миграционные процессы в республике показали свою быструю восстанавливаемость. Отметим, что такую же тенденцию наблюдали исследователи в Ростовской области [Волков, Печкуров, Пантелеев 2020: 21].

Возвратная миграция и удаленная работа

Во время пандемии многие офисные работники и студенты перешли на удаленный режим работы, что позволило им вернуться в свои регионы. Усилившийся процесс цифровизации общества привел к новым формам организации труда, что повлияло на экономические модели поведения внутренних трудовых мигрантов. Это открыло новые возможности: работа с высоким уровнем дохода стала доступной для большого числа людей без необходимости физического перемещения по территории и зависимости от места

жительства. Развитие цифровизации позволило перенаправить миграционные потоки, а именно вернуть часть высококвалифицированных специалистов в регионы, обеспечивая тем самым более сбалансированное территориальное распределение населения.

В нашем исследовании из всех опрошенных, вернувшихся во время ограничительных мероприятий в Калмыкию, 3 респондента имели возможность работать удаленно. Они смогли приехать в Калмыкию только в июне – июле 2020 г. Компании, в которых они работают, перевели их на удаленный режим работы еще с середины марта 2020 г. При этом одна из респондентов отметила, что всех сотрудников сразу предупредили, что в этом режиме они будут работать «скорее всего до конца 2020 года», всем сотрудникам были выделены защитные средства: маски и перчатки. Также респондент отметила, что удаленный режим работы практиковался в их фирме давно: раз в месяц они имели возможность работать из дома [ПМА 1].

Респонденты отметили, что график работы, несмотря на удаленный режим, не поменялся. Компаниями проводился постоянный мониторинг присутствия сотрудников: во внутрикорпоративных чатах, рабочих программах и т. д. [ПМА 1].

Возвратная миграция, экономическое положение, социально-психологические проблемы трудовых мигрантов

Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 в России и реализация ограничительных мер, направленных на сдерживание ее распространения, имели существенные последствия для рынка труда. В сложном положении оказались не только международные трудовые мигранты, но и мигранты из регионов России.

Жители Калмыкии, работавшие за пределами республики, весной 2020 г. оказались в сложном материальном и социально-психологическом положении. По результатам беседы с респондентами было выявлено, какие сложности испытывали представители нашей республики в этот период.

Часть респондентов — трудовые мигранты, работающие в большинстве своем в сфере услуг (магазинах, салонах красоты, в

такси), т. е. не имеющие возможность осуществлять свою деятельность дистанционно, — отметили, что практически сразу лишились источника заработка. Работодатели отправили их в неоплачиваемые отпуска. При этом респонденты отметили, что, несмотря на небольшие накопления, не имели возможности платить арендную плату в течение нескольких месяцев. Такие обстоятельства привели к тому, что они были вынуждены вернуться в регион исхода [ПМА 1].

Респонденты также отметили, что, приехав в Элисту, не могли несколько дней уехать в свой поселок: таксисты боялись брать приезжих, особенно из Москвы; родственники боялись с ними общаться. В августе часть респондентов уехала в Москву, поскольку никакой работы в их селах, поселках не было и нет [ПМА 1].

Два респондента работали вахтовым методом на шахте в Красноярском крае. Они отмечают, что в феврале 2020 г. они должны были вернуться на смену в Красноярский край, но им сообщили, что там объявлен карантин из-за нескольких заболевших. В итоге они смогли приехать туда на работу только в ноябре 2020 г. Не получая заработную плату так же, как до устройства на шахту, они были вынуждены заниматься различными подработками, но в основном помогать родственникам на чабанских стоянках [ПМА 1].

Мигранты столкнулись также с рядом социально-психологических проблем и переживаний. Ограничительные мероприятия повлияли на жизнь трудовых мигрантов. Респонденты отмечают, что пережили один из сложных периодов в жизни. Кроме потери работы, проживая в Москве, испытывали страх заболеть и остаться без медицинской помощи, страх невозможности вернуться домой, переживали по поводу принудительного социального дистанцирования и др. Жители сельского поселения, куда возвращался трудовой мигрант, настороженно и даже негативно относились к таким людям, считая их «источниками распространения коронавируса».

Таким образом, проведённый анализ показал, что пандемия коронавирусной инфекции в значительной степени затронула сферу трудовой миграции.

Миграция медицинских работников

Следующий аспект влияния пандемии COVID-19 на трудовую миграцию — это миграция врачей и медицинского персонала. Несмотря на то, что республика испытывает дефицит врачей и медицинского персонала, пандемия коронавирусной инфекции значительно обострила эту проблему, особенно в сельской местности. Врачи и средний медицинский персонал массово уехали в госпитали в столицу региона — г. Элисту, а также в г. Москву и г. Санкт-Петербург и другие регионы, где была предложена заработная плата в несколько раз больше имеющейся.

Анализ «Банка вакансий» Службы занятости населения Республики Калмыкия за 12 месяцев 2020 г. показал, что в период с мая 2020 г. в районах республики увеличивается число вакансий медицинских сестер, фельдшеров на 20 % [Банк вакансий 2020]. Это значит, что часть среднего медицинского персонала уволилась для того, чтобы работать в «ковидных» госпиталях, обсерваторах и др.

На эту ситуацию с нехваткой врачей и среднего медицинского персонала повлиял также уход на самоизоляцию сотрудников старше 65 лет.

Рассмотрим интервью с респондентами. Семья врачей (муж 39 лет, жена 38 лет) уехала работать в госпиталь в один из регионов Крайнего Севера в мае 2020 г., уволившись из одной из районных больниц республики. Работу им предложили друзья, ранее они имели опыт работы за пределами республики — в г. Санкт-Петербурге. Они отмечают: «Мы работаем в „красной зоне“ с мая, заходя периодически. Дети остались с родителями в Калмыкии. Сразу поняли, что для нас работа в госпитале — это возможность очень хорошо заработать». За период работы с мая по декабрь 2020 г. они приобрели квартиры, купили также автомобиль.

Санитарки Л. и Г. (48 и 51 год) работали в одной из районных больниц. Приехали работать в г. Элисту в обсерватор на базе БУ ДО РК «Республиканский центр детского творчества» (по словам респондентов — «обсерватор на Сити-Чесс»). Работали с июня по сентябрь 2020 г., затем вернулись работать на свои прежние места. За период работы в обсерваторе заработали более 100 тысяч рублей. Устроились работать через родственницу одной из них.

Они отмечают, что поначалу было очень тяжело: они обрабатывали хлоркой и анолитом стены, столы, полы, двери, ручки и др. задыхались, поскольку невозможно было дышать в респираторах, нескольких масках и в сильную жару. Также они помогали с раздачей еды. Заработанные деньги потратили в основном на оплату кредитов и технику для дома [ПМА 2].

Респондент Г. отмечает, что заболела коронавирусом в октябре, лежала в ковидном госпитале у себя в поселке. Респондент Л. отметила: «...при том, что результаты ПЦР-тестов всегда были отрицательные, у меня были обнаружены антитела, наверное, перенесла бессимптомно. Одноклассник моего сына привез мне очень хороший защитный комбинезон, я в нем работала» [ПМА 2].

Медсестра К. (45 лет) работала в районном доме-интернате для престарелых и инвалидов. Сначала работала в госпитале, который открыли в поселке. Уволилась в конце лета и пошла работать в «красную зону» в республиканской больнице.

«В „красную зону“ зашла в третий раз. В госпитале многие из медсестер работают, как я, на кредиты и ипотеки. Хочу отметить, что были выпускники медколледжа, которые до этого системы никогда не ставили. Им приходилось учиться на ходу. Среди врачей много молодых. У некоторых опыта меньше моего. Моя заработная плата со стажем почти 20 лет не превышала 20 тыс. рублей, а в госпитале я получаю в разы больше. Я сейчас живу в гостинице. Коронавирусом переболела, лежала дома. От меня заразился старший сын, двое младших — нет, муж тоже не заразился. С детьми помогает моя мама и муж, я сейчас, можно сказать, основной добытчик. Мы оплатили кредит за машину. Я помогла племяннику съездить на соревнования, полностью оплатила билеты, проживание, организационные взносы» [ПМА 2].

Анализ интервью показал, что, несмотря на риск заболевания, врачи средний и младший медицинский персонал, устраивались на работу в «ковидные» госпитали. Заработная плата, превышающая в разы существующую, являлась главным стимулом смены места работы, работы в сложных эпидемиологических условиях. В свою очередь это оказало значительное влияние на работу

и состав медицинских кадров в районах республики, на качество лечения жителей районов. Эта проблема подняла вопрос оплаты труда медицинских работников. Многие политики, общественные деятели, представители профсоюза медицинских работников настаивают на изменении системы оплаты работы врачей, особенно в малых городах и сельской местности.

Выводы

Проведенный анализ влияния пандемии COVID-19 показал, что миграции — это динамичный, чутко реагирующий на любые социальные изменения процесс. Миграционные потоки имеют высокую степень возобновляемости, что представлено и статистическими данными и результатами интервью, когда опрошенные респонденты после ослабления части ограничительных мероприятий, вернулись на заработки в другой регион.

Однако такая возобновляемость миграционных потоков показывает, на наш взгляд, всю сложность социальных, экономических процессов, происходящих в сельской местности. Миграция врачей и медицинского персонала также показала, что при возможности получения большего материального вознаграждения квалифицированные кадры готовы покинуть не только родные села, но и республику.

Полевой материал автора

ПМА 1 — Глубинные интервью с трудовыми мигрантами, вернувшимися во время введения ограничительных мероприятий в Калмыкию. 10 человек. Декабрь 2020 г. – февраль 2021 г.

ПМА 2 — Глубинные интервью с медицинскими работниками, выехавшими для работы в «красной зоне» в г. Элисту и за пределы Калмыкии. 5 человек. Декабрь 2020 г. – февраль 2021 г.

Литература

Волков, Печкуров, Пантелеев 2020 — *Волков Ю. Г., Печкуров И. В., Пантелеев В. Г.* Миграционные потоки Ростовской области в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: социально-экономические науки. 2020. Т. 13. № 5. С. 21–32.

- Ивахнюк 2020 — *Ивахнюк И. В.* Пандемия коронавируса бросает вызов мигрантам во всем мире и в России // *Populations and economics*. 2020. № 4. С. 49–55.
- Банк вакансий 2020 — Банк вакансий [электронный ресурс] // Интерактивный портал службы занятости населения Республики Калмыкия. URL: <https://minsoc08.ru/vacancy> (дата обращения: 05.02.2021).
- Колдина 2020 — *Колдина Ю. Р.* Правовое положение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в Российской Федерации в свете пандемии (COVID-19) // *Вопросы российской юстиции*. 2020. № 9. С. 711–725.
- Нестик 2020 — *Нестик Т. А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2020. Т. 5. № 2. С. 47–83.
- Рязанцев, Вазиров, Гарибова 2020 — *Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Гарибова Ф. М.* «Зависшие на границах» между Россией и Родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. 2020. № 3. С. 45–58.
- Рязанцев, Молодикова, Брагин 2020 — *Рязанцев С. В., Молодикова И. Н., Брагин А. Д.* Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // *Балтийский регион*. 2020. Т. 12. № 4. С. 10–38.
- Сивоплясова 2020 — *Сивоплясова С. Ю.* Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2020. № 3. С. 106–113.
- Число прибывших 2020 — Число прибывших, число выбывших, миграционный прирост (убыль) населения по Республике Калмыкия, январь-декабрь 2020 г. Сельская местность [электронный ресурс] // Управление Фед. службы гос. статистики по Астраханской области и Республике Калмыкия. URL: <https://astrastat.gks.ru/folder/35673> (дата обращения: 02.02.2020).
- Цапенко 2020a — *Цапенко И. П.* Трансграничная мобильность: вызовы пандемии [электронный ресурс] // ИМЭМО РАН. 23.04.2020. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/transgranichnaya-mobilynosty-vizovi-pandemii> (дата обращения: 01.02.2021).
- Цапенко 2020b — *Цапенко И. П.* Межстрановая мобильность населения в период и после эпидемического шока // *Социально-трудовые исследования*. 2020. № 3 (40). С. 31–43.

УДК 316.648; 316.728

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-156-172

Память о Великой Отечественной войне как фактор консолидации российского полиэтничного общества

Галина Дмитриевна Гриценко¹

¹ Южный научный центр РАН (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник

ORCID: 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovvet@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Гриценко Г. Д., 2021

Аннотация. *Введение.* В условиях глобализации современного мира актуализируется потребность в консолидации национального государства, особенно когда его общество характеризуется полиэтничностью. Возникает необходимость в усилении интегрирующих тенденций и объединительных основ многонационального социума. Для каждого общества существуют свои исторически значимые и ценностно-смысловые консолидирующие события. Среди таких событий особое место в общенациональном самосознании российского общества занимает память о Великой Отечественной войне. *Цель и задачи* исследования — на основе анализа научного дискурса о Великой Отечественной войне определить, насколько в публикациях ведущих журналов Северо-Кавказского федерального округа отражен консолидирующий тренд, что важно для сохранения и укрепления межэтнического мира и согласия в северокавказском полиэтничном регионе. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели исследования использовалась методология анализа дискурса, ориентированная на изучение ментальных моделей, что обеспечило выявление субъект-объектного целеполагания. В качестве методического инструментария использовался дискурс-анализ научных статей, исследующих вопросы Великой Отечественной войны. *Результаты.* На основании результатов дискурс-анализа научных публикаций о Великой Отечественной войне сделан вывод о преобладании консолидирующего

посыла. Во всех статьях, опубликованных в ведущих журналах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) в год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, независимо от событий, описанных в публикациях, делается акцент на дружбе и сплоченности народов Северного Кавказа в борьбе против общего врага — нацистской Германии. Кроме этого, указывается на необходимость сохранения памяти о тех, кто обеспечил Победу в Великой Отечественной войне, и активизации патриотического воспитания россиян, в том числе подрастающего поколения, что особенно важно в условиях современных попыток фальсификации истории войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: научный дискурс, Великая Отечественная война, Северный Кавказ, дискурс-анализ, консолидирующий тренд

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00132 «Тенденции этнизации/деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе».

Для цитирования: Гриценко Г. Д. Память о Великой Отечественной войне как фактор консолидации российского полиэтничного общества // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 156–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-156-172

UDC 94(470); 94(47).084.8

Memory of the Great Patriotic War as a Consolidating Factor for Russia's Multi-Ethnic Society

*Galina D. Gritsenko*¹

¹ Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Chief Research Associate

ORCID: 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovet@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Gritsenko G. D., 2021

Abstract. Introduction. One of the problems for a multiethnic society (including that of the Russian Federation) in the context of the current globalization

and the falsification of fateful events of the past (especially those of World War II) is a growing the need to update trends that ensure integration of a multiethnic national state. In the history of each society there are politically significant and value-semantic consolidating events that strengthen interethnic ties and relations. The memory of the Great Patriotic War occupies a special place in the national consciousness of Russian society. *Goals.* The paper aims to conduct a discourse analysis of scientific articles dealing with the Great Patriotic War published by journals of leading universities across the North Caucasus Federal District, and to determine how the memory of events of that war can be considered as a consolidating factor, a means of preserving and strengthening interethnic peace and harmony in the North Caucasus as a polyethnic region. *Materials and Methods.* The article uses the methodology of discourse analysis, focuses on studying mental models and determining the integrating properties of mental goal-setting. Discourse analysis of scientific articles investigating the Great Patriotic War is employed as a methodological toolkit. *Results.* The study of scientific publications about the Great Patriotic War concludes the consolidating message does prove a priority therein. All the articles emphasize the friendship and cohesion of the numerous peoples of the North Caucasus in the struggle against the common enemy — Nazi Germany. In addition, the publications draw attention to modern attempts to falsify the history of the Great Patriotic War. In this regard, the work stresses the necessity to preserve the memory of those who ensured Victory in this war and the demand to intensify patriotic education of Russian citizens, especially that of the younger generation.

Keywords: scientific discourse, Great Patriotic War, North Caucasus, discourse analysis, consolidating trend

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-011-00132 ‘Sociopolitical Life in the North Caucasus: Ethnicization and De-Ethnicization Trends Revisited’.

For citation: Gritsenko G. D. Memory of the Great Patriotic War as a Consolidating Factor for Russia’s Multi-Ethnic Society. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 2. Pp. 156–172. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-156-172

Введение

В полиэтничном обществе одной из вечных проблем является вопрос о консолидации социума, межэтническом мире и согласии в нем. Основой для этого могут выступать общенациональные ценности и традиции, общенациональное самосознание, память

об общенациональных достижениях и победах. Формирование общенационального предполагает синтезирование «своего» этноконфессионального и «чужого» общегражданского, трансмиссию разнородных социокультурных ценностей и традиций. В этой ситуации возникает вопрос: как это реализовать на практике. Им задаются исследователи разных областей научного знания: психологи, историки, этнологи, социологи, политологи и др.

Этот вопрос актуален как для российского общества в целом, так и отдельных его региональных сообществ, в частности северокавказского. На современном этапе можно говорить о наличии здесь общенационального самосознания, инкорпорирующего «внеисторические» для северокавказского региона общероссийские образы и «исторические» образы Северного Кавказа [Авксентьев, Аксюмов, Гриценко 2020].

Исследования социальной практики дают возможность констатировать достаточную интегрированность субъектов федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа, в российское культурно-историческое пространство, об определенном уровне сфорсированности общероссийской идентичности, обеспечивающей этнокультурную консолидацию [Авксентьев и др. 2020]

В то же время достигнутый уровень предполагает корректировку современной национальной политики применительно к северокавказскому региону. Безусловно, у руководства Российской Федерации есть не только осознание наличия нерешенных проблем, но и понимание необходимости постоянной, последовательной и серьезной работы по обеспечению «народной солидарности и межэтнического согласия», по укреплению общероссийской интеграции: «Это как здоровье человека — нужно заниматься этим постоянно» [Выступление В. Путина 2019].

При реализации процессов формирования и укрепления консолидации российского полиэтничного общества важно, как отмечают эксперты, исходить из факта существования общероссийской идентичности как основы такой консолидации «в двух основных, не исключających друг друга формах самосознания, — по стране и

по своей этнической принадлежности: я и русский, и россиянин» [Выступление В. Тишкова 2021]. В данном контексте уместно вспомнить и процитировать слова выдающегося советского поэта Расула Гамзатова: «В Дагестане я аварец, в Москве я дагестанец, а за границей я русский» (цит. по: [Сафаралиев 2013]).

Такое понимание общенационального самосознания предполагает аналогичный подход и к самому процессу его формирования, а именно в основу данного процесса следует класть те явления и события, которые значимы как для этнического самосознания, так и для общероссийского. К таким явлениям, безусловно, относится Великая Отечественная война как событие, наполненное примерами сплочённости людей, вне зависимости от их национальности и вероисповедания [Гриценко 2020].

Эти примеры были и не могут не быть для граждан РФ и особенно подрастающего поколения моральным ориентиром единения многонационального народа в борьбе с общим врагом. Именно память о Великой Отечественной войне многие эксперты рассматривают в качестве главного инструмента укрепления общегражданского самосознания, важного способа обеспечения общенациональной интеграции, основного фактора общероссийской консолидации [Выступление Ю. Петрова 2021]. В этой ситуации возникает потребность в осмыслении того, насколько в научном дискурсе события Великой Отечественной войны трактуются в качестве консолидирующего фактора, обеспечивающего сохранение и укрепление межэтнического мира и согласия на Северном Кавказе как полиэтничном регионе.

Кроме того, как отмечают эксперты, «в условиях геополитической конкуренции и проведения информационных кампаний по фальсификации истории Великой Отечественной войны существует опасность забвения и искажения памяти о войне и стоящей за ней исторической правды» [Тетуев 2020б: 46].

Сегодняшняя память о Великой Отечественной войне — это совокупность противоречивых знаний, правдивых и ложных представлений, истинных и искаженных образов. Постсоветская власть в 1990-е гг., стремясь упрочиться, возвела в ранг негативное вос-

приятие всего советского прошлого, в том числе Великой Отечественной войны [Никитин 2019; Лошак 2021].

«Новизна» и сенсационность истолкования фактов и событий прошлого в угоду субъективизма и конъюнктурности привели к отходу от исторической правды, согласно которой героизм, мужество и стойкость всего многонационального народа на фронте и в тылу обеспечили трудную, но великую Победу в Великой Отечественной войне [Бочарников 2019]. В этих сложных условиях возникает потребность в научном осмыслении того потенциала, каким обладает Великая Отечественная война и Победа в ней.

Методология исследования

Своеобразным проводником, оказывающим формирующее воздействие на социум и, прежде всего, на подрастающее поколение, может рассматриваться научный дискурс о Великой Отечественной войне, представленный публикациями в журналах ведущих вузов Северного Кавказа. Практически все авторы исследуемых публикаций являются преподавателями данных вузов и работают со студенческой молодежью, передавая ей не только конкретные знания, но и свое мировоззрение. Такой выбор исследовательской базы обусловлен пониманием дискурса, которое было сформулировано одним из основателей теории анализа дискурса Т. А. Ван Дейком: «... дискурс является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникационного события или коммуникационного акта» [Ван Дейк 1999]. При этом в «дискурсе отражены не только языковые формы высказываний, но и содержится оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их „фоновые“ знания, имплицитуются коммуникационные намерения и определяется социокультурная ситуация» [Сарна 2021].

В качестве конкретизации термина «дискурс» следует обратиться к его пониманию как измерению текста, взятого в качестве процесса и результата «речевого (коммуникативного) акта, которое ... выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания» [Руднев 2011]. Из этого следует, что «дискурс

представляет собой не просто вербальную манифестацию субъекта, но также является показателем того, что этот субъект мыслит, познает и сообщает об этом» [Темнова 2004: 31–32].

Важной для целей данной статьи является не только субъектная характеристика дискурса, но и субъектно-объектная, согласно которой дискурс «оказывает непосредственное влияние на мыслительные процессы адресантов, постоянно изменяя и обновляя уже имеющуюся базу ментальных репрезентаций». Именно поэтому «при исследовании дискурса выявляется его роль в формировании мнения адресата, а также контроле над мнением адресата [Темнова 2004: 30–31].

Завершая теоретико-методологический обзор терминов «дискурс» и «анализ дискурса» (З. Харрис) [Harris 1952], хотелось бы обратить внимание на положение, согласно которому «анализ дискурса во многом опирается на исследование ментальных моделей» как хранилищ опыта и знаний человечества, моделей, определяющих «отбор коммуникативной информации, в которой укладывается система категорий прошлого и будущего, существующего и возможного миров с уже пережитым и идеальным стечением обстоятельств, правилами игры и прочими установками» [Темнова 2004: 30–31].

Таким образом, исследуя научный дискурс о Великой Отечественной войне, получаем знания о том, какие коммуникативные смыслы (какую историческую память) вкладываются субъектами и направляются адресантам и насколько они (смыслы, память) соответствуют ментальным представлениям о войне 1941–1945 гг. и оказывают ли консолидирующее воздействие на полиэтничное общество Северного Кавказа.

Материалы исследования

Документальная база сформировалась из 13 журнальных статей, вышедших в свет в 2020 г. — в год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и опубликованных в ведущих научных периодических изданиях Северного Кавказа. Основным исследовательским инструментом соответственно стал дискурс-анализ как совокупность аналитических методов интерпретации текста,

рассматриваемого в качестве результата речевой деятельности, осуществляемой субъектом в конкретных социально-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях [[Сарна 2021](#)].

Консолидирующие тренды в научном дискурсе о Великой Отечественной войне в СКФО

В статьях описываются различные аспекты Великой Отечественной войны: это и самоотверженный труд в тылу, и подвиги воинов на фронте, и вклад отдельных народов в победу, и политическое положение в оккупированных территориях, и партизанское движение.

Консолидирующий дискурс ярко проявился в напоминании о многочисленных формах моральной и материальной помощи фронту женщин Северного Кавказа на примере Кабардино-Балкарии. Показано, как благодаря великой жертвенности женщин, никогда не бывавших на передовой, их повседневная жизнь и ежедневный труд превратились в подвиг и бытовой героизм. Основными консолидирующими качествами, обеспечившими существенный вклад кабардино-балкарских женщин в общую победу советского народа, стали не только доброта, милосердие, отзывчивость на чужую беду, но и общественная активность горянок, вышедшая «за пределы домашней усадьбы» [[Гугова 2020](#)].

Как народы Кабардино-Балкарии вместе со всем советским народом ковали победу над фашизмом на фронте и в тылу, было раскрыто и в другой статье. Сделан акцент не только на вкладе трудящихся республики в продовольственное и сырьевое обеспечение Красной Армии, но и на профессиональном подвиге медицинских работников госпиталей, вернувших в строй около 60 тыс. бойцов, а также на внимании, которым окружили жители Кабардино-Балкарии 16,5 тыс. эвакуированных из Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза. Приводятся примеры усыновления детей, оставшихся без родителей [[Сабанчиев 2020](#)].

Консолидирующий посыл формируется и статьями, напоминающими о вкладе в Великую Победу жителей Дагестана, а именно жителей одного из старинных дагестанских селений — Урахи

[Далгат 2020], а также о подвиге ногайского народа, представители которого проживали как в Дагестане, так и в Черкесии, Чечне, Крыму, на Ставрополье [Кидирниязов, Блейх 2020]. Так, «смертью храбрых в борьбе с гитлеровскими оккупантами погибли руководитель партизанского отряда, секретарь райкома партии Баубек Мижев и его дочь-школьница — Крымхан Мижева. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1965 г. 12-летняя К. Мижева была награждена медалью «За героизм» (посмертно)» [Кидирниязов, Блейх 2020: 22].

Через весь анализируемый дискурс проводятся консолидирующие идеи: «на защиту Родины встали все многочисленные народы, которые показывали великие подвиги на передовой и в глубоком тылу»; Великая Отечественная война «стала проверкой на прочность дружбы и сплоченности между многочисленными народами великой страны» [Кидирниязов, Блейх 2020: 23]; «нам многому можно и нужно учиться у фронтового поколения, и прежде всего, глубокому пониманию первостепенного и непреходящего значения долга перед Родиной» [Далгат 2020: 50–51; Бутаев 2007: 25].

Консолидирующий дискурс связан и с напоминанием о героическом пути конкретных участников войны, в частности жизненного пути Героя Советского Союза Саадуллы Исаевича Мусаева [Басирова 2020], которого в Дагестане называют «неугасимым факелом». Мусаев сгорел, как факел «любви и верности Родине». В «Крыму, где герой ушел в бессмертие, его зовут дагестанским Данко. И он действительно подобен легендарному Данко. Подавив две огневые точки противника на ключевой высоте во время штурма города Керчь, дважды раненый, пораженный вражеским огнем, весь охваченный огнем, Саадулла продолжал подниматься на высоту, увлекая за собой морскую пехоту из 16-го батальона 83-й бригады» [Басирова 2020: 57],

«Консолидирующим посылом людей разных поколений», как обосновывается в научных дискурсах, является память о Малгобекской оборонительной операции битвы за Кавказ [Тегуев 2020а: 78], о воинах из Чечено-Ингушетии, проявивших в боях за Сталинград высокие образцы героизма, отваги и боевого мастерства

[Магомаев 2020], о партизанском движении на Северном Кавказе, вклад которого в битву за Кавказ сложно переоценить [Карташев 2020].

Так, говоря о героизме воинов из Чечено-Ингушетии, в публикации подчеркивается интернациональный состав выходцев из этой многонациональной республики: «Высокие образцы отваги и боевого мастерства проявили в боях за Сталинград летчики из Чечено-Ингушетии И. М. Хрущев, И. М. Алексеев, Б. Н. Воловцов, артиллеристы И. Н. Гвенцадзе, И. Ф. Серегеев, командир пулеметного взвода Х. Нурадилов, комбат Ш. С. Абрамов, командир роты И. С. Харланов, связист П. М. Крутов, майор кавалерийского полка М. А. Висаитов. танкисты П. Я. Калашников, В. Т. Малиновский, сапер И. И. Виноградов. За храбрость и отвагу в боевых действиях ... им всем было присвоено звание Героя Советского Союза» [Магомаев 2020: 95].

Консолидирующим зарядом обладает и описание подвига командира пулеметного взвода 5-й гвардейской кавалерийской дивизии Ханпаши Нурадилова. В дискурс была включена распространяемая среди защитников Сталинграда агитационная листовка, выпущенная Политуправлением Сталинградского фронта, в которой говорилось: «Былинным подвигам кавказских витязей следовал богатырь Нурадилов. Из своего пулемета он уничтожил 920 фашистских захватчиков, захватил 7 пулеметов врага и лично взял в плен 12 фашистов. ... Пусть ратные подвиги героя Кавказа ... станут для тебя и твоих товарищей примером доблести в бою». Показателем единения людей, вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности, является напечатанная на обратной стороне листовки «Песня о Ханпаше Нурадилове», написанная поэтом Е. Долматовским [Магомаев 2020: 92–93].

Отмечая, что «нацистский порядок не вызвал эйфории у жителей, поэтому на Северном Кавказе находилось немало тех, кто не побоялся дать отпор захватчикам, вступая в ряды Движения сопротивления, представленного подпольными организациями и партизанскими отрядами», в дискурсе было обращено внимание, что «в партизанском движении принимали участие представители

более 30 кавказских народов» [Кидирниязов, Блейх 2020: 21], из которых 94 % были добровольцами. Кроме этого, указано, что на Ставрополье действовало 40 партизанских отрядов, в Краснодарском крае — 86, в Калмыкии — 13, в Осетии — 8, по одному отряду было сформировано в Кабарде, Балкарии, Дагестане, Чечне и Ингушетии [Кидирниязов, Блейх 2020: 21].

Напоминая о событиях Великой Отечественной войны, исследователи указывают на необходимость «сегодня, в условиях нестабильности международной обстановки и агрессивной политики руководства» [Магомаев 2020: 95] ряда западных стран, ретроспективного взгляда в героическое прошлое нашей многонациональной страны, всестороннего осмысления героических событий Великой Отечественной войны не только с целью патриотического воспитания молодежи, но и «чтобы более ясно и здравомысленно обозначить контуры грядущего в целях сохранения единства и могущества Российского государства» [Магомаев 2020: 95].

Обращение к памяти о героических событиях Великой Отечественной Войны, как подчеркивается в научном дискурсе, «способствует сохранению связи новых поколений с погибшими в годы войны и способствует формированию чувства патриотизма, сохранению духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения» [Тегуев 2020а: 78].

Публикацией, в которой раскрываются консолидирующие принципы, является и статья, напоминающая о работе журналистов в годы Великой Отечественной войны [Юсупова 2020]. Согласно документальным источникам, «помимо мобилизационного направления работы республиканские СМИ ... умело использовали испытанные формы и методы воспитания народов ЧИАССР в духе самоотверженности и патриотизма» [Юсупова 2020: 39].

При этом необходимо отметить, что солидаризирующий потенциал проявлялся и в том, что «в пропагандистской работе большое участие принимали эвакуированные в ЧИАССР из центральных областей страны писатели, режиссеры, артисты. Известный писатель Александр Галич (Гинзбург) некоторое время проработал режиссером в радиокомитете» [Юсупова 2020: 38].

Агитационно-пропагандистская работа была актуальна не только «в связи с необходимостью ... укрепления дружбы народов, ... воспитания в людях морально-политических, боевых, психологических качеств», но и важностью вырабатывать бдительность, духовную стойкость», умение противостоять «шовинистической идеологии фашизма, насаждаемой на советской земле» [Юсупова 2020: 39].

О реальной необходимости такой воспитательной работы свидетельствует беспрецедентная идеологическая и политическая пропаганда, которая проводилась нацистами среди казаков и горского населения Кавказа, о чем говорится в другой публикации [Аникеев 2020]. Тем более, как отмечается в статье, «системе идеологической пропаганды», обладающей «высокой эффективностью функционирования», «удавалось манипулировать не только немецким народом, но и населением многих оккупированных территорий» [Аникеев 2020: 17].

В определенной степени подтверждением данного напоминания может быть утверждение, сделанное в еще одной статье: «В прифронтовой зоне в Кабардино-Балкарии усилились настроения, ослабляющие позиции советской системы» [Апажева, Татаров 2020: 22]. Однако, несмотря на усилия немецкого командования по дестабилизации обстановки «в прифронтовых областях на Северном Кавказе, ... нацистский эксперимент по применению кавказских соединений вермахта в политических целях ... так и не принес существенных политических дивидендов»: «население Кабардино-Балкарии сохранило лояльность советскому режиму» [Апажева, Татаров 2020: 23, 19].

Итогом проводимой в последнее время в северокавказском регионе работы по патриотическому воспитанию как консолидирующему фактору, к которой могут быть отнесены и научные статьи, раскрывающие героизм многонационального народа в годы Великой Отечественной войны (примером могут быть проанализированные публикации), остается понимание большинством населения значимости победы в ВОВ: «победа в Великой Отечественной войне остается тем историческим событием, результаты и уроки

которого несут в себе большой потенциал патриотического воспитания современной молодежи». Подтверждением могут быть данные социологического опроса, опубликованные в научном журнале, в частности: «победа в Великой Отечественной войне» — «событие в истории моей Родины, которое вызывает гордость» (42 %); «историческое событие, уроки которого важны для современного мира» (31 %) [Тетуев 2020б: 46, 45]. Согласно результатам этого же исследования, «большинство участников опроса имеют патриотическую социальную установку защищать свое Отечество от врагов. На вопрос «Как Вы считаете, что определяет готовность россиян к защите Родины?» респонденты ответили: «любовь к Отечеству» — 40 %, «стремление защищать родных и близких» — 33 %, «готовность пожертвовать своими интересами во имя интересов страны» — 12 %» [Тетуев 2020б: 46].

Выводы

Проведенный дискурс-анализ дает возможность констатировать, что в северокавказском региональном сообществе сохраняется чувство гордости за свой народ, за свою семью, старшее поколение, которое на фронте и в тылу приближало Великую победу. Однако сегодня, когда растет число фальсификаций истории Великой Отечественной войны, уходит поколение участников или свидетелей событий 1941–1945 гг., необходимо продолжить наглядно с помощью исторической науки через образовательное пространство, а также через СМИ, телевидение, художественные и документальные фильмы напоминать о мужестве и героизме в борьбе против общего врага *всех народов нашего Отечества*. Консолидирующий посыл, которым, как показано в научном дискурсе, обладает память о событиях Великой Отечественной войны, может и должен быть подкреплен современной системой гражданско-патриотического воспитания. Необходим поиск оптимальных и эффективных для современных условий форм и методов изучения и осмысления памяти о Великой Отечественной войне. Безусловно, в многовековой истории нашей страны есть не только героические страницы, но и время социальных потрясений, человеческих страданий, трагедий целых народов. Однако исторически предопределено наше

совместное проживание и территориальное соседство. Это означает, что нам объективно необходимо сохранять стабильность межэтнических отношений, укреплять гармоничность межкультурного взаимодействия, развивать межнациональное согласие. А для этого важно, не забывая об исторических травмах, акцентировать внимание на консолидирующем дискурсе, укреплять консолидирующие тренды нашей совместной истории.

Литература

- Авксентьев и др. 2020 — *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д., Иванова С. Ю., Шульга М. М.* Институциональные рамки формирования общероссийской идентичности в Северокавказском регионе: трудности и достижения // *Общество: политика, экономика, право* 2020. № 12 (89). С. 13–20.
- Авксентьев, Аксюмов, Гриценко 2020 — *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д.* Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // *Политическая наука*. 2020. № 3. С. 74–97.
- Аникеев 2020 — *Аникеев А. А.* Нацистская пропаганда на Восточном фронте в 1942–1943 гг. // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2020. № 1. С. 12–18.
- Апажева, Татаров 2020 — *Апажева Е. Х., Татаров А. А.* Национальные регионы на линии фронта: политическое положение в Кабардино-Балкарии в августе – октябре 1942 г. // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2020. № 1. С. 19–25.
- Басирова 2020 — *Басирова К. К.* Жизненный путь Героя Советского Союза Саадуллы Исаевича Мусаева в контексте исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // *Вестник Дагестанского научного центра*. 2020. № 77. С. 52–58.
- Бочарников 2019 — *Бочарников И. В.* Деструктивное воздействие фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны на сознание современной российской молодежи [электронный ресурс] // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2019. 24 декабря. URL: <https://nic-pnb.ru/informacionnoe-protivoborstvo/destruktivnoe-vozdjstvie-falsifikatsii-istorii-i-itogov-velikoj-otechestvennoj-vojny-na-soznanie-sovremennoj-rossijskoj-molodezhi/> (дата обращения 03.02.2021).

- Бутаев 2007 — *Бутаев М. Д.* Отважные сыны Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2007. № 2. С. 23–25.
- Ван Дейк 1999 — *Ван Дейк Т. А.* К определению дискурса [электронный ресурс] // Отрывок из кн.: Dijk T. Van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: SAGE Publications, 1998. 390 p. Пер. с англ.: А. Дерябин, 31 мая 1999. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 07.01.2021).
- Выступление В. Тишкова 2021 — Выступление В. А. Тишкова на заседании Совета по межнациональным отношениям [электронный ресурс] // В режиме видеоконференции состоялось заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям: Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики; 30 марта 2021 г., Москва. URL: <https://sovetsnational.ru/information-support/news/v-rezhime-videokonferencii-sostoyalos-zasedanie-soveta-pri-prezidente-rf-po-mezhnacionalnym-otnosheniyam.html> (дата обращения: 30.03.2021).
- Выступление В. Путина 2019 — Выступление В. Путина [электронный ресурс] // Заседание Совета по межнациональным отношениям в Нальчике. Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики. 29 ноября 2019 г. URL: https://sovetsnational.ru/sovet/materialy-zasedaniy-soveta/materialy-zasedaniy_10.html (дата обращения: 15.01.2021).
- Выступление Ю. Петрова 2021 — Выступление Ю. А. Петрова на заседании Совета по межнациональным отношениям [электронный ресурс] // В режиме видеоконференции состоялось заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям: Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики; 30 марта 2021 г., Москва. URL: <https://sovetsnational.ru/information-support/news/v-rezhime-videokonferencii-sostoyalos-zasedanie-soveta-pri-prezidente-rf-po-mezhnacionalnym-otnosheniyam.html> (дата обращения: 30.03.2021)
- Гриценко 2020 — *Гриценко Г. Д.* Устные истории о Великой Отечественной войне и их роль в сохранении исторической памяти // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы Всеросс. науч. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.) / отв. ред.: Г. Г. Матишов, Е. Ф. Кринко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 523–531.

- Гугова 2020 — *Гугова М. Х.* Труд женщин Кабардино-Балкарии в создании тыла и оказании помощи фронту в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 4–2 (47). С. 66–71.
- Далгат 2020 — *Далгат Э. М.* Вклад жителей селения Урахи в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Дагестанского научного центра. 2020. № 77. С. 45–51.
- Карташев 2020 — *Карташев А. В.* 4-й сводный партизанский кавалерийский полк в боях на Ставрополье в октябре – ноябре 1942 года // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 4. С. 41–48.
- Кидирниязов, Блейх 2020 — *Кидирниязов Д. С., Блейх Н. О.* Подвиг ногайского народа в годы Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Том. 12. № 2. С. 17–25.
- Лошак 2021 — *Лошак В.* Анатолий Чубайс: «Я известный либеральный империалист». Спецпредставитель президента о своей ненависти к советской власти, отличии российских реформ от китайских и поддержке идей Греты Тунберг [электронный ресурс] // Коммерсант / Спецпроект «30 лет без СССР». 2021. 15 мая. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4803922?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.05.2021).
- Магомаев 2020 — *Магомаев В. Х.* Воины из Чечено-Ингушетии на защите Сталинграда // Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 3 (19). С. 92–95.
- Никитин 2019 — *Никитин А.* Чубайс назвал советских граждан лентяями и идиотами [электронный ресурс] // Взгляд: деловая газета. 2019. 8 ноября. URL: <https://vz.ru/news/2019/11/8/1007501.html> (дата обращения: 03.02.2021).
- Руднев 2011 — *Руднев Ю.* Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка [электронный ресурс] // Научные Записки из Жёлтого Дома: студенч. филол. проект. Киев: Киев. нац. ун-т, 2000–2011. URL: http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm (дата обращения: 03.02.2021).
- Сабанчиев 2020 — *Сабанчиев Х.-М. А.* «Все для фронта!»: мобилизация материальных и людских ресурсов в Кабардино-Балкарии // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 1 (48). С. 31–35.
- Сарна 2021 — *Сарна А. Я.* Дискурс-анализ [электронный ресурс] // Гуманитарный портал. Центр гуманитарных технологий. 2021. 22 марта. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7232> (дата обращения: 03.02.2021).

- Сафаралиев 2013 — *Гаджимет Сафаралиев*: «Еще лет 10–15 уйдет на восстановление того, что мы потеряли» [электронный ресурс] // Вестник Кавказа. 26 июня 2013. URL: <https://vestikavkaza.ru/interview/Gadzhimet-Safaraliev-Eshche-let-10-15-uydet-na-vostanovlenie-togo-chto-my-poteryali.html> (дата обращения: 05.01.2021).
- Темнова 2004 — *Темнова Е. В.* Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 26 / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 24–32.
- Тегуев 2020а — *Тегуев А. И.* Малгобекская оборонительная операция битвы за Кавказ в исторической памяти: проблемы формирования и сохранения // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. 4–2 (47). С. 71–79.
- Тегуев 2020б — *Тегуев А. И.* Историческая память о Великой Отечественной войне: эволюция, опыт, проблемы // Вестник КБИГИ (КВІНН Bulletin). 2020. 2 (45). С. 32–49.
- Юсупова 2020 — *Юсупова М. Л.* Средства массовой информации ЧИАССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 1 (48). С. 36–40.
- Harris 1952 — *Harris Z. S.* Discourse Analysis // Language. 1952. Vol. 28. No. 1 (Jan. – Mar.). Pp. 1–30.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2021. № 2

Редактор *Саряева Р. Г.*
Переводчик *Джагрунов С. В.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 04.08.2021. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 10,8. Тираж 100 экз. Заказ 03-21.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

